

Юлия Дятлева
Денис Сысоев

НЕИЗВЕСТНЫЕ БАЙКИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

Юлия Дягилева
Денис Сысоев

НЕИЗВЕСТНЫЕ
БАЙКИ
СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург
ООО "Крига"
2003

ББК 63.3(2)52
Д991

Дягилева Ю. Ю., Сысоев Д. В.

Д991 Неизвестные байки старого Петербурга. — СПб.:
ООО “Крига”, 2003. — 104 с.
ISBN 5-901805-01-1

Книга известных петербургских журналистов представляет собой сборник забавных историй из жизни петербуржцев конца XIX – начала XX в. В ее основу положены публикации из газет рубежа веков. Издание предназначено для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-901805-01-1

© ООО “Крига”, 2003
© Дягилева Ю. Ю., 2003
© Сысоев Д. В., 2003

Предисловие от авторов

Однажды, сто лет назад, в столице... Что мы знаем о жизни столетней давности? Историю, конечно, изучали все, кто больше, кто меньше, да и прошлым родного города немного интересовались. Сколько уже издано книг, описывающих жизнь столицы империи на рубеже веков, а сколько их еще появится по случаю 300-летнего юбилея Петербурга. Но можно ли из научных книг узнать о буднях и праздниках простых горожан, тех, кто, может быть, сто лет назад проживал в вашей квартире или доме. Даже в тех исследованиях, что посвящены быту и повседневной жизни, все равно чего-то не хватает, какой-то специи, без которой до конца не почувствуешь настоящий вкус старины.

Нет улыбки, смеха, нет эмоций. А ведь тогда, как и сегодня, в жизни петербуржцев было немало забавных случаев, необычных историй, о которых говорили в трактирах, рассказывали в компаниях. Журналисты “Петербургского листка” и “Петербургской газеты” слушали эти рассказы и, высоко ценя такие “мелочи жизни”, давали им вторую жизнь на страницах своих газет. Но газета живет один день, а потом уходит на вечный покой в библиотеки. Авторам, историкам по образованию, приходилось не один год изучать содержание старых подшивков. Одновременно, подвизаясь уже долгое время на поприще журналистики, мы не могли не сожалеть, что настоящие залежи столь драгоценного материала до сих пор не востребованы.

Так и родилась идея “петербургских баек”, из желания отряхнуть от библиотечной пыли и вытащить на свет любопытные истории, приключившиеся много лет назад с жителями столицы Российской империи, познакомить с ними современных читателей. Герои баек: князья, актеры, коммерсанты, сапожники и извозчики – все они в первую очередь люди со своими слабостями и странностями, и истории, которые с ними происходили, и сегодня близки и понятны. Отыскивая их в старых газетах, мы порой от души смеялись, нарушая чинную атмосферу библиотеки. Надеемся, что нам удастся повеселить и вас.

Мы не ставили задачи написать еще одну “умную” книжку. Это дело оставим ученым. Но если, читая сборник, вы улыбнулись, если хоть чуть-чуть ощутили вкус того времени и нашли, что герои этих историй кого-то вам здорово напоминают, – значит, мы достигли своей цели. В общем, хотите – верьте, хотите – нет, но сто лет назад в Петербурге...

АЗАРТ И СТРАСТЬ

Живая очередь на дуэль

В июле 1901 года в поезде, на пути из Сестрорецка в Петербург, с подполковником запаса Евгением Яковлевичем Максимовым произошла пренеприятная история, последствия которой взволновали все столичное общество.

Случилось Максиму оказаться в одном вагоне поезда с двумя француженками, небезызвестными в городе звездами кафешантанной сцены. “Мадмуазели”, вероятно, даже не предполагали, что на соседнем с ними диване сидит вернувшийся недавно из Южной Африки герой англо-бурской войны. Иначе вряд ли стали бы во всеуслышание злословить насчет происхождения его глубоко пересекающего висок и щеку шрама. В какой-то момент “солидный господин” не выдержал издевательств и сделал иностранкам замечание, сказав, что “это ранение получено в бою и не может служить поводом для смеха”. Затем он выразил сомнение, настоящие ли дамы француженки, раз позволяют себе говорить незнакомым людям подобные дерзости. За честь певичек вступился сопровождавший их молодой офицер, который не медлил вызвать ошарашенного Максимова на дуэль.

Поединок состоялся спустя неделю, недалеко от Стрельны. Евгений Яковлевич хотел примириться, сочтя повод к подобному выяснению отношений несерьезным. Но его противник, отпрыск древнейшей немецкой фамилии, 28-летний князь Александр Витгенштейн, потребовал тогда от 52-летнего подполковника прилюдных извинений. Причем он настаивал, чтобы извинялся Максимов в вагоне того же поезда, где и было нанесено “оскорбление”, что было, конечно, невозможно. Стрелялись офицеры с двадцати пяти шагов. Князь выстрелил первым и промахнулся. Рука же Максимова, целившегося в ногу, дрогнула, и пуля попала противнику в живот. Роковой исход наступил, едва Витгенштейн успел простить расстроенного Максимова.

Но на этом трагический инцидент не был исчерпан. Брат убитого так же счел своим долгом вызвать подполковника на дуэль. Максимов, с угрозой для своей чести, решительно отказывался от “столь

лестного” предложения, опасаясь “истребить весь род Витгенштейнов”. Но ввиду “настоятельных требований” вынужден был согласиться. На этот раз выбрали холодное оружие – дрались на саблях. Поединок длился долго, целых 12 минут. Свидетели рассказывали, что зрелище было впечатляющим: оба сражались великолепно. Максиму и на этот раз повезло больше – он серьезно повредил князю правую руку и этим “прекратил безобразие”, а после устало пожал здоровую левую и отправился восвояси.

Старый вояка был так сильно потрясен, что даже обратился в газеты с открытым письмом, где негодовал, насколько молодые люди низко ценят жизнь, раз они готовы устраивать кровопролития из-за чести женщины, которая сама ею не дорожит! Что, в конце концов, глупо развязывать дуэль, будучи малознакомым даже с правилами ведения поединков, предусматривающими четко разработанные секундантами условия и сводящими к минимуму смертельный исход. Оказывается, князь Витгенштейн остался бы жить, знай он правила и не явись на дуэль с переполненным желудком. Но и обращение в газетах не смогло поставить точку в этой дуэльной истории. Буквально на следующий день Максимов получил новый вызов, на сей раз от друга князя. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы несчастная жертва дуэльного ажиотажа не получила давно ожидаемое разрешение на отправку к театру военных действий в Китае. Уехав, подполковник, впрочем, оставил в дверях квартиры записку: “Желающие получить удовлетворение могут отправиться вслед за мной”.

Карапуз-картежник

Более стает назад, летом 1898 года, на стрельбище Сестрорецкого оружейного завода произошел беспрецедентный случай. Во время пристрелки оружия пристрельщик Михаил Чудов, работая с очередным ружьем, уже собирался нажать на спусковой крючок, как неожиданно в последнюю секунду заметил на фоне мишени чью-то торчащую из травы голову. Служащие завода отловили нарушителя и передали его полиции. О столь оригинальном способе сведения счетов с жизнью тогда написали многие столичные газеты. Несостоявшимся самоубийцей оказался известный карточный игрок Афанасьев. Действия свои он объяснял круп-

ным проигрышем. На судебных слушаниях его признали виновным и, поскольку денег на выплату штрафа у него не было, отправили на некоторое время в тюрьму. Но об истинных причинах попытки суицида ни следствию, ни широкой общественности известно не было. Об этом знал лишь узкий круг друзей арестованного.

Незадолго до описанных событий Афанасьев прослышал, что на Васильевском острове проживает восьмилетний карточный вундеркинд. У этого ребенка с раннего детства открылись способности к игре. Уже в три года он с удовольствием наблюдал за карточными играми взрослых, которые приходили в гости к его родителям, и всегда страшно волновался, принимая близко к сердцу ошибки игроков. Когда малыш стал чуть постарше, для него день считался прожитым зря, если не удавалось сыграть с отцом, например, три “роббера в винт с открытым”. Сначала родителей это забавляло, они находили подобное увлечение весьма “пользительным” для умственного развития ребенка, так как тот с успехом учился считать, запоминать и анализировать. Мастерство маленького картежника росло вместе с ним. Уже к шести годам ему разрешалось наравне со взрослыми принимать участие в игре, а в восемь лет отец начал финансировать неординарные развлечения своего отпрыска, все чаще получая немалую выгоду от этих вложений.

В результате выражение “обыграть как ребенка” в кругу профессиональных игроков вышло из употребления само собой. Тогда-то скептически настроенный Афанасьев и решил померяться силами с “чудом природы”. Он настолько не сомневался в своем успехе, что опрометчиво заключил пари со своими партнерами, что в случае неудачи он с риском для жизни вылезет под пули на сестрорецком стрельбище. “Картежное противостояние” длилось несколько часов, и к исходу последней партии “мэтр азартных игр” Афанасьев, ранее не знавший серьезных поражений, оказался в глухом проигрыше. Ребенок буквально раздел его до нитки. И если потерю денег и продутое пари картежник еще мог пережить, то тот факт, что малыш, обыгравший его, оказался прелестной девочкой с большим голубым бантом, поверг его в глубокую депрессию. Так что, пробравшись на стрельбище, Афанасьев уже всерьез собирался закончить свою “ничемную картежную жизнь”...

Зато выйдя из тюрьмы, он начисто излечился от болезненной страсти к игре и с тех пор ни разу не сел за карточный стол.

Игра с “секретом”

Страсть к игре вечна, и всегда найдутся те, кто эту страсть готов удовлетворить. Сто лет назад к услугам любителей “побанковать” было немало подпольных игорных домов. Проблем у хозяев было две: как вытянуть из гостя как можно больше денег, желательно все, и как не попасться в лапы полиции. Ради этого владельцы игорных притонов использовали всевозможные достижения технического прогресса.

Осенью 1898 года полиция “накрыла” известный в узких кругах в Петербурге подпольный игорный дом Маслевича. Попасть туда было невероятно сложно: дворник и швейцар тщательно следили за всеми, кто появлялся в непосредственной близости от квартиры, где шла игра. Заподозрив неладное, они сразу нажимали секретную кнопку электрического звонка, и хозяин мог быстро свернуть игру. Пройдя этот кордон, следовало самому найти нужную квартиру, позвонить туда, потом постучать, а затем громко назвать имя хозяина. Только тогда открывалась заветная дверь, и пришедший мог присоединиться к игрокам.

Однако полицию восхитила не эта система предосторожностей, достаточно обычная для подпольщиков. Удивление вызывал способ, с помощью которого Маслевич опустошал карманы игроков. Для этой цели у него были изготовлены специальные карты, “магнитные”, с металлической пластиной на обороте.

Когда игроки собирались, хозяин выходил к ним и заявлял, что, в отличие от других игорных домов, где банкометов обычно подозревают в мошенничестве, у него все идет честно. Гости, разумеется, были далеко не наивными людьми, на слово Маслевичу не верили и требовали гарантий. И тогда владелец игорного дома демонстрировал гостям новые магнитные карты. “Банкомет будет метать не руками, а магнитом, так что никакая передержка невозможна”, – торжественно заявлял он.

Успокоенные картежники приступали к делу. Однако игра тянулась очень долго: каждую карту следовало отцепить от магнита и лишь потом вскрыть. Между тем страсти накалялись. Игроки уже начинали требовать раздавать скорее и перестать копаться. Наконец слышался возглас какого-нибудь, вполне возможно подставного, игрока: “Да бросьте вы эти карты... возьмите простые... надоело... мы и так верим в вашу честность”.

Желание клиента моментально удовлетворялось, “магнитки” убирала, а через пару часов гости расходились с пустыми карманами и уверенностью, что сегодня им просто не повезло, но вот завтра...

Приблизительно одновременно с домом Маслевича полиция накрыла и еще одно заведение. Когда стражи порядка ворвались в комнату, где, по их информации, “банковали”, они застали сидящее за накрытым столом общество. Все было готово к трапезе: тарелки, вилки и прочая сервировка. Ждали только прислугу с блюдами. Полицейские уже собрались уходить, несолоно хлебавши, когда один из них, заметив что-то под тарелкой хозяйна, попытался ее сдвинуть, но фарфор как будто прирос к столу. Секрет, как выяснилось, был прост: хозяин дома оборудовал игровой стол специальным механизмом — достаточно было лишь нажать на потайную кнопку, и столешница переворачивалась. Вместо зеленого сукна появлялась скатерть с тарелками, ножами и вилками. Все предметы, конечно, были надежно закреплены.

И стол и магнитные карты перекочевали в музей сыскной полиции, который постоянно пополнялся всевозможными техническими диковинками. Сохранились ли эти экспонаты до наших дней, увы, неизвестно...

Невский скакун

В декабре 1897 года многие прогуливающиеся по Невскому проспекту горожане стали жаловаться, что каждый день им приходится уворачиваться от некоего субъекта, который на приличной скорости проносился по главной городской улице, время от времени поглядывая на часы.

Ушлые журналисты петербургских газет быстро выяснили, кто был сей странный господин. Им оказался некий мещанин Сотейкин, в недавнем прошлом заядлый “готошник”, иначе говоря, любитель поиграть на скачках. С годами его увлечение переросло в настоящую манию, он дневал и ночевал на ипподромах, транжиря доставшееся ему от какого-то дальнего родственника солидное наследство. Проиграв все свои деньги, он начал влезать в долги, число кредиторов росло, но вместе с ними росла и страсть к скачкам. И вот однажды, проснувшись поутру,

Семен Сотейкин ощутил, что он – это уже не он, не человек вовсе, а скаковая лошадь, точнее жеребец арабских кровей, горячий и быстрый.

Прислушиваясь к новым ощущениям, “скакун” Сотейкин вышел из дома и побрел по городу. Ноги вынесли его в начало Невского проспекта как раз в тот момент, когда на Петропавловке громынула полуденная пушка. Сотейников встрепенулся, повел головой и, издав непонятный крик, бросился бежать по Невскому к Николаевскому вокзалу. Пролетев до Знаменской площади, он отдышался и через несколько минут побежал обратно, радуясь, что удастся обогнать этих бедолаг, запряженных в повозки. С того дня и повелось: ровно в полдень он выходил на старт у Адмиралтейства и со всех ног бежал к вокзалу, пытаясь побить свой же рекорд. Такой забег занимал у него обычно минут двадцать. Едва отдышавшись, он мчался обратно. Продолжались эти безумные скачки до шести вечера. С наступлением сумерек “лошадка”, устав, растворялась в толпе, чтобы на завтра с выстрелом пушки вновь начать гонку.

Журналисты, раскопавшие эту историю, просили жителей города не волноваться, а уступать болезному дорогу. Никакого вреда он причинить не мог – лошади ведь человека за просто так никогда не затопчут.

Пари по-русски

Давно известно: нет проще способа толкнуть русского человека на любой, даже самый безрассудный поступок, чем взять его на “слабо”. Задетый сомнениями в своих способностях, он готов свернуть себе шею, но доказать обратное.

Проживал сто лет назад в Петербурге один известный в своих кругах купец Апраксина двора. Известен он был удивительной способностью, которая плавно перешла в привычку, никогда не проигрывать заключенное пари, чем сам он очень гордился. Зная об этом, свои же купцы-апраксинцы как-то решили его проучить, а заодно и поразвлечься. Предложили они ему на спор пересчитать при свидетелях зубы у громадного пса. Хозяином “собачки” был один из спорящих, поэтому естественно, что барбос при ближайшем рассмотрении оказался невероятно злобным волкодавом.

Мысль об опасности быть в лучшем случае искалеченным не смогла побороть задетое самолюбие. А чтобы подогреть страсти, любитель пари заключил его с каждым из спорщиков на кругленькую сумму. На кон были поставлены даже два живых гуся, привезенные в Питер одним заезжим казаком для продажи.

Зрелище организовали в доме хозяина пса. Зрители заблаговременно расположились на высоте не менее двух метров над полом. Только главный участник спора оставался внизу. Заранее разъяренная собака набросилась на противника и сразу начала его трепать. Последний показал в бою большую ловкость и изворотливость, чему также способствовало его геркулесовское телосложение. Спустя четверть часа несчастный пес так утомился нападать, что проворному сопернику вскоре удалось его повалить и связать. Залезть в пасть к собаке и проверить состояние ее зубов после смертельной схватки оказалось делом нехитрым. И через несколько минут купец торжественно объявил результаты исследования: нет одного зуба, два попорчены. Очередное пари было выиграно блестяще.

Покусанный, в лохмотьях, но страшно довольный, с карманами, набитыми выигранными деньгами и двумя гусями под мышкой, он отправился со всеми праздновать победу в ближайший кабаk. По дороге выяснилось, что птицам для комфортного проживания непременно нужен водоем. Резать их сейчас не было никакого резона, события разворачивались накануне праздника, и еду, в том числе и мясо, уже закупили. Предложение разместить пернатых в кадке с водой знатоки отменили сразу – слишком уж тесно. Сошлись на том, что для гусиных купаний вполне подойдет ванна в квартире самого купца. Туда отправили гонца с гусями и запиской к жене, которой давались подробные инструкции о том, как разместить крылатых гостей. Жена исполнила все в точности. Пустила воду, поместила птиц и... отправилась на рынок, не закрыв кран. По возвращении она увидела у своей квартиры толпу людей, решающих, подождать ли хозяев или вскрывать дверь, так как вода затопила уже несколько этажей. Открыв дверь, хозяйка в ужасе обнаружила, что ее жилище превратилось в пруд, а два гуся радостно плавают среди всплывших легких предметов.

На выплату штрафов, ремонт своей квартиры, покупку нового костюма, конечно, купцу пришлось изрядно потратиться. Выигранные деньги покрыли только половину расходов. Но что может быть важнее и дороже репутации непобедимого спорщика!

Маэстро кутежа

Более ста лет назад питерский коммерсант Илларион Николаевич Барсуков устроил в одном из уважаемых ресторанов празднование по случаю своеобразного юбилея – десять лет с того дня, как он впервые самостоятельно заплатил в ресторане по выставленному счету.

К этой знаменательной дате Илларион Николаевич даже заказал в переплетной мастерской специальный альбом “Воспоминания о кутежах”, в который вошли все его счета с 1888 по 1898 год. Получилась весьма увесистая, в роскошном переплете книга. Ее переднюю обложку украшала тисненая золотом гастрономического вида виньетка, состоявшая из бутылки шампанского, ножей, вилок, битой дичи и вензеля Барсукова. На задней части обложки красовалась итоговая сумма за прошедшее десятилетие. Почти со всеми счетами у Иллариона Николаевича были связаны трогательные воспоминания, и, листая альбом, он мог рассказать не одну сотню забавных историй. Тем более что названия отдельных счетов говорили сами за себя: “Автограф на зеркале – 25 р.”, “Абдуле, за лай по-собачьи – 10 р.”, “Игра на рояли в четыре ноги – 50 р.”, “Оторванные бакены метрдотеля – 100 р.” и т. д.

Особенной популярностью на юбилейном вечере пользовалась история под названием “Двенадцать бутылок крепленого вина – 80 р.” Однажды Барсуков гулял с приятелями в ресторане на Большой Морской. За соседним столиком развлекалась другая компания, в которой находился известный петербургский атлет. На протяжении всего вечера атлет громко рассуждал о пользе силовых упражнений, похваляясь личными достижениями. Раскуражившийся Илларион Николаевич заявил своим знакомцам, что на спор с одного удара “уложит этого гуся”. Спорщики ударили по рукам и пригласили атлета к себе за столик. Не теряя времени, Барсуков заказал вина и открыто начал подпаивать ничего не подозревавшего “геркулеса”. Доведя атлета до “подходящего” состояния, коммерсант пригласил его померяться силами. Коварному Барсукову было достаточно разок пихнуть соперника в грудь, чтобы без труда уложить его на пол. Спорщики было возразили, что на самом деле истинным победителем является вино. Тогда Илларион Николаевич предложил “коллегам” повнимательнее

рассмотреть этикетки на выпитых бутылках, где значилось его имя как владельца винного заводика. Пари было выиграно, а памятный счет увековечен.

Еще долгое время, отправляясь в ресторан поужинать с друзьями, Барсуков прихватывал “свой талмуд” и развлекал сотрапезников тем, что открывал наугад в любом месте альбом и рассказывал очередные “кутежные” истории.

Король пьяниц

18 ноября 1899 года случайные посетители Смоленского кладбища наблюдали странную процессию: за скромным гробом шла вереница безбожно пьяных людей, буквально рыдавших от постигшего их горя. Хоронили известного в те времена короля петербургских пьяниц. История не сохранила его имени, кажется, фамилия его была Ковалев, осталось только прозвище – Василеостровский Блондин.

Проживавший на Васильевском острове Ковалев, будучи 27 лет от роду, прославился тем, что прокутил свое состояние, которое доходило до 400 тысяч рублей. Повеса был отдан на поруки своему дяде, который положил племяннику 300 рублей месячного содержания. Весь месяц Ковалев жил впроголодь и делал долги. Когда же наступал день “получки”, он шел на Никольский рынок и выбирал там четырех местных поклонников зеленого змия. Для начала компания отправлялась на другой рынок, где Ковалев покупал всем приличную одежду, затем все шли в парикмахерскую. Одетых и постриженных компаньонов Блондин вел в ресторан и устраивал там веселое застолье с обильным возлиянием. Задачей было потратить все деньги до последней копейки. Подобные развлечения продолжались два года.

В тридцать лет Ковалеву вновь улыбнулась удача – он получил наследство в 100 тысяч рублей. Разбогатевший пропойца себе не изменил и основал Общество пьяниц. Собиралось общество на снятой специально по этому случаю квартире, все убранство которой состояло из стола, стульев и кроватей. Посреди стола высился бочонок водки, его окружали приготовленные искусным поваром закуски. Выпить и поесть тут мог любой знакомый при одном условии: выпив одну рюмку, пришедший в общество был обязан пить

два дня, как говорится, не просыхая. Причем пить надо было исключительно водку и пиво. Те, кто проходил испытание двухдневным “ершом”, получал сто рублей награды. Понятно, что основными гостями Ковалева были пьяницы со стажем, для которых подобное испытание не было чем-то особенно тяжелым. Веселье в Обществе пьяниц продолжалось два года, пока у Блондина не кончились деньги. Ковалев вновь стал нищим, а через некоторое время, как и следовало ожидать, скончался от белой горячки. В последний путь покойного провожал весь пьяный Петербург, а заседания Общества пьяниц еще долго с тоской вспоминали в городских кабаках.

Босоное лечение

Сто лет назад у одного питерского коммерсанта, по фамилии Галунин, то ли от сурового невского климата, то ли от излишних возлияний, начались проблемы со здоровьем. К докторам обращаться ему не хотелось, поэтому он занялся поисками альтернативных методов лечения. Однажды случайно, из газет, он узнал, что в Москве активно практикуется способ оздоровления по системе доктора Кнейпа. Суть лечения сводилась к длительному и регулярному хождению босиком. Этот на первый взгляд необременительный способ улучшения здоровья очень приглянулся Галунину. На следующий день в свою контору он приехал уже с твердым намерением приступить к нетрадиционному лечению. Под изумленные взгляды приказчиков оздоравливающийся снял с себя сапоги и чулки, запер их в железную кассу и, чтобы предупредить недоразумения, громогласно заявил, что он теперь кнейперьянец. Присутствующие, в свою очередь, решили, что у “самого” либо опять запой, либо последствия оного в виде “беленькой”. Наверняка сейчас босому Мартынычу видится, что он “губернатор каких-нибудь экваториальных провинций”, решили они и размышляли, не стоит ли вытребовать по этому случаю с Удельной “скоропостижную карету”, а то вдруг еще вздумает кидаться.

– Захар Мартыныч, – отважился обратиться к нему один из приказчиков, – ледку бы на голову хорошо положить.

– Себе клади! – обиделся на столь явное непонимание Галунин. – Скажи еще дерзость, так за дверь бонбой вылетишь! Человек лечит босохождением по системе доктора Кнейпа, а им в диковину!

Но тут в контору вошел его приятель, коммерсант Тминов. Увидев босые ноги, компаньон остолбенел, а получив разъяснения, заметил:

– Вы, братец, умный человек, но все же переборщили, кто же из кредиторов поверит, что вы без сапог не от плохих дел остались. И как же я теперь с вами в “Коммерческий” обедать пойду?

– Да очень просто, – ответил Галунин и с этими словами надел шляпу, взял приятеля под руку и вывел его на улицу. Но Тминов, замаявшись, аккуратно высвободился от него:

– Вы, знаете ли, идите впереди, а я как-нибудь поодаль, понимаете, неловко... подумают еще, что мы знакомы.

Опасения оказались ненапрясными. Сумасшедших на улицах Питера в то время было предостаточно, но на человека без сапог в пальто и шляпе все же обращали внимание. “Вас, барин, из какого клуба выставили?” – забавлялся торговец кренделями. А какая-то дама, лорнируя Галунина, пояснила своей юной спутнице, что на самом деле это обычная история, когда теща отнимает у зятя сапоги, чтобы он сидел дома, а этот ушел босой. Вдобавок перед входом в трактир в необутую пятку Мартыныча вонзилась заноза, и в обеденный зал он уже впрыгивал гордой цаплей. Завидев такое, буфетчик-ярославец заголосил:

– Отцы мои, среди бела дня ограбили! Водочки не подать, ножки согреть?

Пока теплело в ногах, Галунин рассказал, что в Москве многие “босиком лечатся”, а за границей сапожники этого Кнейпа даже к суду притянули, так как боятся прогореть. Буфетчик же многозначительно сообщил, что по этой самой системе он когда-то из деревни прибыл в Петербург. После часовой беседы с прославлением Бахуса и старины Кнейпа Галунин пришел к выводу, что по этой самой системе здорово пьется и неплохо бы для улучшения настроения отправиться покататься по островам...

На следующий день Тминов, обстоятельно подбирая слова, объяснял галунинским домочадцам, что раньше чем через полгода они могут отца семейства не ждать, поскольку тот прибил к паломникам, которые собираются идти в святая святых – Иерусалим. Босохождению, мол, в городе мешают рестораны, к тому же на Востоке тепло и ноги не мерзнут.

Уже через пару дней уставший и несколько грязный Галунин вернулся к родным пенатам, неизвестно где успевший вдохновиться очередной идеей об оздоровлении. Последняя заключалась

в сидении в стеклянном ящике с десятком одновременно включенных электрических лампочек. Но на этот раз эксперимент поставить не удалось – вмешалась галунинская супруга и напомнила ему, что он единственный кормилец в семье, и пусть лучше пьет в меру, но хоть живым останется.

Блинное безумие

Все-таки русский человек уникален в своих крайностях. Любить так любить, гулять так гулять, и если уж есть блины, то надеяться до обморока.

Сто лет назад в Петербурге во время Масленой недели блины готовили и ели буквально повсюду: на ярмарках, улицах, дома, в ресторанах. Везде стоял чад от прогорклого масла, а в воздухе витал, казалось, непроходящий блинный запах. Самой любимой забавой в это время становились повсеместные соревнования по поглощению блинов. В 1900 году 14 февраля в одном из ресторанов на Большой Морской по традиции проводили такое состязание. В нем участвовали семеро знаменитых матерых едоков, все купцы с Калашниковской набережной. Большие и жирные блины под громогласное скандирование зрителей они ели на время, приправу выбирали по своему вкусу. В результате через три часа победитель установил рекорд, уничтожив 84 блина. Обессиленные от обильной и длительной трапезы, но не потерявшие куража, участники соревнования уже не могли остановиться. Все семеро скинулись по “красненькой” и назначили призовой фонд в семьдесят рублей тому, кто сумеет поднять еще выше “блинную планку”. Оказалось, что достойные соперники в этом виде “спорта” водились не только среди купеческой гильдии. На вызов откликнулся один отставной чиновник из Коломны. Присутствующие и не предполагали, что этот человек уже много лет был великим мастером в данной области. Его даже приглашали в некоторые богатые дома, где он для увеселения публики поглощал блины в неимоверном количестве. Поэтому спустя несколько часов на Большой Морской легко был установлен новый рекорд в 93 блина. Очевидцы говорили, что делал “блиноед” это легко и с удовольствием. И видно, мог бы съесть еще больше, да вот только в самый разгар действия появился какой-то человек, который буквально за шкирку

вытащил из-за стола новоявленного победителя. Последний покорно полпелся за ним по направлению к выходу, не забыв, однако, прихватить с собой честно заработанные денежки. Публика была в недоумении. Послали гонца выяснить, почему было прервано зрелище. Оказалось, что бывший чиновник, уйдя в отставку, в своем немолодом уже возрасте слишком увлекался жирной пищей, в результате чего раз в год ложился в частную клинику своего друга для обследования по причине болезни желудка. В этот раз время пребывания в больнице совпало с праздником Масленицы, и “блиноед” периодически убегал от врачей, чтобы предаться чревоугодию и заодно подзаработать. А суровый человек, который отлавливал его по ресторанам, был тем самым другом-доктором.

Слабительные заплывы

В мае 1899 года на невские берега прибыл известный английский спортсмен-пловец мистер Лоо. Всеобщее признание он получил, когда сумел “без особых приспособлений” переплыть пролив Ла-Манш. И теперь питерская публика с нетерпением ожидала от “героя-бритта” новых подвигов.

Ходили слухи, что “могучее дитя туманного Альбиона”, несмотря на плохую погоду, собирается форсировать Неву в ее самом широком месте, возле Троицкого моста. А после того как в прессе появилось сообщение, что в планы г-на Лоо входит пересечь воды Финского залива от Ораниенбаума до Кронштадта, он окончательно превратился в самую популярную фигуру наступающего сезона. Сам же англичанин был чрезвычайно недоволен таким пристальным вниманием к своей персоне. Старательно избегал светских визитов, тренировки проходил в малолюдных местах и, что самое любопытное, самолично готовил себе еду. И если его нежелание общаться списывали на необходимость сосредоточиться перед серьезным заплывом, то последнее обстоятельство объясняли исключительно потребностью соблюдения какой-то таинственной спортивной диеты. Как-то раз у мистера Лоо спросили, каким образом ему удастся преодолевать столь серьезные водные препятствия, не кроется ли его секрет в специальном питании. Пловец ответил, что помимо физической подготовки во время

больших заплывов ему очень помогают костюм из непромокаемой ткани и фляга с “согревательным напитком”, которую он обязательно привязывает к поясу.

Что же касается еды, то для “изолированного” питания у него были веские причины. Оказалось, что один его французский коллега-пловец уже приезжал демонстрировать свое мастерство в Петербург. Он-то и посоветовал Лоо Северную Венецию как место, где не бывает акул и особых морских волнений. Но все же посоветовал соблюдать определенную осторожность. Сам француз легко переплывал Неву по несколько раз туда и обратно, пока какой-то местный купец-барочник не вздумал потягаться с заезжим молодцом. Ежедневно в течение недели между ними устраивались соревнования, в которых первенство неизменно оставалось за железными мускулами и здоровыми легкими француза. Купец был в отчаянии, поскольку его знакомые делали на него немалые денежные ставки и страшно досадовали на купцовы неудачи. Тогда коварный русский соперник подкупил лакея в гостинице, где проживал французский спортсмен, а тот подсыпал рекордсмену в чай средство “ослабляющего действия”. И лишь благодаря такой махинации нечестная победа была все же одержана, а оконфузившийся на воде галл спешно покинул столицу. Так что собиравшемуся в Россию Лоо француз настоятельно советовал есть и пить все исключительно собственного приготовления, дабы англичанин не получил, как и он, ударной дозы английской соли в чае.

В общем, поездкой мистер Лоо остался доволен, очередной рекорд установил, петербуржцы оказались весьма приятными людьми, а то, что перед отъездом стянули драгоценный гидрокостюм, — так это ничего, оно и в Англии случается.

Рецепт для коллекционера

Больше ста лет назад проживал в Петербурге один коллекционер. Его страстью было собирательство докторских рецептов. Он считал такое коллекционирование очень интересным, поскольку любой индивидуальный написанный от руки рецепт был уникален сам по себе. За 10 лет ему удалось набрать 6743 рецепта. Впрочем, собирал он не все подряд, а с большим разбором. В его

обширной коллекции помимо современных хранились рецепты, выписанные европейскими врачами XVII века, предписания японских, китайских и австралийских медиков. Поиск новых экземпляров он вел через знакомых и музеи. Но самым эффективным способом было отправиться в интересующую его страну и дать в местных газетах соответствующее объявление о “выгодной” покупке рецептов.

Как-то раз, решив пополнить коллекцию восточных рецептов, он отправился в Китай, где с ним произошел поразительный случай. Как всегда, по прибытии он сообщил в прессе о цели своего приезда, но, к его великому удивлению, на призыв никто не откликнулся. Питерский коллекционер не учел, что китайцы – народ бережливый, к бумаге относятся с великим уважением, а написанное на ней и вовсе почитают за реликвию. Поэтому желающих добровольно расстаться с драгоценными письменами не нашлось. Тогда собиратель решил лично отправиться на прием к китайскому врачу, чтобы тот выписал ему рецепт. Выбрав эскулапа подревнее, в надежде заполучить какой-нибудь нетрадиционный рецепт, он пошел к нему за вожделенной бумагой. Каково же было его удивление, когда врачеватель сообщил ему, что обнаружил у него серьезный недуг, лечение которого на протяжении суток потребует полного физического бездействия. Несмотря на оказываемое сопротивление, пациент был накрепко привязан к кровати, и в течение 24 часов ему попеременно ставили то иголки, то какие-то примочки или просто пристально смотрели. Когда его наконец отпустили и выдали столь желанный рецепт, прежней коллекционерской радости он почему-то не ощущал. Правда, при этом чувствовал себя несравненно лучше и с удовольствием заплатил “за труды”.

С тех пор интерес к коллекционированию у него постепенно начал исчезать. Вернувшись домой, он нашел человека, сумевшего перевести предписания китайского врача. Оказалось, что собиратель рецептов был успешно излечен от болезни под названием “страсть к накопительству”, которая, по мнению китайского доктора, являлась серьезным душевным недугом.

Рецепт из Китая стал последней жемчужиной редкой коллекции, которую утративший к ней всякий интерес собиратель отдал какому-то музею, где она благополучно и пропала.

Проклятая мумия

В конце XIX века в Петербурге появилась мода украшать свои гостиные всевозможными музейными редкостями. В столице постоянно проводились аукционы, все время продавались какие-то раритеты. Каждый внезапно разбогатевший купчик стремился приобрести что-нибудь эдакое, дабы прихвастнуть перед гостями.

Потому ничего не было удивительного в том, что увлекшийся древностями купец Елизаров приобрел, будучи в заграничном во-яже... настоящую египетскую мумию. Как ни убеждали его в том, что на всех покойниках из страны пирамид лежит проклятие и связываться с ними не стоит, купец был непреклонен. “Желаю, – говорил он, – гостей своих удивить да напугать”.

Уже возвращаясь в Россию, купец в первый раз призадумался над тем, что ему сказали про “древность египетскую”. Поезд, на котором он ехал, ломался через каждый час, а в конце концов сошел с рельсов, едва не погубив всех пассажиров. Пока в панике собирали вещи, искали экипаж, какие-то неизвестные воришки умыкнули почти весь багаж путешественника, оставив ему лишь мумию. С трудом добрались до гостиницы. Но и тут неприятности не перестали преследовать купца: мало того что гостиница оказалась грязной и для жизни богатея непригодной, так и слуга Парамошка, прежде державший себя в строгости, перебрал с напитками в местном трактире. В пьяной потасовке его “изрядно повредили”, так что передвигаться самостоятельно, а уж тем более за хозяином своим ухаживать он был совершенно не в состоянии.

Усталый и осунувшийся Елизаров с грехом пополам и с мумией, которую все-таки жалко было бросать, добрался до границы государства российского. И накрепко застрял на таможне. Дело в том, что таможенные чиновники, принимавшие груз, пришли в полное недоумение и растерянность. В списках тарифов о мумиях ничего не говорилось, а значит, и неизвестно было, какую пошлину взимать с ее владельца. Вовсе без пошлины, конечно, странный багаж пропустить было нельзя. Измученный купец попытался было выдать ее за своего давно усопшего родственника, которого он везет в родной земле упокоить. Но чиновники ему попались начитанные, про Египет слышавшие и мумию на картинках видевшие. Долго судили и рядили, с высшим начальством советовались, наконец вынесли вердикт: отнести мумию к разряду... консервов. Довольные тем, что сложная

ситуация разрешилась, таможенники, недолго думая, приписали владельцу еще и крупный штраф – на “египетской консерве” не значился срок хранения.

Думая, что на этом его неприятности закончились, Елизаров вернулся домой и с ужасом узнал, что стараниями “преданного” управляющего он поставлен на грань разорения. Тут он окончательно уверовал в “сказки” о проклятии египетском и поспешил от мумии избавиться, выставив её на аукцион. Цену ей назначил смехотворную – меньше чем за какую-нибудь плохонькую бронзовую статуэтку. Однако и по дешевке брать египетского покойника никто не захотел. Так бы и лежала мумия в здании, где проводился аукцион, если бы спустя несколько дней там не приключился пожар. Много добра сгорело, картин, ценностей, а вместе с ними сгинула и мумия – к большой радости купца, у которого с этого дня все дела на лад пошли.

ПОД СЕНЬЮ МУЗ

Мекка для гастролеров

Петербург начала XX века славился среди иностранных артистов невероятным количеством богатых и щедрых “ценителей высокого искусства”. Многие зарубежные звезды оперы и балета с удовольствием отправлялись на гастроли в страну, где благодарные поклонники подносили своим кумирам изысканные ювелирные украшения, шубы из ценного меха, инкрустированные гарнитуры и прочие роскошные презенты.

Очаровательной певице Кристине Нельсон, например, питерские обожатели преподнесли в драгоценном ларце удивительный наряд Маргариты, расшитый жемчугом и бриллиантами, а артистке Лине Кавальери подарили шикарное рубиновое ожерелье, оцененное в 60 тысяч рублей. В Милане известным итальянским певцом Мазини был даже создан специальный музей подношений, где самое почетное место занимали дары из России, преимущественно из Санкт-Петербурга и Москвы. Там находились три шубы из собольего меха, подарок питерских меломанов, по 7 тысяч рублей каждая, драгоценный зонтик с ручкой из золота, отделанной яхонтами и рубинами, на которой был изображен сам великий Мазини в костюме капуцина из спектакля “Фаворитка”. А на шелковой материи этого зонтика знаменитыми художниками акварелью были написаны сцены, иллюстрирующие спектакль.

Щедроты русских поклонников распространялись не только на маститых общепризнанных артистов. И зная об этой особенности, в Россию буквально совершали паломничества иностранные певцы, танцоры, музыканты. Их не пугали низкие заработки от основной работы в труппе какого-нибудь театрала, поскольку обычно все это компенсировалось подарками от любящих зрителей и покровителей.

В Петербурге тогда работали специальные бюро, агенты которых рассказами “об удивительной стране” с успехом вербовали за границей иностранных артисток. Завербованные певицы

парижских кафешантанов возвращались на родину вполне довольными, привозя из Питера нарядов на тысячи рублей. Но, как это бывает, везло не всем. Симпатии петербургской публики распределялись неравномерно, и многие жаждущие подарков, оставались не обласканными поклонниками, начинающими разбираться, что “не все хорошо, что поет по-французски”. Такие не состоявшиеся в России “дивы” вынуждены были возвращаться домой, а более настырные оставались в Петербурге. Одни заполняли вакантные места гувернанток, другие же отправлялись на заработки в качестве “бабочек”, например в магазин “Пассаж”, где составляли серьезную конкуренцию местным девушкам легкого поведения. В “Пассаже” тогда было огромное количество дамских магазинов, вдоль них несостоявшиеся примадонны дефилировали каждый день в ожидании клиентов, которые для повода “к знакомству” обязательно должны были приобрести что-нибудь новым подружкам. Из-за этого сильно страдала репутация заведения, и к 1900 году “Пассаж” вынужденно закрыли.

Одна хорошенькая иностранная певица, оказавшись среди таких же потерпевших фиаско на поприще искусства, решила вернуться домой все же “на шите”, выбрав нестандартный способ решения проблемы. Отыскав “спонсора”, девушка занялась распространением идеи о системе оздоровления по профессору Ломану – принятию успокаивающих нервы солнечных и воздушных ванн с минимальным количеством одежды. А попросту, ломая все стереотипы, в том числе и общепринятый, что блондинкам загар не к лицу, организовала клуб nudists, который пользовался удивительной популярностью среди мужчин и женщин. Жаль только, что питерский климат упорно не хотел считаться с этой научно обоснованной идеей оздоровления. В результате некоторые члены клуба, “убегая от неврастении, прибежали к плевриту”. И продержавшееся всего один сезон предприятие в Питере пришлось свернуть. Но, вдохновленная успехом, мадемуазель не потеряла оптимизма и, посоветовавшись со знающими людьми, отправилась реализовывать планы в более теплые края, а точнее в Одессу. Здесь след ее теряется; говорят, что, прогуливаясь в неглиже по черноморскому пляжу, она познакомилась с китайским коммерсантом-книготорговцем...

Роковое па

Более ста лет назад своим мастерством и талантом на петербургской балетной сцене блистала молодая итальянская танцовщица сеньорита Пьерина Леньяни. В то время среди столичных балетоманов и критиков ее считали не просто “королевой лебедей”, которую она прекрасно танцевала в знаменитом спектакле на музыку Чайковского, а самой настоящей “королевой балерин”, так как равных ей по красоте, грации, пластике и хореографической подготовке тогда не было. Звезда ее закатилась стремительно и при очень таинственных обстоятельствах.

Однажды в феврале 1895 года, находясь на самом пике своей славы, в который раз исполняя главную партию в балете “Лебединое озеро”, Пьерина Леньяни внезапно подвернула ногу, серьезно повредив при этом мышцы и сухожилия. Она мужественно дотанцевала вплоть до финальной сцены, но тем самым лишь усугубила травму. После танцовщица объяснила, что была уверена, будто это ее последний спектакль, и ей хотелось остаться на высоте в памяти зрителей. Несмотря на все убеждения врачей и друзей, что эта травма является результатом напряженных репетиций и тренировок и что у нее есть надежда вернуться на сцену, балерина постоянно твердила по-итальянски: “Меня предупреждали, это был злой рок”.

Оказалось, танцовщице когда-то нагадали, что незадолго до того, как она навсегда покинет сцену, ей будет послано знамение, благодаря которому, быть может, ей удастся на время отсрочить это печальное для любого артиста событие. И вот за несколько дней до несчастного случая в Дворянском собрании проходил благотворительный костюмированный бал, куда Пьерина Леньяни была приглашена в качестве продавщицы шампанского и цветов. Во время вечера был объявлен конкурс на самый оригинальный маскарадный костюм. Неожиданно в разгар праздника к сеньорите подошел “субъект, нарядившийся балериной, на костылях и без одной ноги” и, улыбаясь, сказал, что собирается взять первую премию в конкурсе. Знаменитая танцовщица очень испугалась, расценив появление этого человека как предсказанное знамение, но она не представляла, что может предпринять, и “опробетчиво” вышла на сцену. Спустя продолжительное время после травмы Пьерина Леньяни вновь смогла танцевать, но у нее

никогда не было прежнего головокружительного успеха! На балетном небосклоне уже ярко сияла звезда “божественной” Матильды Кшесинской.

Не все рыжие одинаково полезны

Более ста лет назад антрепренер одного питерского драматического театра пригласил на работу в труппу известную трагическую актрису, недавно вернувшуюся из гастрольной поездки по Европе. Как большинство коллег, Лидия Сергеевна была безумно суеверна. Особенно сильно “печальная дива” верила в то, что рыжеволосые люди приносят ей удачу. Выходя на сцену, она прежде всего искала глазами в зрительном зале огненную шевелюру. Наличие таковой, по убеждению актрисы, свидетельствовало о неминуемом успехе спектакля. В противном случае играла без вдохновения.

Дебютируя на новых подмостках, актриса с радостью узрела в партере рыжего субъекта с характерным длинным носом. Рядом с ним сидела молодая женщина-художница, которая тут же делала с актрисы карандашные наброски. Польщенная подобным вниманием и желая облегчить задачу рисовальщице, Лидия Сергеевна старательно принимала по ходу действия изящные позы. Увлечшись, на мгновение она запамятовала нужные слова и, в ожидании подсказки, взглянула в суфлерскую яму. Суфлером в театре работала женщина, поэтому, с интересом разглядывая элегантный парижский туалет знаменитой актрисы, она “прошляпила” заминку на сцене. Лидии Сергеевне пришлось выпутываться самостоятельно, но на затянувшуюся паузу зрители все же отреагировали неодобрительным гулом.

На этом неприятности, вопреки присутствию “рыжей приметы”, не закончились. На душераздирающую реплику артистки “Я умираю от голода!” из-за кулис на сцену, со слезами на глазах и держа в руках буфетный пирожок, выбежала ее новая, совсем юная горничная. По неопытности она приняла происходящее на сцене за чистую монету. Зал откровенно захохотал и, несмотря на мастерскую игру актрисы, спектакль провалился. Ко всему прочему, выяснилось, что рисовальщица в партере, из-за которой прима забыла слова, оказалась модисткой, которая пришла в театр скопировать фасон новомодной французской шляпки примадонны.

После шквала неприятностей Лидия Сергеевна собиралась было разувериться в счастливом рыжем цвете. Но вдруг заметила седого длинноносого человека, которого еще час назад видела в партере, правда с копной медных волос на голове. Все объяснилось просто: руководитель театра знал о “рыжей страсти” актрисы и из самых лучших чувств поместил в зал “подсадную утку” в рыжем парике. Актриса обвинила директора во всех своих неприятностях и пригрозила судом. Несмотря на несерьезный повод к судебному разбирательству, тот не пожелал окончательно испортить отношения с примой и предложил пойти на мировую. Он обязался в течение трех месяцев всех желающих рыжих пускать в театр бесплатно, а перед каждым спектаклем объявлять, что “проведение зарисовок во время спектакля без предварительного согласования с дирекцией строжайше запрещено”.

Кегли против драмы

Жарким летом 1899 года с одной из петербургских актрис произошла весьма досадная история. По случаю летнего сезона она выступала на дачной сцене. И зрителями ее были отдохавшие на дачах горожане. Госпожа Григорьева такие подмостки избрала, конечно, не от хорошей жизни – надо было хоть что-то заработать. Дачники за билет больше рубля не платили, а обычно все сводилось к 30–40 копейкам, но и это был хлеб. Желая получить хоть немного больше, задумала актриса устроить свой бенефис. По такому случаю собралась она играть Катерину в “Грозе” Островского. Григорьева и сама признавала, что в роли этой не сильна, но почему бы не потренироваться: дачники – народ непритязательный, для них и такая Катерина сойдет.

Одна была загвоздка – по соседству с театром находился кегельбан, откуда в вечернее время постоянно слышались крики разгоряченных игроков. И не раз уже случалось так, что во время самых патетических сцен из кегельбана доносились совсем не соответствующие моменту вопли, смазывавшие весь трагизм сцены. Не желая “конфуза”, актриса заранее подошла к арендатору кегельбана и попросила на один вечер, когда будет бенефис, закрыть зал и игру. Безразличный к искусству делец затребовал с актрисы 15 рублей возмещения убытков. Цена была непомерной, и Григорьева отказала

наглецу, сказав, что все равно к нему в этот вечер никто не придет, все будут наслаждаться ее игрой, а не грубыми забавами в его заведении.

Наступил вечер бенефиса, поднялся занавес, и тут же послышался стук кеглей. Клиентов у кегельбанщика было в избытке, и шумели они не меньше, чем в предыдущие дни. Зрители от души веселились, особенно когда на знаменитое Катерино “Почему люди не летают так, как птицы” из кегельбана послышался ответ: “Да вы, любезный, вина мало выпили, вот он и не летит пока...” Драма на сцене близилась к трагической развязке, а игроки по соседству все более распались и уже кричали чуть ли не во всю глотку.

И вот наступил финал, Катерина уже бросилась к обрыву, и... из-за стенки раздался зычный вопль: “Не промахнись, голуба!”

Ошарашенная публика на секунду онемела, а после разразилась оглушительным смехом и улюлюканьем. Григорьева, сраженная подобным конфузом, замерла на краю сцены, а затем без чувств упала вниз. Хохотавшая публика вновь приумолкла, в тишине раздался грохот кеглей, и тот же голос удовлетворенно произнес: “Хорошо легла чертовка, ровненько...”

Зрители расходились весьма довольные, а один субтильный господин нашел забившуюся в угол от стыда актрису и вручил ей букетик цветов.

– Замечательно, божественно, – восторгался он, – вы играли прекрасно, только объясните мне, почему же этот ваш господин Островский назвал драмой такую отличную комедию?

Буфетные гонорары

Сто лет назад в одном петербургском частном театрике увеселитель седьмого разряда, в то время так называли директора театрального коллектива не самого высокого уровня, подводя баланс, решил уменьшить расходы по содержанию своей драматической труппы. Он прекрасно понимал, что ни один актер добровольно на сокращение собственного жалованья не пойдет, и посему решил придумать такой ход, чтобы и волки были сыты, и овцы, соответственно, целы. Под волками, разумеется, подразумевались “прожорливые” артисты, которым по непонятной причине к концу каждого месяца катастрофически не хватало средств к существованию.

Решение, казалось бы, неразрешимой задачи пришло к Андрон Феоктистычу почти мгновенно, при одном виде своей “правой руки”, а именно театрального буфетчика, призванного на военный совет. По коварному замыслу предполагалось сыграть на самых тонких и ранимых струнах актерской души – любви к спиртному.

Так уж сложилось, что его подчиненные не один раз на дню любили призывать вдохновение с помощью зеленого змия. Вот директор и придумал открыть в театральном буфете каждому артисту кредит в размере его месячного жалованья. Он был уверен, что в день зарплаты выдавать лицедеям будут не деньги, а счета. Наценка в буфете была немалой, и, по расчетам Андрон Феоктистыча, из каждой взятой в кредит десятки ему должно было набежать не меньше 6 рублей “чистой пользы”. Изложив план буфетчику и не встретив возражений, директор отправил его оповестить труппу о нововведении, приказав, чтобы тот “потрудился взять сей алфавитный списочек актеров с их окладами и сообразно с сим позволил им кредитоваться”. К вечеру все уже знали новость о том, что “наш крокодил разрешил пропивать жалованье в его буфете”. После спектакля, в гримерной, комик Кокленов пожаловался своему приятелю, трагику донкихотской наружности Саратовскому, на тотальное безденежье. Саратовский ответил, что денег у него тоже нет, но зато есть отличная идея, как можно разбогатеть на скупости хозяина. Зайдя в буфет, эти двое подозвали официанта и спросили, не хочет ли он заработать рубль “в две минуты”.

– Помилуйте, кто ж себе враг? – возмутился официант.

– Тебе ведь обязательно нужно внести, чтобы не было путаницы, деньги за питье в винную кассу, а за еду в кухонную, – разъяснил Саратовский, – но мы теперь берем все в кредит и только подписываем счета, деньги за нас ты вносишь в кассу из тех, что дали тебе обычные клиенты. Затем ты идешь к буфетчику, подаешь подписанный актером счет, и он тебе возвращает то, что ты вносил из своего кармана.

– Так оно и есть, – согласился официант.

– Тогда подай-ка сюда счет на 11 рублей и напиши там: бутылка коньяку – 5 рублей, пулярка с трюфелями – 5 рублей и кофе – 1 рубль. Теперь счет-то возьми, но ничего из написанного там не приноси и в кассы из своего кармана не выплачивай. Иди к буфетчику, получи по счету 11 рублей, из них рубль оставишь себе, а червонец отдашь нам.

Когда пропили гениально добытую красненькую, Саратовский подозвал другого официанта и договорился с ним уже для себя на более крупную сумму. А чтобы буфетчик ничего не заподозрил, велел сдавать в день “по счетику”, содержание которых состояло исключительно из наименований винного прейскуранта.

– А если заметят, что вы на бумаге вроде пьете, а все дни трезвы? – забеспокоился официант.

– Никогда, ведь я ежедневно приношу водку в уборную из казенной лавки!

Этот способ получать денежки моментально привился у всей труппы, не исключая примадонны. Деньги, которые буфетчик получал с обычных клиентов, быстро переключались в карманы развеселой труппы. Правда, длилось актерское счастье недолго. Через три дня буфетчик заметил, что деньги тают как воск, а когда обнаружил подвох, с криками “Караул! Перехитрили, мерзавцы!” бросился к антрепренеру. Последний был в бешенстве и велел кредита ни под каким предлогом никому не давать, “даже истинно голодным”, но ничего больше сделать не мог, все артисты за три дня успели получить законные оклады в полном объеме.

Стихи для покойника

Город великих поэтов Петербург всегда рождал сотни молодых людей, мечтавших “глаголом жечь”. Великими становились единицы, остальные либо бросали гиблое дело рифмоплетства, либо пристраивали свой “талант” как могли.

На каждом городском кладбище сотню лет назад, как и сейчас, работали конторы, делавшие свой “гешефт” на торговле венками, крестами, монументами и прочей скорбной атрибутикой. Возле каждой “фирмы” вертелись так называемые “кладбищенские поэты”, предлагавшие “оснастить” могилу чем-нибудь поэтическим.

К примеру, выходит из лавки скорбящая купеческая вдова, только что заказавшая памятник покойному супругу, и тут же перед ней появляется человек неопределенного возраста с одутловатым лицом и недельной щетиной. Выразив все свои чувства по поводу великого горя, “поэт” переходил к делу:

— Монументик заказывали? Так-с, хорошо бы украсить его поэтическими строками, так сказать облегчить могильный сон мертвеца изваянием сердечной скорби со звучной рихмой.

На прерываемый всхлипами ответ, что, дескать, неплохо, да только кто же это сделает, стихосложитель заверял, что это его непосредственная специальность. Вот-де намеренно выполнил заказ купчихи Артамоновой:

*Покойник дорогой! Я день и ночь в слезах,
Готова, как и ты, вся обратиться в прах.
И слезы, мертвый муж, лью чище перламутра.
Так, незабвенный, спи до радостного утра.*

Последним и решающим аргументом в пользу поэтического “украшения” было обращение к великим именам. Мол, посмотрите, и у Пушкина, и у Глинки, и у многих других на могильном камне высечены нетленные стихи. Так чем же ваш покойный супруг, человек, конечно, исключительных достоинств, хуже.

Завороженная перспективой причислить своего сердечного друга к великим и сделать не хуже, чем у других, вдова без сожаления расставалась с двумя рублями и получала листок с подходящей эпитафией. “Кладбищенские поэты” по большей части были теми, кто в молодости зачитывался творениями великих мастеров и мечтал о той же сладкой доле. Потому людьми они были начитанными и, за неимением под рукой свежего четверостишия, могли поделиться с клиентом и чужим. Так что не стоит удивляться, если на старой могиле какого-нибудь купца Епифанова вы прочтете: “Нет, весь я не умру...”

Невский Бендер

В России всегда было и есть место Бендеру. Остапы с удовольствием ввязываются в какое-нибудь невероятное предприятие, создают фирмы по оказанию нетривиальных услуг, с треском проваливаются и начинают заново. Вот и сто лет назад в Петербурге проживал один такой человек. Нигде официально не работал, наследства не имел, а жил весьма прилично. Снимал меблированные комнаты на Невском проспекте, посещал рестораны, карточные клубы, водил знакомства, требующие денежных затрат. Никто толком не знал, чем он занимается. Однако, судя по людским

очередям на лестнице, было очевидно, что этот господин имеет свое хорошо поставленное дело. На вид клиентура его состояла преимущественно из простого люда, работающего в Питере по найму в качестве прислуги, посыльных, извозчиков и т. д. Лишь по чистой случайности выяснился род его занятий. Как-то зашел к нему без предупреждения знакомый и обнаружил на лестнице десяток возмущенных людей. Тут-то незваный гость и узнал, что его приятель является поэтом весьма оригинального жанра – промышляет тем, что пишет на заказ письма в “стишках”. Как ему объяснила одна разговорчивая горничная, в последнее время появилась мода посылать рифмованные письма, поэтому простой люд с удовольствием прибегает к таким услугам, чтобы отправить послание в стихах на родину к родным. Берет “поэт” дорого: 40 копеек за письмо, но больно складно и с чувством сочиняет. Правда, вот незадача, пьет уже неделю по-черному, и даже неискушенные заказчики стали замечать некоторый кризис жанра. Если раньше было все больше:

*...Герасим, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы...
... Я к вам пишу – чего же боле?*

– то последний шедевр звучал примерно так:

*...Поклон родителям, Степану,
Сестрице Дуне, Селифану,
И всей родне любезной вместе –
Пусть будет много чести:
Привет Настасье и Максиму.
Сама же я, Матреша, лично
Живу сейчас вполне прилично...*

А последние два дня и вовсе перестал брать заказы, говорит, что хотя “памятник нерукотворный” уже себе воздвиг, но он человек творческий и собирается менять какое-то амплуа.

Действительно, спустя пару недель бывший поэт появился у одного известного антрепренера. Представился ему как путешественник, который пришел пешком из Лиссабона и готов по этому случаю показывать себя публике и читать лекции о своих странствиях. Но тут ему не повезло – идея рассказов о путешествиях оказалась не новой. На данной ниве у него уже было два конкурента, один пришел пешком из Парижа, а другой из – Трансвааля.

И несколько дней назад власти их арестовали по указанию того же антрепренера, который удивился, что ни один из “путешественников” не говорит ни на каком другом языке, кроме как на русском. Полиция раскрыла фальсификацию, эти два “пешехода” оказались родом из Бердичева и приехали в Питер на поезде. Несостоявшегося лектора постигла та же участь, он попал в участок. Дальше след его теряется, но ходил слух, что поиски себя привели его в Москву.

Нимфа-диверсантка

В конце позапрошлого века каждый год петербургские художники проводили традиционные весенние вернисажи. Незадолго до одного из таких показов случилось некому жанристу Веселовскому попасть в историю, в результате которой пострадал не только он сам, но и многие столичные рисовальщики.

Готовясь к выставке, Веселовский работал над полотном, где, по замыслу, на лесной поляне была изображена божественная во всех отношениях женщина. “Лесную нимфу” он писал с известной, почитавшейся в своих кругах за царицу, натурщицы. Уже в процессе создания картины художник решил запечатлеть лишь ее грациозное тело, а лицо для нимфы “позаимствовать” у другой, более юной и миловидной девушки. Предвидя возможную негативную реакцию “обезглавленной” модели, Веселовский попытался сохранить свои действия в тайне. Но когда “заслуженная” натурщица зашла к художнику за гонораром и случайно увидела “комбинированную нимфу”, то, естественно, подобный анатомический коллаж поверг ее в неопишущую ярость. Униженная, она, однако, взяла себя в руки, затем прошла по мастерской, похвалила уже готовые к выставке полотна и с достоинством удалилась. Ожидавший бурной сцены Веселовский слишком рано посчитал инцидент исчерпанным, но он даже не мог себе представить, на какую изощренную месть способна оскорбленная женщина.

Спустя несколько недель, на открытии долгожданной выставки, пришла его очередь испытать мощное потрясение: со стен выставочного зала на него смотрели, в различных интерпретациях, несколько его собственных картин. На них, помимо сюжетной линии, до мельчайших подробностей была повторена и вся трактовка: расположение

объектов, освещение и т. д. Оказалось, что злопамятная обладательница туловища нимфы сумела выгодно “пристроить” знакомые ей веселовские идеи желающим подшутить над коллегой художникам.

Однако эта месть в конечном счете нанесла урон не только живописцу, но и всем натурщицам города. С приближением следующего выставочного сезона немногочисленная бригада петербургских моделей оказалась без работы. Поскольку не только жертва розыгрыша Веселовский, опасаясь диверсий, не желал более обращаться к натурщицам, но и остальные художники по той же причине боялись посвящать в свои творческие планы посторонних.

Из грязи в шедевры

Когда бы вы знали, из какого сора... вытаскивались в Петербурге шедевры. Самым “рыбным” местом для коллекционеров позапрошлого века были многочисленные лавки старьевщиков, посещать которые не гнушались и весьма состоятельные люди.

Так, на Апраксином дворе имелась лавчонка у некоего Вавилушки. Предприятие, надо сказать, было весьма доходным. Хозяин лавки катался по российским губерниям и скупал за гроши у помещиков весь хлам, что годами у них лежал на чердаках. Девиз у Вавилушки был прост: “Нет той дряни, на которую в Петербурге не нашлось бы охотника”. И действительно, продавалось все, да с таким барышом, что капитал старьевщик нажил себе приличный.

Как-то в лавку к Вавилушке заглянул некий седой господин в очках в серебряной оправе. Осмотрев богатства, начал он рыться в только-только привезенной старьевщиком куче рваных масляных картин. Вытащил одну и поинтересовался ценой. Продавец, не будь дурак, сличил пришельца с портретом в одной из книг и определил, что перед ним известный на ту пору литератор Николай Иванович Греч.

– Уж не обессудьте, Николай Иванович, – попросил Вавилушка, – картинку эту я разыскал в старом хламе в поместье генерала Чагина, что в Новгородской губернии. Цена ей не больше красненькой, вам отдам за две. Только Вы уж не обидьте: если вещь окажется стоящей, принесите еще рубликов пятьдесят.

На том и порешили, Греч заплатил двадцатку и унес полотно к себе домой. Там он картину почистил и обнаружил на ней три буквы – “Rem”. “Господи, неужели Рембрандт”, – подумал Греч

и поспешил к своему товарищу, академику Бруни. Тот более тщательно очистил полотно, и оказалось, что перед ними действительно картина великого художника, изображающая старуху-монахиню в кресле в коричневом платье и черном чепчике. Рядом с монахиней – девочка, которую старушка учит читать.

На следующий день Греч вновь появился у Вавилушки и отдал ему пять червонцев. Узнав, что за 70 рублей он продал Рембрандта, старьевщик впал в горестное настроение. Уж как он просил продать ему картину обратно! Предлагал и 500 рублей, и даже тысячу, но Греч, конечно, не согласился. Буквально через несколько дней он продал картину за две с половиной тысячи богачу Савве Яковлеву.

А Вавилушка, убитый горем, на две недели закрыл лавку и ушел в мрачный российский запой. Ничего не скажешь — великая штука это искусство.

Охотники за телами

Около ста лет назад с началом дачного сезона для многих питерских дачников и любителей пикников привычные летние удовольствия превратились в весьма беспокойное занятие. Для того чтобы искупаться, позагорать, а тем более пообщаться со своей “симпатией”, требовалась немалая бдительность. Слишком велика была вероятность того, что где-нибудь в кустах или на дереве затаилась стайка хулиганов с фотоаппаратами, ожидающая пикантного момента или происшествия. Нашествие “фотобандитов” стало просто бичом для отдыхающих на пленэре. Особенно страдали от посягательств дореволюционных папараци купальщицы и уединившиеся парочки. Выкупить подобные фотографии и пластинки-негативы в большинстве случаев не представлялось возможным, так как фотосантажом занимались лишь по специальному заказу. Богателы умельцы в основном от продажи фотоальбомов, носивших незамысловатые названия: “Купальщицы”, “Стрелы Амура” и т. д. Среди поклонников подобного жанра считалось особым шиком иметь коллекцию таких сборников фотографий за разные годы.

Лето 1900 года усугубилось для отдыхающих тем, что весной с прогоревшего в Петербурге склада фирмы “Герасимов и К” была распродана по бросовым ценам вся имеющаяся в наличии фотоаппаратура. Число “охотников за телами” резко возросло, и они

уже начинали делить сферы влияния, так как “дачник пошел стреляный”, а порой даже объединялся и бивал “засветившегося” неудачника. Одного из таких фотоохотников как-то раз чуть не утопили. Задумал он создать тематический альбом – “Медовый месяц”, да и местность нашел удаленную от столицы, куда мало кто из его коллег добирался. Отдыхающие там не были еще напуганы нашествием орды с аппаратами. С потрясающей наглостью и хладнокровием фотограф маскировал аппарат на сеновалах, чердаках и прочих излюбленных местах молодоженов. Однажды, выслеживая пару молодых, резвящихся в воде, и желая сделать снимок покрупней, он слишком близко подплыл к ним на лодке. То были последние его съемки, поскольку пара оказалась не робкого десятка. Купальщики стащили фотографа в воду вместе со всей его аппаратурой и так поддались справедливому гневу, что опомнились, лишь когда несчастный уже начал пускать пузыри.

Впрочем, к тому времени дачники повсеместно начали применять меры по обеспечению собственной безопасности: высылали дозоры на подъездные дороги и, заметив людей с подозрительно большим ящиком и треногой, “убедительно” разворачивали их во свояси. Постепенно фотоохота на людей сошла на нет, слишком уж опасной стала эта профессия.

Фiesta нордическая

Как-то более ста лет назад одна питерская великосветская дама, находившаяся под сильным впечатлением от увиденного ею во время путешествия по Италии шумного и красочного венецианского карнавала, задумала устроить нечто подобное и в Северной Венеции. Благо места и воды для этого всегда было предостаточно. Баронесса Мейендорф не раз занималась организацией благотворительных гуляний и посемунисколько не сомневалась в успехе мероприятия.

Для проведения праздника выбрали чудесное место на стрелке Елагина острова. Запланировали сногшибательную развлекательную программу. Весь город пестрел афишами с анонсами, а профессиональные зазывалы, не скупясь на эпитеты, возвещали о поражающем воображение венецианском фейерверке, факельном шествии, катании на гондолах и потрясающей парковой иллюминации. Но гвоздем праздничного действия обещала стать “цветочная

баталия”, во время которой публика делится на два воюющих лагеря и участники игры, как снежками, закидывают друг друга растительностью.

Устроить подобный аттракцион в Петербурге было делом трудным и дорогим. Но, как по заказу, в эти дни в Таврическом дворце заканчивала свою работу двухнедельная выставка цветоводства. Как писали газеты, “лучшего способа ее утилизации было не найти”. Вокруг грядущего мероприятия поднялся невиданный ажиотаж, недешевые билеты на будущий праздник раскупались с боем. Город с нетерпением ждал заветного вечера. Когда же 8 мая 1899 года он наконец наступил, то на деле все сложилось далеко не лучшим образом.

На подъездных парковых дорогах застряли более трех тысяч экипажей, многие из них, так и не добравшись к десяти вечера до места, вернулись восвояси. А те, кому “посчастливилось” проникнуть на праздник, были глубоко разочарованы. “Невероятная иллюминация” состояла из небольшого числа разноцветных фонариков, которые после захода солнца, как ни силились, не смогли осветить фиесту. Тщедушного фейерверка многие просто не заметили. “Удивительные гондолы” оказались грязными лодками с привязанными к носу палками, на одну из которых “гондольер” в картузе прикрепил объявление: “Се гондола, а не ялик”. “Факельцуг”, то есть шествие, представляло группу из шести человек, одетых в белые балахоны и держащих по одному бенгальскому огню. Цены на спиртное и на чай также серьезно огорчали. Праздничная атмосфера окончательно накалилась, когда обнаружилось, что дармовые цветы продавались по 50 копеек за штуку, а швыряться полтинниками отваживались немногие.

Впрочем, искушенные горожане предполагали, что примерно так оно и случится. Поэтому многие заранее запаслись можжевельновыми ветками и не замедлили начать долгожданную битву, быстро переросшую в изрядную потасовку, из которой люди выбирались сильно побитыми и поцарапанными. К тому же, на следующий день выяснилось, что в Средней Невке во время праздника утонули три человека, которые пытались бесплатно проникнуть на праздник вплавь.

В итоге городские власти мягко порекомендовали баронессе в следующий раз, когда ей захочется посмотреть венецианский карнавал, отправляться в Италию и не волновать горожан – не для них эта забава.

БРАЧНЫЕ МАНЕВРЫ

Любовь размером с пятак

Сотню лет назад в большой чести была профессия каллиграфа. Годами люди этой профессии оттачивали свое мастерство – умение писать как угодно и на чем угодно. Работа эта требовала большого упорства и самоотречения. От таких трудов в голове мастеров пера явно что-то менялось, потому даже любовь, вспыхнувшая в этом цеху, была особенной, каллиграфической.

Работал на петербургском почтамте некий каллиграф Алексей, и вспылал он любовью к своей московской коллеге Анастасии. Красавцем он не был, да и богачом себя при всем желании назвать не мог. Размышляя о том, как бы поразить ее воображение, придумал использовать свои знания и умения, написав любовное послание на кружке бумаги размером с пятак. На этот клочок уместил он ровно 320 слов самых пылких признаний и предложение руки и сердца. Отправил и стал с нетерпением ждать ответа. Какого же было его удивление, когда спустя несколько дней он получил в конверте ответ: 400 слов категорического отказа на вдвое меньшем кружке бумаги.

Что делать? Мало того что любовь снедала каллиграфа, так помимо этого была задета честь профессиональная. Прокорпел несколько дней, Алексей сотворил новое послание в 300 слов, но уже на кружке размером с гривенник. С трепетом он раскрыл ответное письмо и ужаснулся – те же 400 слов на копеечной кружке и не менее категоричное “нет”.

В отчаянии молодой человек разломал свои перья и кистью написал огромными буквами на большом листе: “Я проиграл”. Запечатал письмо в конверт и отправил возлюбленной Анастасии. Спустя несколько дней каллиграфу, который уже начал присматривать на Неве место, где было бы сподручнее сигануть с камнем на шею, пришло письмо. В нем девушка сообщала, что на самом деле она давно Алексея любит и с радостью станет его супругой.

Вскоре молодые сыграли свадьбу, а из своих писем устроили выставку. Падкие на подобные истории петербургские обыватели толпами ходили смотреть на диковинки. Молодожены между тем на вырученные от продажи билетов деньги смогли покрыть все свадебные расходы.

Жертвы эпистолярного жанра

В 1899 году в Петербурге на благотворительном балу, устроенном Дворянским собранием, блестящий офицер русской армии штабс-капитан Чернецов познакомился с рыжеволосой красавицей, дочерью одного известного питерского коммерсанта.

Молодые люди полюбили друг друга, дело шло к свадьбе, как вдруг будущая невеста получила от анонимного “доброжелателя” письмо с красочным описанием любовных походов своего жениха во времена “вольной” жизни. Родители девушки сочли его поведение оскорбительным для семьи, и отныне двери их дома были наглухо закрыты для Чернецова. О дальнейших отношениях с любимой девушкой не могло быть и речи. В отчаянии он подал прошение своему начальству разрешить отправиться волонтером в Южную Африку на недавно развернувшийся театр военных действий в Трансваале. К моменту получения официального разрешения на отъезд его личная жизнь опять неожиданно изменилась. Бывшая невеста упала к ногам родителей со словами, что любит Чернецова и предпочитает думать скорее об их будущем, чем о его прошлом, и просит вновь благословить на женитьбу. К сожалению, отказаться от отправки на англо-бурскую войну офицер уже не мог. Тогда его невеста дала обет, что в случае смерти любимого, в знак вечной верности, она отрежет свою роскошную рыжую косу и никогда не станет женой другого.

По окончании срока пребывания на войне Чернецов возвращался домой на корабле, делавшем остановку в Марселе. Сойдя прогуляться на берег, штабс-капитан на витрине одного куафёра увидел очень знакомую рыжую косу. Конечно, он был неприятно удивлен, но рассудил, что это простое совпадение, так как сам он жив, да и как могли локоны его невесты оказаться на юге Франции.

Прибыв в Петербург, он сразу отправился к любимой, где его ждало сильное потрясение. В доме родителей девушки он был встречен как привидение, поскольку несколько месяцев назад там

получили известие о его гибели. Молодому человеку показали его же письмо, где говорилось, что это прощальное послание, написанное перед опасной операцией, и что если оно дошло по назначению, то, значит, его, Чернецова, уже нет в живых. С ужасом офицер вспомнил, что действительно он писал такое письмо, но, к счастью, из боя вернулся невредимым. А затерявшийся со временем конверт, видимо, кто-то нашел и по роковой ошибке отправил адресату. Получив страшную весть, убитая горем девушка сдержала обещание и остригла волосы, а после заболела серьезным душевным недугом. Болезнь прогрессировала, несчастная перестала узнавать близких. И даже появление “воскресшего” жениха никак на нее не действовало.

Что же касается рыжей косы, то по тем временам она вполне могла попасть во Францию. Отрезав волосы, девушка отдала их прислуге, а та отнесла их на специальный пункт по приему волос. Торговля волосами в России тогда имела грандиозные размеры, только в Петербурге существовало несколько оптовых волосяных складов. Самыми ценными считались как раз рыжие волосы, их обрабатывали и отправляли на продажу в Европу.

Лишь бы быть с любимой рядом

Сотню лет назад один петербургский студент влюбился в слушательницу курсов повивального института. Чувства юноши были так сильны, что он и дня не мог провести в разлуке с милой сердцу Оленькой. Он и на занятия к ней приходил, и у дверей дома каждый день дожидался. Однако три раза в неделю обожаемая курсистка дежурила в клинике, куда молодого человека никак пускать не хотели из-за специфичности акушерской работы.

Девушка, надо заметить, также была очень увлечена Николаем и столь же мучительно переносила часы, проведенные в разлуке. Долго думали влюбленные, как бы им преодолеть больничные преграды, и наконец решили устроить небольшой маскарад. Юноша надел белый халат, повязал на голову косынку, и безусый молодец превратился в кузину своей возлюбленной, представлявшуюся в качестве повивальной бабки и добровольной помощницы. Никто в больнице подвоха не заметил, даже подруги курсистки. “Бабку” приняли на работу.

Влюбленные были безмерно счастливы тем, что теперь могут столько времени проводить вместе. Чтобы хоть чем-то себя занять и соответствовать своей роли, юноша действительно стал помогать своей возлюбленной. Вскоре он уже был настолько искушен в акушерских делах, что временами, когда Оленька уж слишком уставала, отпускал любимую отдыхать, а сам подменял ее. Так бы все и шло, да однажды случилось Николаю снова замечать свою подругу на ночном дежурстве. Ночь выдалась на редкость тяжелой, и у студента не было ни минуты отдыха. Под утро Николай так умаялся, что, едва присев на первую попавшуюся кушетку, тут же и уснул.

Проснулся он от острого ощущения, что кто-то его пристально разглядывает. Открыв глаза, он с удивлением увидел, что его окружили все медсестры, причем собравшиеся были явно чем-то озабочены. Посмотрев вниз, куда были направлены взгляды “коллег”, студент похолодел – из-под распахнувшегося халата торчали совсем не женские брюки. Студент попробовал было отпираться, что-то забормотал о передовой моде, “эмансипэ” и прочем, но по глазам старшей медсестры понял, что оправдываться бессмысленно. Что делать, пришлось молодым как на духу рассказать всю правду и повиниться за свой обман. Их пожурили, но студент-повитуха был настолько хорош, расторопен и полезен в больнице, что ему разрешили остаться в качестве санитаря “мужеского пола”. Проработав еще какое-то время, юноша кардинально изменил свою жизнь, ушел с философского факультета и поступил на медицинский, став вскоре первоклассным врачом.

Скамейка до венца доведет

Эта новогодняя история столетней давности началась на катке одного из центральных парков Петербурга. Стояла середина декабря, мягкими белыми хлопьями падал снег, небольшой оркестрик наигрывал вальсы, звуки которых не могли заглушить смех и возгласы разношерстной толпы на коньках. Неожиданно посреди этой идиллии разразился маленький скандал. Какой-то молодой человек стремительно заскользил в направлении кружащейся в танце барышни и буквально на лету сорвал с ее шляпки вуаль. Бойкая мадемуазель тут же догнала обидчика и, отвесив ему

звонкую пощечину, оторопела, поскольку тот, держась одной рукой за щеку, другой протягивал ей обгоревший кружевной лоскут. Оказывается, кто-то запустил с горки непотушенный окурок, который в аккурат попал на шляпку Леночки Ксантиповой. Встречный же ветер раздул из него огонек, а молодой человек, заметив “неприятность”, не растерялся и принял меры. Чтобы загладить “ужасную неловкость”, Леночка пригласила господина Круглова к себе домой выпить чаю и познакомиться с папаш.

На последнюю он произвел весьма благоприятное впечатление, к тому же, мадам Ксантипова, как большинство мамаш, более чем практично смотрела на появление в жизни дочери нового кавалера. По всей видимости, грубому окурку суждено было сыграть роль своеобразной стрелы Амура, ибо довольно скоро в мечтах Леночки основательно поселился Круглов. Сам же Максим Максимович, увлекшись барышней, делал попытки зарифмовать некоторые свои мысли и сомнения, чтобы “привести в систему обуревающие его чувства”. Тем не менее эти сантименты не помешали ему бурно встретить с приятелями новогоднюю ночь и тем самым довести свою пессию до истерики. От возмездия Круглову уйти не удалось. В дело вмешалась сама мадам Ксантипова, которая 1 января поутру нанесла находящемуся в бесчувствии от пережитого веселья Максиму Максимовичу визит. Причем пришла она не с пустыми руками, а неся деревянную скамейку с того самого катка, на которой рукой “этого брандахлыста” было выцарапано перочинным ножиком посвящение ее Леночке:

*Лена, сохну как полено!
Лена, что за перемена?!
Лена, кажется, измена?!*

На основании этой записи мадам Ксантипова и собиралась заставить ответить Круглова за свой поступок. Отпираться от “очевидных” доказательств у невыспавшегося Круглова не было сил. Он был согласен на все, только бы его оставили в покое. Мадам Ксантипова потребовала сделать Леночке официальное предложение, “дабы мы могли отказать вам в ее руке” и таким образом “свести пятно, тень от которого падает на наш род”. Круглов согласился.

Предложение он сделал как положено: “Прошу руки вашей дочери, сударыня, благословите”. Его благосклонно выслушали и... с радостью благословили. Мадам Ксантипова распростерла объятия,

назвав Круглова сыночком, а “невеста” просто сияла от счастья. Идти на попятную не представлялось возможным, поскольку вся “комедия” проходила при специально приглашенных свидетелях. Посему оставалось только изображать восторг, тихо ненавидеть мадам Ксантипову и готовиться к свадьбе.

Свадебный атлет

Как-то сто лет назад жильцы одного из петербургских домов наблюдали во дворе сцену, не поддававшуюся разумному объяснению. На земле была разостлана белоснежная скатерть, на ней стоял здоровый черкасский бык, а на его спине стойку на руках исполнял одетый в акробатическое трико молодой человек, у которого на вытянутых ногах помещался вверх ножками обеденный стол. Всю эту грозившую рухнуть пирамиду снимал фотограф, а вокруг него бегал, раздавая указания, какой-то господинчик. В тщедушном молодом человеке, балансировавшем на быке, домовладелица признала своего квартиранта Вьюшкина Афанасия Павловича. Вот уже три дня он создавал беспокойство соседям тем, что учился делать стойку на руках, бесовестно роняя при этом стулья и опрокидывая стол. Для “мучительного перенесения ушибов собственного тела” у молодого человека имелись весьма веские основания.

Случилось Афанасию занять у своего приятеля 500 рублей “под женитьбу”. И так как невестино приданое составляло 25 тысяч рублей, в долг он взял без особого опасения. Но неожиданно будущая супруга поставила условие: замужество состоится лишь в том случае, если претендент на руку и на ее капиталец будет не только сильным духом, но и обязательно сильным телом мужчиной.

Вьюшкин, юноша “нежного телосложения”, пребывал в полном отчаянии. На его счастье, приятель-кредитор взялся разрешить дело всего за тысячу рублей. Он пообещал Афанасию сделать из него в самые сжатые сроки настоящего атлета. Для этого Вьюшкину только и требуется, что за несколько дней выучиться стоять на руках да раздобыть у хозяйки белую скатерть. Об остальных составляющих успеха обещал побеспокоиться сам организатор. Уже через три дня воодушевленный, но ничего не понимающий Афанасий отправил своему “спасителю” телеграмму: “Я на руках, от вас зависит поставить меня на ноги”. Пару часов спустя приятель

привел к нему фотографа с аппаратом и живого быка. И после часовой возни и разных промахов с сооружением пирамиды был сделан отличный снимок. На нем при “правильном рассмотрении” Афанасий стоял на столе и держал на вытянутых руках живого быка, скатерть же создавала эффект белого потолка. Когда фотографию как доказательство предъявили невесте, девица была все-рез очарована мощью будущего супруга. Правда, дело чуть не испортила бдительная сваха, которой показалось весьма странным то обстоятельство, что длинный хвост быка на фото браво торчит вверх, тогда как явно должен свисать вниз. Но любознательность ее усмирили парой сотен рублей. Свадьбу сыграли на славу. Жених на всякий случай перебинтовал левую руку, дабы никто не заставил его носить на руках невесту.

Брачные маневры

В начале 1900 года Петербург столкнулся с серьезной проблемой. Оказалось, что за предыдущее десятилетие количество заключаемых браков в городе снизилось в несколько раз. И не то чтобы люди перестали влюбляться, они просто перестали жениться. Городские власти одной из причин сложившейся ситуации считали слишком высокие цены на жилье и даже пытались заставить домовладельцев снизить расценки. Но то ли квартирным хозяевам не очень понравилась эта идея, то ли у юношей и девушек были свои планы на жизнь, свадеб от этого в Питере не прибавилось. И если власти, занятые другими делами, отложили решение этого вопроса до лучших времен, то некоторые родители юных барышень зачастую брали в свои руки заботу о предотвращении демографического кризиса.

Среди таких “энтузиастов-родителей” оказался владелец нескольких небольших магазинов кондитерских изделий. Задача у Тита Кондратьича осложнялась тем, что “в его хозяйстве” имелись целых три дочери. Он предвидел грядущие колоссальные мучения, связанные с поиском женихов для всего этого великолепия, поэтому заранее скопил кругленькую сумму на брачные расходы.

Сложности начались уже со старшей дочерью. Для нее отец сравнительно быстро нашел жениха, сына своего товарища, который за “некоторое” вознаграждение, был не прочь жениться. Кондитер

помимо положенного приданого собирался дать еще 15 тысяч рублей компенсации. Но поскольку у невесты имелся один небольшой изъян — черное пятно на носу, потенциальный муж наотрез отказался за такие деньги идти к алтарю. Дело никак не клеилось. Лишь после долгих споров и уговоров, сойдясь на 100 тысячах, удалось сыграть свадьбу и отправить молодоженов на выставку в Париж.

Второй дочери повезло больше: с лицом у нее было все в порядке, поэтому за те же 15 тысяч рублей ее без вопросов собирался взять в жены один молодой купец. Все было готово к свадьбе, когда жених пришел к папаше за обещанными деньгами. Но тот вместо ассигнаций, собираясь сэкономить, неожиданно вручил ему ценные бумаги якобы на ту же сумму. Бумаги были сомнительные. Жених навел справки по поводу “подарка” будущего тестя — оказалось, что стоят бумаги явно меньше, и отправился к Кондратьичу выяснять отношения. Тот начал его заверять, что бумаги хорошие и вот-вот поднимутся в цене, а тогда на них “без сомнения, можно будет сделать состояние”. Но практичный жених стоял на своем: либо он получает по договору рубль к рублю, либо свадьбы не бывает. После таких слов теща и невеста не замедлили кинуться в крик и вой, а порядком издерганный отец вытащил заранее заготовленную пачку банкнот. Но и на этом отцовские злоключения не закончились.

С младшей дочерью купца произошел совсем уж неприятный случай. Ее отдали за молодого человека из весьма приличной семьи, полагая его хорошей партией. Девушка была здорова и блистала красотой. Справили свадьбу, через девять месяцев родился ребенок. Каков же был ужас молодой жены, когда спустя год с небольшим после женитьбы на лице ее мужа проявились признаки ужасно запущенной “интимной” болезни, которую он приобрел в результате общения с уличными дамами. Сомневаться в диагнозе не приходилось — у муженька попросту провалился нос. В ужасе убежав с ребенком домой к родителям, женщина стала требовать развода. Однако поскольку в то время браков заключалось очень мало, развод давали весьма неохотно, тем более что инициатором была женщина. История могла получить огласку, и молодой супруг, забеспокоившись, свалил всю вину на жену, дескать, это она его заразила. Обиженная супруга оказалась дамой весьма принципиальной и энергичной, поэтому отправилась по соответствующим врачам, которые, обследовав ее и ребенка, пришли к заключению, что оба они абсолютно здоровы — на данной стадии болезнь ее

супруга была уже не опасна, от него нельзя было заразиться. Развод ей все-таки дали. А за молчание о происшедшем родители несостоявшегося отца семейства предложили девушке и ее отцу деньги, с лихвой перекрывавшие сумму приданого всех трех дочерей.

Однако недолго купец наслаждался “удачно” возвращенным капиталом. Следом за младшей дочерью, которая наотрез отказалась даже думать о новой женитьбе, домой вернулись и остальные. Старшую муж, называя уродиной, всячески третировал и в итоге просто выгнал из дома, а у средней супруг погорел на каких-то финансовых махинациях и, скрываясь от кредиторов, бросил жену без средств к существованию. Дочки вернулись под отцовскую крышу. Но неутомимый Тит Кондратьич, слегка погоревав, решил не сдаваться и начал новые свадебные маневры...

Купцы дерутся — слугам радость

Это нынче молодожены стремятся сами всего добиться и зачастую следуют поговорке: “С милым — рай в шалаше”, стараясь затем своими силами поменять этот “шалаш” на более комфортабельные апартаменты. А сто лет назад невесту без приданого и за невесту не считали, особенно если сын купеческий женился на купеческой же дочке.

Так, сто лет назад один молодой купец собрался жениться на дочке богатого, но скуповатого торговца. После долгих торгов будущий зять уговорил старика на то, чтобы вместе с дочкой тот отдал различного добра на 50 тысяч рублей. Составили список приданого: тесть обещался подарить атласом обитую мебель из груши, несколько пудов серебряной утвари, ожерелье, брошь, браслеты и прочие украшения, все из золота с жемчугом, изумрудами и бриллиантами.

Свадьба была пышной, жених денег не жалел, богатой невесте и праздник должен быть под стать. Но спустя две недели зашел к молодоженам приятель, который просветил их насчет “роскошного” приданого. Оказалось, что батюшка невестин даже на свадьбе дочери не смог совладать с купеческой привычкой всех объегоривать. Мебель на поверку оказалась вовсе не грушевой, вместо серебра жениху с невестой достался мельхиор, камешки в украшениях были липовые, обрамленные низкопробным золотом.

Молодой муж в гневе думал уже идти к старику и требовать исполнения договора, но, подумав, решил, что скандал ни ему, ни молодой жене пользы не принесет. И решил он скряге-тестю отомстить иначе, по-купечески. Собрал все невестино приданое и подарил своему приказчику Никите, который давно собирался жениться на любимой девушке, да все денег не доставало. Съехав со старой квартиры, молодой купец снял более роскошные апартаменты и осыпал свою суженую всевозможными богатствами, затеял роскошный пир, на котором все гости могли увидеть богатство молодой семьи. Расчет был верен — у старого купчины выиграла гордыня. Чтобы не упасть в грязь лицом, он, подавив свою злость, взял на себя все расходы по переезду молодых. Так что они получили даже больше обещанного перед свадьбой, и все закончилось к общему удовольствию.

Впрочем, самым счастливым в этой истории был все же приказчик, который благодаря купеческим спорам получил богатое, по его меркам, приданое.

Как жадный тесть на приданом погорел

Большее ста лет назад с одним мелким петербургским торговцем Григорьевым, проживавшим на Большой Охте, произошел случай, о котором он впоследствии рассказывал как о самом великом потрясении своей жизни.

Случилось Сергею Дмитриевичу выиграть 2 января 1899 года по внутреннему пятипроцентному займу семьдесят пять тысяч рублей. И все бы хорошо, но любимцу фортуны никак не удавалось получить причитавшиеся деньги, поскольку на руках у него имелась лишь одна половинка счастливого билета, другая же находилась в тысячах километрах от столицы.

За два года до этих событий Сергей Дмитриевич выдавал дочь замуж. В качестве свадебного подарка решил вручить лотерейный билет. Как человек скуповатый, он не стал просто отдавать подарок. На глазах у гостей Григорьев разрезал билет пополам и презентовал невесте одну его часть, а вторую оставил себе. В случае выигрыша Сергей Дмитриевич прилюдно пообещал поделиться деньгами. Спустя некоторое время молодая семья уехала на строительство Сибирской железной дороги и не подавала о себе никаких вестей.

Государственный же банк мог выплатить деньги только по своевременному предъявлению всех фрагментов билета, иначе сумма полностью отходила казне. Григорьев находился в совершенном отчаянии, по совету знакомого адвоката он даже поместил во всех сибирских газетах объявление о крупном вознаграждении тому, кто сообщит о местопребывании его зятя и дочери. К нарастающему ужасу Григорьева, никто так и не откликнулся на призыв, а срок получения выигрыша стремительно истекал. Не в состоянии более выдерживать подобное нервное напряжение, Сергей Дмитриевич с горя запил. И в один из таких “запойных” вечеров он решил разом избавиться себя от всех треволнений и сжег ненавистный бумажный “кусочек счастья”, а заодно по неосторожности и собственные апартаменты. Во время пожара случилось то, отчего Григорьев едва навечно не лишился рассудка. Спасаясь из горящего дома, старенькая мама хозяина схватила со стены самое дорогое – икону и за ней обнаружила спрятанную внучкой вторую и теперь единственную половинку билета.

Жених на час

Сто лет назад на Выборгской стороне жила одна домовладелица, скучающая, одинокая старая дева с причудами. Лишь 15 собачек, 11 кошечек, 29 канареек и 4 черепахи населяли ее обширные апартаменты. Уход за всем этим зверинцем был возложен на штат воспитанниц, которые по очереди навещали жилище эксцентричной пожилой дамы. Ну а если какая-нибудь собачка заболела или, не дай Бог, кошечка загрустила, то все девушки-воспитанницы срочно спешили туда с визитом, покупая из собственных скудных средств гостинцы избалованным животным. Такое рвение связано было исключительно с надеждой на возможное наследство, авось включит старуха кого-нибудь в завещание, поскольку родных у нее не было никого, но зато капитала набиралось тысяч на десять.

Кроме личного зоопарка, у домовладелицы имелась еще одна страстишка, уж очень ей нравилось выдавать своих воспитанниц замуж. Только в этих случаях она раскошеливалась: покупала приданое и вручала 3–4 сторублевых билета. К сожалению, на данную приманку женихи шли довольно вяло, поэтому не многим девушкам

удавалось воспользоваться щедротами хозяйки. Одна из воспитанниц, после тщетных попыток вымолить материальную помощь, долго ломала голову, как бы ей растрогать старушеницу и получить “с паршивой овцы хоть шерсти клок”. И наконец решилась пойти на обман, заявив, что якобы у нее есть кавалер и она собирается за него замуж. Дело оставалось за малым – где найти подложного жениха.

И вот как-то во время прогулки эта девица зашла в небольшое кафе, сев за столик, подозвала человека во фраке и заказала содовой. После того как заказ был выполнен, она приказала принести два пирожка с капустой; когда и пирожки оказались на столе, решила расплатиться:

– Сколько следует?

– Ничего, – пожал плечами человек, – я такой же гость, как и вы; к счастью, не официант, просто проходил мимо вас. Не мог же я отказать в просьбе даме.

Девушка очень смутилась и предложила галантному кавалеру присесть за ее столик. Молодые люди познакомились и разговорились. Новый знакомый оказался весьма симпатичным юношей с большим чувством юмора. Именно по этой причине она вдруг спросила, не желает ли он, Александр Иванович, разыграть жениха.

– Безусловно, но только в каких это смыслах, Авдотья Панкратьевна? – лукаво спросил он, понимая, что, похоже, наклеивается забавная история. И, получив разъяснения, окончательно согласился.

Со словами “маменька, благословите” они явились к домовладелице. Старуха, естественно, растаяла, как бывало обычно в таких случаях. А когда наконец воспитанница, получив желаемое, предложила “жениху” 10 процентов от приданого, галантный кавалер отказался, ограничившись лишь согласием поужинать вместе. Спустя пару дней “невеста” уехала в провинцию, куда через несколько месяцев пришло известие, что “хозяйка” преставилась. Все еще рассчитывая на долю в наследстве, девушка приехала в Петербург, где испытала большое потрясение, обнаружив, что молодой человек, который так любезно посодействовал ей в получении приданого, теперь являлся единственным наследником всего капитала, недвижимости и, конечно, “бесценного” зоопарка. Оказывается, после ее отъезда он, “давя рыдания”, пришел к старой деве и поведал, что свадьба расстроилась и теперь жизнь ему не мила, ну а престарелая дама, растрогавшись, видимо, решила его утешить и сама вышла за него замуж...

Похищение россиянки

Сто лет назад в обычное, наполненное погодными сюрпризами питерское лето в одном из многочисленных дачных пригородов Петербурга взяла начало история, финал которой невероятно потряс столичное общество.

Недалеко от Сиверской на соседних дачах отдыхали и общались семьями два зажиточных господина. У одного была многочисленная семья, и при детях находилась молодая француженка-гувернантка. Другой же – вдовец, имел только восемнадцатилетнюю дочь, единственную наследницу всего его состояния. Образованная девушка, недавно окончившая курс одного из петербургских институтов, быстро сошлась с начитанной и веселой гувернанткой из соседского дома. Француженка своими яркими, увлекательными рассказами о Париже очень заинтересовала девушку, и той страстно захотелось побывать в этом городе, чтобы осмотреть знаменитую парижскую выставку. Ее отец поддержал идею путешествия во Францию, но поскольку сам не мог отлучиться из Петербурга на продолжительное время, предложил дочери взять в компаньонки ее приятельницу-гувернантку. Последняя приняла предложение с восторгом, к тому же хозяева, родители ее подопечных, на удивление легко ее отпустили.

В Париже гувернантка познакомила свою спутницу с родственниками, среди которых был и родной брат француженки. Тот так увлекся красотой молоденькой россиянки, что не отходил от нее ни на шаг, а узнав от сестры о финансовом положении ее отца, и вовсе задумал на ней жениться. Правда, будущая обладательница большого состояния, не имея желаний так рано выходить замуж, тем более за иностранца, да еще и из ремесленного сословия, а в особенности без согласия отца, наотрез отказалась. Категорический отказ имел для нее весьма серьезные последствия. Псевдоподруга обманом завладела документами и деньгами несчастной и буквально поставила ее перед выбором: замужество или жизнь. А пока стеснила ее свободу настолько, что девушка не могла никуда выйти одна из дома. В течение двух месяцев отец не знал ничего о судьбе дочери, а у той не было возможности дать весточку о себе. Лишь одно письмо ей все же удалось отправить через пожилую прислугу, сердце которой “дрогнуло” то ли от сочувствия, то ли от обещанного вознаграждения. Получив от своего

ребенка крик о помощи, разъяренный родитель оставил все дела в Петербурге и бросился в Париж. Там, поставив в ружье всю полицию, он лишь на четвертый день поисков нашел свою девочку, которую перевезли под домашний арест на другую квартиру.

Убедившись, что все причастные к похищению лица взяты под стражу, и оставив поверенного наблюдать за ведением дела гувернантки, отец сразу увез дочь домой, где та приходила в чувство от пережитых потрясений еще около двух недель.

Но самое интересное, что в практике похитителей это был не первый случай. Здесь действовала организованная шайка, “милые” соседи по даче играли не последнюю роль, занимаясь тщательным подбором потенциальных жертв по всей стране. И вряд ли бы их поймали на этот раз, но слабым звеном оказался брат гувернантки, который влюбился в девушку и хотел совместить приятное с полезным. Обычно пострадавших просто заставляли подписывать документ об отказе от наследства в пользу похитителей и “гуманно” отправляли восвояси, грамотно застращав напоследок.

Гувернантки легкого поведения

В начале XX века многие петербургские семьи, в которых были маленькие дети, столкнулись с проблемой найма приличной гувернантки или гувернера для воспитания подрастающего поколения. Спрос на услуги воспитателей сильно возрос. Связано это было с началом эмансипации, когда большинство женщин уже не хотели просто сидеть дома в качестве матерей семейств, а вели активную “социальную жизнь”. Правда, в подавляющем большинстве случаев эта социальная жизнь сводилась к регулярному посещению балов и приемов, покупке нарядов и лечению нервов на модных курортах.

А воспитание и обучение детей передавалось в “надежные” руки гувернеров. Профессиональных воспитателей в городе было не так уж и много. Работа их стоила недешево, и устраивались они преимущественно в семьи с большим достатком. Остальным же родителям приходилось довольствоваться недорогими услугами тех, кто приходил наниматься на работу гувернанткой иногда даже без рекомендаций. Самым главным требованием при приеме было знание хотя бы одного иностранного языка. Поэтому основными

кадрами для такой работы становились иностранцы, толпами приезжавшие в Россию на заработки. Сложностей с устройством на работу у них не возникало. В этом потоке преобладали француженки, которые в силу существующих стереотипов об их утонченности, изысканности манер и хорошем образовании пользовались наибольшей популярностью. Это обстоятельство и порождало массу проблем.

Известно немало случаев, когда родители не проявляли особой заинтересованности и не наводили справки о прошлом воспитательницы своих чад: чем, собственно, она занималась до приезда в Петербург и может ли обеспечить правильное развитие ребенка. Самым плачевным было то, что среди этих девушек и женщин очень часто попадались бывшие парижские субретки, гризетки, кафешантанные певички и даже, как их тогда называли, “жертвы общественного темперамента”.

Так что мало кого удивляли, например, такие “безобидные” сцены в городских садах и парках, когда во время прогулок с детьми какая-нибудь гувернантка или бонна, сидя на скамейке и делая вид, что она углублена в чтение книги, активно перемигивается с приставившимся напротив франтиком. Через несколько минут они уже воркуют рядом, он жмет ей ручку, она склоняет головку ему на плечо, а хозяйские дети в это время копаются в песочнице, воспринимая происходящее как должное. Морально-этические последствия таких прогулок меркли по сравнению с тем, что иногда получали питомцы от своих наставниц вместо хороших манер и привычек. Оказывается, сто лет назад для Петербурга было обычным явлением, когда целые семьи заражались различными венерическими заболеваниями от проживающих и работающих у них мамок и нянек. Так что когда заводят речь о высоконравственном воспитании до революции, стоит вспомнить, чему могли научить французские воспитательницы своих подопечных...

ПИТЕРСКИЕ ЧУДЕСА

Мститель с того света

Больше ста лет назад, когда еще и в помине не было на карте городских кварталов в районе Старой Деревни, стояла на берегу залива огромная усадьба, как говорили, почти дворец. Владельцем усадьбы был некий барон, старый сановник, который по неясным причинам покинул свет и зажил деревенской жизнью отшельника. После смерти старика владельцем имения стал его сын, столичный повеса, превративший жизнь тамошних крестьян в настоящий ад.

Старик умер скоропостижно, а потому не успел дать своим крестьянам вольную. Сынок же оказался нрава жестокого и крепостных за людей не почитал. Десятки лет при прежнем помещике жил и не тужил в лесу егерь, новый же хозяин его почему-то невзлюбил. Как-то раз после неудачной охоты молодой помещик велел привести егеря на двор и приказал его жестоко высечь. Старика выпороли до полусмерти, а на следующий день он исчез. Искали его, да все без толку — пропал егерь, как в воду канул.

Прошло шесть лет, и среди местных жителей пошли страшные рассказы об охотничьем домике. Говаривали, что ночью виден в доме свет, а те, кто осмеливался подойти к окну, могли приметить там седого старика в окровавленной рубахе, с безумными глазами. Управляющий, человек весьма скептический, решил проверить эту молву и заявился ночью к домику. Все самые страшные рассказы оказались правдой: с наступлением полуночи неизвестно откуда появился седой как лунь старик, долго смотрел в окно, потом подошел к большому портрету старого барона, встал на колени и... исчез. Вмиг поседевший управляющий наутро настрого запретил кому-либо приближаться к домику. Да на свою беду приехал в это время из столицы в имение молодой хозяин, поохотиться. Никаким предостережениям он не поверил и после весьма успешной охоты решил заночевать в домике егеря, отпустив всю прислугу.

Когда наутро молодой помещик не появился, обеспокоенные люди побежали к домику. Вошли туда и увидели задушенного хозяина. Рядом с бароном валялся пистолет, а портрет его отца был прострелен в двух местах. Перевернули весь дом, но так никого и не нашли...

Спустя еще несколько лет к одному из сельских священников в окрестностях Петербурга явился в грязном рубище старик. Чувствуя близкую смерть, он пожелал исповедаться. Несчастный рассказал, что он и есть тот самый егерь, которого так жестоко наказал молодой барон. Сразу после избиения он уполз в леса, а потом через трубу пробрался в охотничий домик. Разобрал пол, выкопал себе землянку и стал там жить. Понимая, что рано или поздно его раскроют, он решил обезопасить себя: прорыл из своей землянки тайный ход в комнату и закрыл его портретом своего старого хозяина. Чтобы никто не вздумал в дом заходить, решил он прикинуться призраком и каждую ночь бродил по домику, постанывая и пугая местных крестьян. В ту ночь, когда его молодой обидчик остался ночевать в охотничьем доме, старик-егерь решил поначалу его просто напугать и прогнать из дома. Но с перепугу тот стал палить в портрет своего отца, на месте которого в полночь появился “призрак”. Такого издевательства над любимым хозяином егерь снести не мог, а потому, когда у насмерть испуганного молодца кончились патроны, он стал гоняться за ним по домику. В результате молодой человек потерял сознание от страха, и старик, откуда только силы взялись, задушил свою жертву. После этого егерь скитался несколько лет по лесам и только теперь решил облегчить свою душу.

Будучи вскоре арестован, старик до суда не дожил — скончался в тюремной больнице. Как говорят, в последние минуты он радостно улыбался...

Призрак оказался булочной

Как-то поздней осенью 1898 года по Петербургу поползли слухи о таинственной квартире на Васильевском острове. Снимал ее некий инженер Орловский, и дела там творились весьма странные. Как говорили, до вселения инженера в этой квартире

проживал один генерал. Старик был затворником, и чем он занимался последние годы, никто не ведал. Месяц назад он скончался, и, как шепотом рассказывали друг другу обыватели, теперь новых жильцов одолевает призрак покойного генерала.

Из самых достоверных источников сообщалось, что буквально каждую ночь слышны в квартире шаги привидения. Призрак якобы бродит по комнатам и со стонами и бормотанием что-то там ищет. Орловский, говорили, пытался было спастись от привидения, закрывая все двери на ключ, да только что значат земные запоры для гостя с того света. Некоторые “особо осведомленные” просвещали благодарных слушателей, что смерть генерала была окружена весьма таинственными обстоятельствами — никто так и не смог дознаться, от чего же скончался этот хоть и старый, но весьма крепкий мужчина. Однако доподлинно известно, уверяли “осведомленные”, что генерал в последние годы занимался каким-то сверхсекретным проектом нового оружия. Закончить его покойный не успел... Долг военного, он сильнее смерти, так что, не найдя покоя на том свете, призрак бродит по квартире в поисках своих секретных бумаг, чтобы доделать начатое.

Возбужденные этими историями, десятки горожан пытались напроситься к Орловскому переночевать, чтобы самим встретиться с привидением. Покоя от визитеров не было ни днем, ни ночью. Регулярно приходили спириты и прочие духовидцы с предложениями устроить сеанс материализации призрака.

Несчастный инженер уже не знал, что делать, ведь на поверку то никакой генеральский дух квартиру и не посещал. А все “таинственные звуки” производила соседняя хлебопекарня, чья дымовая труба, как назло, соприкасалась с трубой от печи в квартире инженера. Вот через трубы-то в квартире все гудело и шумело, да цепи, которыми труба была закреплена, демонически звенели.

Рассказывая об этом, Орловский признался, что уже сам с удовольствием отправил бы в мир привидений того из своих знакомых, кто распустил по Петербургу подобные слухи. Но, увы, как это всегда и бывает, автор истории о генерале-призраке так и остался неизвестен. Зато стал известен финал “таинственной” истории: инженер вскоре был вынужден съехать с квартиры — уж очень допекли его любители таинственного.

Старушка-фаталистка

Сто лет назад в одном из глухих уголков Петербургской стороны тихо доживала свой век мелкая домовладелица, вдова бывшего барского дворецкого. Но в один прекрасный день житейский и душевный покой Варвары Николаевны был безвозвратно потерян. Бойкий сосед, с повадками пройдохи, вознамерился откупить ее дом, а затем, расширяя свои владения, и вовсе снести его. Хозяйка от этого предложения наотрез отказалась.

Тогда изворотливый сосед обратился за небескорыстным содействием к единственному и любимому племяннику старушки. Этот малый, хотя и состоял где-то на службе, большую часть времени все же проводил в поисках денег и удовольствий. Поэтому от предложенных ему “двух тысконок” в случае, если его тетушка продаст свой дом соседу, отказываться не стал и даже выразил твердую уверенность в благополучном исходе предприятия. Племянник прекрасно знал суеверную натуру старушки. К примеру, та свято верила, что сфинксы с набережной напротив Академии художеств иногда во время наводнения оставляют свой пьедестал и плавают по Неве, причиняя немалые беды судам, статуи Нептуна и Минервы у подножия Ростральных колонн – это наши прародители Адам и Ева и что Адмиралтейская игла есть точный показатель той глубины, на которую рано или поздно опустится столица.

Этим и не преминул воспользоваться молодой повеса. Приняв таинственный и скорбный вид, он отправился нанести визит родственнице. Увидев его, старушка испугалась, поскольку тревоги и заботы были совсем несвойственны “ее золотцу”. Племянник же поведал о “совсем нехорошем деле”: Исаакиевский собор-де опускается с каждым годом понемногу, дома ежедневно трескаются, то один, то другой, а причина в том, что город стоит на бездонном болоте, которое перегрузили постройками, вот оно и не выдерживает. К тому же, удостоверено, что и Троицкий мост начинает проваливаться, один из его устоев уже покосился. И в этом виноваты вовсе не “строители-шельмецы”, а слабость местного грунта. Конечно, в газетах о таких подробностях никогда не напишут, чтобы не тревожить жителей, но у них в конторе все давно уже известно.

Несмотря на очевидный успех своей выдумки, “практик-психолог” финальный разговор отложил до следующего раза, а для верности послал тетушке пару газетных вырезок “о трещинах и устоях”

для усиления впечатления. Спустя несколько дней племянник явился к старушке в дорожном костюме и сообщил, что ждать больше нельзя и он уезжает из этого города, где все того и гляди уйдет в болото. Но любимую тетушку он здесь не оставит и предлагает ей отправиться в Тверь, к родным, купить там себе домик, а этот выгодно продать, так как, пока ничего не известно, за него дадут хорошую цену. Но Варвара Николаевна ничего не хотела слышать. Домик достался ей от старика Герасима Прокофьевича, который сам лично приходит к ней по ночам и грозитя прибить, если та решится на продажу. Поэтому будь что будет, а она останется до конца. Поняв, что убеждать старуху-фаталистку бесполезно, а комисионные все равно не выгорят, расстроенный племянник откланялся. Но обидней всего ему было спустя полгода, когда он узнал, что чудаковатая тетя его все же “соизволили продать особнячок и отъехать в Тверь”. И все лишь потому, что к ней во сне явился ее Герасим Прокофьевич и посоветовал расстаться с собственностью исключительно ради спасения своей благоверной.

Дачное привидение

Около ста лет назад среди петербуржцев довольно долго ходила таинственная история о некоей заколдованной даче. Причем слухи были небезосновательными. Действительно, в одном из пригородов столицы, в стороне от других дачных участков, в густых зарослях крапивы стояла заброшенная постройка, напоминающая скорее неказистый сарай, чем некогда жилой дом. Время от времени из этого строения раздавались такие невероятные по своей природе звуки, что аборигены, а уж тем более обитатели соседних дач вечерами лишний раз старались обойти стороной этот дом, превратившийся благодаря толпам любопытных в настоящую местную достопримечательность. За умеренную плату старожилы с удовольствием рассказывали о том, как однажды на их речку Пехорку занесло пустую полусломанную барку, на таких тогда вывозился строительный мусор в устье Невы. Барку выловили, а мужики решили кинуть жребий, кому же достанется это “сокровище” на материал для строительства доходной дачи. Повезло деревенскому старосте, он-то и соорудил из старых прогнивших барочных бревен “легендарный теремок”, заселить который оказалось делом не из легких. Постояльцы не желали оставаться там больше десяти

дней, жалуясь на непригодные для жизни условия. Однако все же один съемщик, из артистов, задержался дольше остальных. Когда подошло время платить за жилье, он вытолкнул старосту взащей, между делом ткнув его пару раз носом в дыры и щели в гнилых стенах. Расстроенный хозяин злополучной дачи отправился за советом к мужичкам, а те порекомендовали сделать нахальному лицедею, в случае если тот не съедет, “брандеру”. Незадачливый съемщик, плохо представляя себе, что такое “брандера”, на всякий случай собрал вещи и уехал. С того дня дача и начала издавать зловещие звуки. Для прояснения ситуации вызывали полицию, приглашали спиритов, местные дачные храбрцы пытались караулить возмутителя порядка, но все без толку. Беспокойное соседство докучало людям несколько лет, пока наконец не нашелся человек, который вызвался “изгнать нечисть”. Он провел всего одну ночь на “заколдованной” даче, после чего, ко всеобщему восторгу и недоумению, дача навсегда затихла.

Рано или поздно все тайное становится явным. Данный случай не был исключением. Получив причитающиеся благодарности от жителей, “охотник за привидениями” отправился в ближайшее к железнодорожной станции питейное заведение. Там в задушевной беседе “спаситель” поведал одному отдыхающему, что он – тот самый артист, который последним проживал на загадочной даче. Просто когда хозяин пришел к нему с угрозами, то тонкая артистичная натура не выдержала напора. Актер обиделся и в последнюю ночь своего пребывания в доме вырезал три десятка ивовых свистулук и, разместив их на разных уровнях в гнилых стенах, аккуратно заклеив обоями. В результате от малейшего дуновения ветерка дача издавала таинственные стоны на все лады.

Неосторожному признанию артиста все только обрадовались, так как постоянная мысль о возможном присутствии потусторонних сил все же многим холодила кровь, поэтому виновник многолетних беспокойств сумел вернуться в Петербург невредимым.

Казанский благодетель

Около ста лет назад среди некоторых жителей Петербурга началась прямо-таки эпидемия “золотой лихорадки”. По городу прошла молва, будто ночью возле Казанского собора можно встретить очень странного человека. Якобы в полночь во время прогулки он подходит

к понравившемуся ему горожанину, участливо расспрашивает, в чем тот испытывает нужду, и дает ему ровно такую денежную сумму, какую назовет прохожий. После того как новость облетела Питер, одиноко стоящие у Казанского в это время суток полководцы явно не скучали. После полуночи на площади перед собором стало едва ли не оживленнее, чем днем. Толпы людей стекались туда в надежде познакомиться с “чудаком, раздающим деньги”, но из-за того, что большинство никакого благодетеля не находили, все постепенно перестали верить в существование такого господина.

В городе же на самом деле жил один очень состоятельный пожилой человек. Не сильно жалуя родственников, он не видел среди них достойных наследников своего состояния, поэтому решил распорядиться капиталом весьма необычным способом. Знакомясь с новым кандидатом, для начала он выяснял его взгляды на жизнь, и если они совпадали с его жизненной позицией, то назначал ему решающую встречу на следующий день.

То была настоящая проверка для избранного. Обычно все приглашали благодетеля куда-нибудь в ресторан, старались угостить получше, чтобы подобрел старичок, и не догадывались, что “чудной” богач уважал людей скромных, нерасточительных. Поэтому основные “субсидии” получали те, кто вел его в трактир попроще и потчевал подешевле. Такие внушали надежду, что не спустят нежданно полученные деньги на развлечения, а потратят их с толком. Рассказывали, больше всех повезло одному юноше, который покорило деловое сердце коммерсанта тем, что, пригласив его в закусочную для разговора, по бедности, без умысла, заказал им только чай без сахара. Старик растаял, увидев в нем перспективного дельца, и собирался было сделать его со временем единственным наследником всего оставшегося состояния, но не успел. Подобного не могли допустить обиженные родственники, которым, дабы остановить это безобразие, удалось поместить беднягу в больницу для душевнобольных, что находилась на Удельной.

Шутка покойника

Богатое наследство, наверное, мечтал получить любой, даже тот, у кого и родни-то нет. А что уж говорить о тех, кто знает о состоятельном родственнике, который, к тому же, как говорится, на ладан дышит.

Вот и родня Савелия Федорова, петербургского домовладельца, в ноябре 1898 года не могла дожидаться, когда же он отправится в лучший мир и оставит родным свой капитал.

Надо сказать, что старик был человеком замкнутым и все свои связи с родными и близкими давно порвал, но они о нем, точнее о его деньгах, не забыли. И вот наступил “счастливый” день – Федоров преставился. Почтить память усопшего в его дом набилось множество родных. Каждый стремился быть поближе к покойному, показать всем, кто именно тут главный наследник. Так, толкаясь да утирая выдуманные слезы, “безутешные близкие” ждали, когда же объявят завещание. Спустя некоторое время выяснилось, что завещания-то и нет. Поднялся жуткий шум, каждый кричал, что так оно и лучше, потому что совершенно понятно, что именно он и есть прямой наследник и, значит, все должно достаться ему.

В этот момент в квартиру Федорова вошли трое мужчин. За перебранкой их поначалу и не заметили, так что один из них, оказавшийся судебным приставом, вынужден был зычно крикнуть, призвав собравшихся к молчанию.

– Кто здесь родственники Федорова? – спросил он притихшую компанию.

– Я – родственник, – ответили все мужчины.

– Я – родственница, – вторили им дамы.

Пристав же сообщил, что весьма рад застать их всех здесь, поскольку он опечатовывает все имущество. Двое господ в шубах, которые пришли с ним, оказались главными кредиторами Федорова. Как сказал пристав, у них имеется бумага, написанная самим покойным. В письме домовладелец написал: “Я знаю, что, как только умру, родственники немедленно явятся за наследством, так как им неизвестно, что я давно уже разорен. Поэтому прошу кредиторов, если мое недвижимое имущество окажется недостаточно ценным для покрытия долгов, взыщите остальную сумму с моих дорогих наследников”.

Не успел пристав дочитать бумагу, как он был буквально сметен выбегавшими из квартиры родственниками. Бегство было столь стремительным, что через несколько секунд в квартире остались только кредиторы да их должник, который, вероятно, всласть насмеялся, взирая с того света на свою незадачливую родню.

ОТ СУМЫ ДА ТЮРЬМЫ

Пока живут на свете дураки

Неподвластна времени работа карманников и нищих. Современные представители этих “профессий” работают по старинке, удивляя ловкостью, но не изобретательностью. Зачем придумывать что-то новое, если всегда найдутся простаки, которые с легкостью становятся жертвами ловкости рук и обмана.

Сто лет назад петербургские карманные кражи отличались примитивностью приемов. Современники считали, что столичные карманники просто дети по сравнению, например, со своими коллегами из Лондона или Парижа. Последние славились оригинальностью отвлекающих маневров и бесчисленным количеством специальных инструментов. Единственное же приспособление, каким широко пользовались наши местные воришки, — это специальные щипчики, которыми разрезалось часовое кольцо. До 1900 года в течение многих лет был задержан всего лишь один карманник, оперировавший острым ланцетом. Им он вырезал боковые карманы сюртуков, куда обычно помещался бумажник. Когда бумажник вываливался, “мастер” подхватывал его на лету с ловкостью жонглера. Но таким образом работали единицы. В основном практиковали только два самых ходовых способа опустошения карманов и только в местах большого скопления народа. Первый способ применялся, если охотились за содержимым бокового кармана. Карманник становился рядом с жертвой с правой стороны, вытаскивал папиросу, закуривал и держал ее около рта левой рукой, которая оставалась в неподвижном положении, в то время как правая рука из-под нее благополучно залезала в карман. Если же вора интересовал задний карман, то использовался второй способ. Он делал вид, что его сильно толкают, наваливался всем телом и без дальнейших церемоний шарил в кармане. От последнего способа особенно страдали женщины, подвязывавшие кошельки к поясу, поскольку они не всегда могли сопротивляться напору.

Недалеко в своей изобретательности ушли от карманников и нищие. В большинстве случаев вымогали деньги, также не напрягая фантазию. Писали жалостливые таблички, прятали согнутую правую руку в локте за спину и тянули за милостыней левую, притворяясь калекой, жаловались, что потеряли кошелек и не на что добраться домой и т. д. и т. п. Но нужно отдать должное – встречались в этом жанре и виртуозы. К примеру, горожане могли наблюдать сцену: с моста в реку падает весьма скромно одетый человек, вслед за ним прыгает другой человек, с виду рабочий, и “с трудом” вытаскивает “потерпевшего”. На берегу “утопленник” начинает рыдать и вопрошать, зачем его спасли, все равно он не знает, что ему делать: нет работы, нет жилья и вообще он не ел три дня. Тогда “рабочий”, порывшись в карманах, вручает ему пятак со словами, мол, сам без обеда останусь, но бедолагу накормлю. Вот тут-то расчувствовавшиеся граждане начинали добровольно отдавать свои денежки, кто сколько может. А уже через четверть часа “потерпевший” и рабочий, поделив пополам выручку, сидели в каком-нибудь заведении и обедали. У дам-побирушек были свои эксклюзивные методы. К примеру, садится в трамвай “беременная” женщина и начинает от каждого толчка стонать и охать. Сердобольные попутчицы решают, что у бедняжки нет денег нанять экипаж. Собирают ей средства и просят сойти и взять извозчика. Понятно, что отдельный транспорт “будущая мать” ловила только к вечеру, в конце “рабочего” дня, если трамвайный заработок позволял. Одну такую “беременную” городской застукал как раз в тот момент, когда та, выйдя из образа и перевернув картонный живот на спину, подсчитывала гонорар.

Сто лет прошло, а ничего, в сущности, не изменилось. Мосты стоят, трамваи ходят, и бумажники мы по-прежнему прячем в задний карман...

Хлестаков-профессор

Сто лет назад в центральной части Питера по весне начал орудовать один примечательный жулик, который работал исключительно по методу гоголевского Хлестакова. Нарядно одетый, представительный, в форменной фуражке почтового служащего он приходил в магазин и, долго не торгуясь, набирал различного товара,

весело поясняя, что ему очень некогда, он спешит на свадьбу. Когда подходило время расплачиваться, выяснялось, что “покупатель” в спешке оставил дома в другом пальто бумажник. Не дожидаясь реакции продавца, забывчивый гражданин восклицал:

– О! Ваши, наверное, часто ходят на почту, я запишу свою фамилию, завтра же пришлите мальчика ко мне на службу, пусть спросит помощника начальника почты Пушкина, это я.

Поскольку сумма, на которую он набирал товар, была небольшая, всего 5–6 рублей, то хозяин или приказчик магазина любезно соглашались отпустить покупки в кредит, оставив себе в залог лишь лоскуток бумаги, на котором жулик “собственную ручкою” выводил расписку.

Судя по количеству расписок, которые приносили на почту в поисках помощника начальника, хлестаковец посетил не один десяток магазинов. Например, в обувном салоне на Владимирском он “приобрел” пару ботинок. Причем при примерке было очевидно, что они ему малы. Но на предложение продавца зайти на следующий день, когда в наличии будет нужный размер, “покупатель” ответил, что штиблеты ему нужны “до зарезу” сегодня, и снова запросто выпросил себе кредит. Для разнообразия мошенник посетил как-то цветочный магазин и по тому же сценарию утянул несколько бутонок живых цветов. Про него говорили, что это догадливый мальчик, за большой наживой не гонится, поэтому и успех его предприятия обеспечен. Но рано или поздно даже профессионал совершает роковую ошибку. Промышляя только в центре города, он нечаянно зашел на второй круг, заглянув в уже “обработанный” магазинчик, где его сразу же узнали и после небольшой погони благополучно отловили. В участке во время дознания выяснилось, что это домоустроенный ученый, который занимался изучением психологии мошенничества и даже написал на эту тему небольшой труд. А сейчас, используя полученные знания, исследует психологию противоположной стороны, то есть жертвы надувательства. И на самом деле, вся его деятельность была направлена исключительно на развитие науки, и все похождения являлись не более чем научным экспериментом.

Но вот только, как выяснилось, и его сын-подросток, подробно изучив описание опытов, сделал свои выводы и начал было собирать уже свои личные “научно обоснованные” наблюдения. Сынок находил в газете объявления, в которых люди искали работу.

Отправлялся по указанному адресу, где говорил, что его послал отец, которому срочно требуется человек, к примеру, на должность секретаря, и просит прийти завтра по такому-то, естественно липовому, адресу. Услуги гонца стоили недорого, всего 1 рубль.

К сожалению, дальнейшие научные эксперименты семьи ученого мошенника были прерваны равнодушными к науке полицейскими и судьями.

Почтовый пират

Около ста лет назад в нашем городе проживал ничем не примечательный человек. Долгое время он работал мелким служащим в одной известной питерской конторе, занимавшейся госимуществом, пока с ним не произошла история, после которой он был уволен со службы.

В служебные обязанности Тихона Пантелеймоныча входили отправка и получение писем, телеграмм, переводов и пр. За годы работы он внимательно изучил правила и систему почтовых пересылок и изыскал возможности организовать себе небольшой дополнительный доходец. Специализировался он в основном на заказных письмах – это был его конек. Заказное письмо стоило 14 копеек, а обыкновенное – восемь. Если же отправить письмо, где будут отсутствовать марки хотя бы на две копейки, то на конверте обязательно поставят штемпель как на “не вполне оплаченное”. О потере такого письма на почте не могло быть и речи, его доставляли в сжатые сроки лично в руки адресату, с тем чтобы тот сам внес недостающую сумму. Разница в 8 копеек, естественно, не возвращалась руководству конторы, а оседала в кармане службиста. В день ему поручали отправить около пяти писем, и к концу недели набегало не меньше пары рубликов.

На телеграммах удавалось наживаться реже, да и чтобы наладить “телеграммный бизнес”, потребовалось определенное время. Суть сводилась к тому, чтобы, договорившись с людьми из других контор, с которыми часто приходилось связываться посредством телеграмм, по очереди наживаться на неотправленных телеграммах. На этот предмет у них была разработана четкая знаковая система. Например, одна контора посылает другой сообщение. Получатель, в данном случае ответственный за почту в конторе, внимательно читает и запоминает текст, а телеграмму возвращает со словами:

“Вероятно, ошиблись”. Тогда отправителя извещают, что телеграмма не доставлена, а это значит, что информация принята к сведению, но ответа не требует. Деньги же, выданные на ответ, Тихон Пантелеймоныч, конечно, оставлял себе. Данный вид деятельности был нерегулярным, поскольку телеграммы посылались реже, чем письма, но зато оказывался более доходным.

Совсем уж редко контора поручала ему переводить деньги. Нажиться на этом вообще было сложнее всего. Здесь все зависело только от фортуны мошенника. Но если уж удача улыбалась, то не меньше чем на 50 рублей. “Тут важно для отправки момент нужный выбрать”, — объяснял он позднее следователю. “Нужный момент” — это когда на приеме денежных переводов собиралась очередь побольше и почтовый служащий становился менее внимательным. Пока он заполнял всевозможные бумаги и бланки, Тихон Пантелеймоныч скрывался из виду, не отдав денег. Подняв глаза, служащий видел, что отправитель перевода уже ушел, и решал, что деньги на перевод им уже получены. Если конторщик все же твердо помнил, что денег он не брал, и начинал шуметь, Тихон Пантелеймоныч тут же подходил обратно и извинялся за то, что вынужден был на секунду отойти.

Таких “невинных” проделок в его арсенале набрался не один десяток.

Но со временем все эти махинации стали вносить сумятицу в делопроизводство конторы. Проведя дознание, начальство обнаружило, по чьей вине не доходят телеграммы, запаздывают письма и т. п. В связи с этим Тихону Пантелеймонычу было отправлено официальное уведомление об увольнении “за небрежное отношение к службе”. Но, к удивлению сослуживцев и руководства, на следующий день уволенный как ни в чем не бывало пришел на работу. Все решили, что у него где-то есть покровитель и через него он снискал себе помилование. Поэтому никто не стал задавать ему вопросов. А через несколько дней вдруг обнаружили непонятное отсутствие другого человека, работавшего инспектором. На всякий случай отправили к нему доктора справиться о здоровье. Оказалось, что извещение об увольнении вместо службиста по ошибке получил как раз этот инспектор, который, обидевшись, просто перестал являться на службу.

В конце концов виновник попал под следствие и даже оказался на несколько месяцев в тюрьме, но, к великому удовольствию этого непримечательного с виду человека, его почтовая история еще долго ходила по питерским конторам.

“Спящая красавица”

На что только не пойдут люди ради “презренного металла”! История, приключившаяся сто лет назад, буквально потрясла впечатлительных обывателей Петербургской стороны.

Проживали тогда в той части города две старушки, два “одуванчика божьих”: барыня-хозяйка и ее верная горничная, которая жила с ней с незапамятных времен. Обе бабульки казались всем слегка выжившими из ума, хотя в целом были весьма крепкими. Но годы брали свое: страшно сказать, на 99-м году жизни хозяйка слегла. Доктор поставил диагноз – “необратимое угасание”.

Как-то заглянул справиться о здоровье барыни ее племянник, понятно, интерес был небескорыстный – очень уж интересовало его старушкино наследство. А горничная ему и докладывает, что дела его тетушки явно идут на поправку. Барыня спит и спит крепко и давно – уже дня три. Есть-пить не просит, лежит себе спокойная и розовенькая – верный знак, что дело идет к выздоровлению. Одна только беда, посетовала горничная, давно они не ходили в церковь – надо бы хозяйку с постели поднять, в экипаж усадить, да в храм свозить. Так и сделали: “спящую” старушку отвезли, даже в церковь внесли и вернулись домой – хозяйка все так же мирно спала.

Спустя неделю вновь зашел проведать тетушку племянник. И опять горничная говорит ему, что барыня находится просто в отличном состоянии, то есть по-прежнему спит, родимая. Тут-то племянник и заподозрил неладное – ворвался в комнату, где почивала хозяйка, а там, понятное дело, характерный трупный запах, который горничная поначалу объясняла ароматами бесчисленных лекарств. Говорить об “отличном состоянии” старушки после десятидневного лежания было сложно.

Старушку-барыню, конечно, похоронили. Когда же вскрыли завешание, то в нем обнаружили весьма занятные детали, которые объяснили конфуз со “спящей красавицей”. Оказалось, что все свое движимое и недвижимое имущество бабулька завещала своей горничной, но при одном условии: если стараниями верной подруги доживет она до столетнего юбилея. До дня рождения барыня не дотянула каких-то две недели. Видимо, горничная о завещании знала, и этим-то и объяснялось ее столь неординарное поведение. Понять можно: наверняка хотелось почувствовать себя хотя бы раз хозяйкой. Но, увы, наследства горничная так и не получила, правда,

и к ответственности ее привлекать не стали в силу возраста. Не долго думая, молодой хозяин отправил престарелую авантюристку в приют, где она прожила еще на удивление долго.

Доброта как улика

Сто лет назад петербуржцы, которым приходилось ездить в другие города по железной дороге, столкнулись с необычным для того времени способом ограбления. К одиноко сидящему путешественнику в купе подсаживались две миловидные и приятные в общении барышни. Спустя некоторое время в ходе неторопливой задушевной беседы как бы между делом они доставали изящный портсигар, прикуривали и предлагали закурить собеседнику. Разомлевший, ничего не подозревающий пассажир с наслаждением затягивался, а через пару минут отключался на пять-шесть часов. Этого времени девушкам было вполне достаточно, чтобы успеть обчистить карманы обкурившегося доброй дозой опиума или гашиша “клиента” и пересесть на другой поезд. Барышни действовали настолько аккуратно и изобретательно, что поймать их, несмотря на предупреждения проводников и объявления в газетах, не представлялось возможным. Справедливости ради надо отметить, что “гимназистки”, так их называли в полицейском департаменте, грабили исключительно “по-честному”. Они всегда оставляли атласом обитую пострадавшему деньги на обратный билет. Именно добродетельность характера в конце концов и погубила девушек.

Как-то раз “благородные разбойницы” в свободное от основной “работы” время оказались на светском рауте, где отмечался юбилей одной петербургской оперной примадонны. Блистающая нарядами и украшениями певица пообещалась с двумя хорошо воспитанными “деточками”. Уже дома она обнаружила пропажу дорогой брошки с платья. Будучи дамой рассеянной, она предпочла думать, что сама где-то обронила брошь. Но через несколько дней актрисе по почте пришел конверт, в котором находилась квитанция и адрес ломбарда, где благополучно лежала ее вещица. В ломбардной лавке ее ждало не только похищенное украшение, но и подробное описание внешности похитительниц, в которых певица узнала своих недавних молоденьких почитательниц. Не догадываясь об их прошлых подвигах, сердобольная актриса не стала

доносить на “девочек”, полагая, что им просто не хватает денег на театральные билеты. Но хозяин ломбарда придерживался иного мнения, его совсем не радовала перспектива прослыть скупщиком краденого, поскольку девушки уже несколько раз закладывали “бабушкины” драгоценности. Он сходил в полицию и высказал там предположение, что молодых воровок можно поймать в одном из храмов Мельпомены. Театральный сезон подходил к концу, и премьер было немного, поэтому вычислить любительниц высокого искусства не представляло большого труда. А после того как они попали в руки полиции, в барышнях быстро опознали давно и тщетно разыскиваемых железнодорожных “усыпительниц”.

Как мошенник стал звездой

Более ста лет назад проживал в Петербурге один третьесортный, как характеризовали его соратники по цеху, фоторепортер Багров. Будучи прекрасно осведомленным о “предвзятом” отношении коллег и видя, что его работы не пользуются должной популярностью ни в одном питерском издании, сам Николай Осипович тем не менее относил себя к разряду непризнанных гениев и непонятых авторов. И в ожидании “справедливого” признания перебивался случайными заработками – ходил со своей аппаратурой по домам, пополняя семейные альбомы столичных обывателей.

Как-то раз к нему обратился знакомый и попросил за хорошую цену при помощи новомодного направления – фотоколлажа “расположить” его на одной карточке с “любимым, безвременно ушедшим дядей”. Фотография получилась настолько правдоподобной, что Николай Осипович начал даже подумывать, не открыть ли ему мастерскую по фотокомбинированию. Но уже через несколько дней радужные планы Багрова рухнули. Неожиданно к нему явился судебный пристав с сообщением, что он может быть привлечен к суду за соучастие в мошенничестве. Выяснилось, что багровский клиент, пожелавший соединиться с “покойным родственником”, оказался ресторанным прожигателем, а “дядя”, не состоявший с ним ни в каком родстве, – известный туз-миллионер. “Племянничек” с успехом предьявлял повсюду фотокарточку как гарант для получения

кредитов, покуда обман не выплыл наружу. Суда фотографу удалось избежать, но, так как дело получило огласку, репутация Багрова была окончательно подорвана.

Однажды после этой истории, в апреле 1899 года, просматривая утренние газеты, Николай Осипович наткнулся на заметку о том, что группа известных петербургских артистов в скором времени отправляется со своими спектаклями на гастроли в Прагу, а затем в Берлин. Критики полагали, что поездка “обещает быть триумфальной, поскольку в ней будет принимать участие непревзойденная Мария Гавриловна Савина”.

Багров вспомнил, что в свое время ему случайно удалось сфотографировать Савину на каком-то бенефисе. В тот же день Николаю Осиповичу пришла в голову дерзкая мысль попытаться продать эту фотографию. Он отыскал негатив, отпечатал с него сотню пробных карточек и отправил их наудачу в один берлинский книжный магазин, адрес которого раздобыл в старом рекламном проспекте. Спустя пару недель неожиданно из Германии ему пришел перевод на приличную денежную сумму с предложением о продаже негатива. Багровская фотография Савиной имела невероятный успех у немецких почитателей русской артистки. Более того, в одном специализированном берлинском фотожурнале ему даже посвятили целую статью, а его случайное творение признали лучшей фотоработой сезона. Воспрявший духом Багров с радостью покинул Петербург и отправился за сбывшейся мечтой о славе в германскую столицу.

Друг нищих сгорел на “догнеппинге”

Более ста лет назад в Петербурге, возле Александро-Невской лавры, проживал один довольно пожилой, но очень энергичный господин. Основным занятием на старости лет Родион Николаевич Каплун выбрал покровительство питерским обездоленным.

Подопечные называли его не иначе как “друг нищих”. Содействие им он оказывал весьма нетрадиционным способом – координировал деятельность желающих продуктивно просить подаяние. У Каплуна имелся солидный “альбом” с адресами потенциальных благодетелей, где напротив каждой фамилии находилось точное описание приемов нищенства, производящих наиболее сильное впечатление

на выбранного для “прицельного огня” человека. Так, к одному “благодетелю”, например, рекомендовалось обращаться за помощью “на похороны погибшей от удара шаровой молнии тещи”. К другому следовало идти с просьбой подать “на кусок хлеба интеллигентному неудачнику”, а у третьего просить “на лекарства ребенку, умирающему от дифтерита”. Упоминание дифтерита или тещи являлось обязательным условием для “прицельного попрошайничества”, поскольку именно в этой семье от названной болезни пару лет назад скончался сын и погибла в грозу мать супруги. “Бюро добрых услуг” оказалось прибыльным мероприятием для его создателя: на адресную “наводку” и “инструктаж” существовали четкие тарифы. Кроме того, прямо в квартире Родион Николаевич организовал прокат “специальных аксессуаров” – повязок, деревянных рук и ног, костылей, бутафорских младенцев и т. д.

Дело было поставлено на широкую ногу и работало как часы. Но через некоторое время старичок заскучал, захотелось ему придумать что-то новое. Как-то во время просмотра объявлений в городских газетах ему пришла в голову гениальная идея, и он решил организовать первое в своем роде “предприятие” по догнеппингу. Механизм нового бизнеса был таков: в одних газетах Родион Николаевич давал объявление “Пропала собака”, в других – “Прибилась собака”. В обоих случаях фигурировал его адрес. По первому объявлению к нему приводили массу собак. “Друг животных” выбирал из них самых лучших и платил за них мизерное вознаграждение. С пришедших же по объявлению хозяев брал суммы, с лихвой покрывавшие все издержки. А потом он и вовсе совместил два своих предприятия, дав своим старым клиентам-нищим дополнительный заработок.

Теперь они активно “помогали” ему с поиском потеряшек, в основном “подбирая” дорогих псов у зазевавшихся во время прогулки хозяев. Творческая мысль Каплуна не стояла на месте – он уже начал подумывать о создании бюро по “поиску” младенцев. Но тут произошла накладка, стоившая Родиону Николаевичу потери всего отлаженного дела и свободы. Ежедневно ему приводили массу животных, потому он и не заметил, как его работники дважды привели одного французского бульдога, и его оба раза исправно выкупали. А на третий раз еще не успело выйти объявление о том, что найден симпатичный бульдог, как на квартиру к Родиону Николаевичу заявили хозяева трижды украденного пса с двумя околоточными.

Несмотря на почтенный возраст, Каплун оказался в тюрьме по обвинению в воровстве, мошенничестве и... использовании служебных сведений в личных целях. Оказалось, что до того, как выйти на пенсию, Родион Николаевич служил чиновником в полицейском департаменте, что и объясняло наличие у него такого обширного банка данных о жителях города, обновлявшегося благодаря старым связям.

Прийти, поесть... и не платить

Как-то сто лет назад в одном из петербургских ресторанов с работавшим там молодым официантом приключилась крайне неприятная история. Вечером в ресторацию заглянули двое хорошо одетых молодых людей. Гости затребовали себе отдельный кабинет, а устроившись там, заказали полсотни устриц и две бутылки шампанского. Впечатленный уверенным тоном клиентов и по последней моде сшитыми костюмами, Никита с радостью побежал выполнять заказ, рассчитывая на щедрые чаевые.

Быстро разобравшись с двумя десятками моллюсков, молодые посетители потребовали налить им вина. Пока лакей открывал бутылку, один из господ неожиданно поперхнулся и через мгновение вынул изо рта небольшую, но ровную жемчужину. Оба приятеля стали бурно восторгаться такой удачей, рассматривали находку, пробовали на зуб и обсуждали, сколько можно за нее выручить у ювелира. Никита же, который и в Петербург-то приехал совсем недавно, вовсе потерял дар речи и с открытым ртом взирал на эдакое чудо.

Закончив восторгаться находкой, молодые люди посмотрели на официанта и, склонившись друг к другу, начали о чем-то совещаться. Наконец тот, которому посчастливилось найти сокровище, сказал лакею:

– Возьми-ка ты ее себе, братец. Она, конечно, стоит втрое дороже, чем мы у тебя наели, но ты принес нам этих счастливых устриц, пусть и тебе удача улыбнется. Продашь ее и разницу заберешь себе.

Лакей от навалившегося на него счастья опять на минуту онемел, после рассыпался в благодарностях и обещаниях всегда услужить господам, ежели им что-нибудь угодно будет. Господа же неспешно закончили трапезу и покинули ресторан. Никита тут же отпросился на пять минут у хозяина и помчался в ближайшую

ювелирную лавку. По дороге он уже вовсю рисовал радужные картины того, как будет тратить свои деньги, как наконец сможет подарить что-нибудь приглянувшейся ему девушке... Ворвавшись к ювелиру, запыхавшийся официант еле смог произнести:

– Вот, почем возьмете? – и положил драгоценную жемчужину на стол.

Пожилой ювелир как-то слишком небрежно посмотрел на “сокровище” и с удивлением воззрился на продавца. Слова старика прозвучали как приговор:

– Юноша, простите, вы всерьез собираетесь продать эту стеклянную бусину?

Убитый горем Никита вернулся в ресторан. Он и предположить не мог, что столь солидные господа надули его, не желая платить за еду. “Не иначе тут какое-то колдовство, и мне наказание, раз дорогая жемчужина превратилась в бесполезную стекляшку”, – думал он. От хозяина за неоплаченный заказ официант, разумеется, получил страшный нагоняй, но был оставлен отрабатывать убытки. Однако уже через неделю владелец ресторации был вынужден изгнать молодца. У того возникла навязчивая идея о несметных сокровищах, таящихся в раковинах моллюсков, и он перепортил кучу устриц в поисках жемчуга.

Продавец воздуха

Затеяли как-то в конце XIX века городские власти ремонт Исаакиевского собора: мрамор северной стены дал трещины, и надо было провести серьезные восстановительные работы. Поставили леса во весь фасад. Деревя не пожалели – леса вышли столь основательные, что любопытствующие горожане приходили смотреть на них как на достопримечательность.

Зачастил к собору и некий очень солидный господин. Был он непривычно щедр и всякий раз, осматривая леса, жаловал сторожа рублем – на чай. Сторож за эдакую доброту визитера, конечно, полюбил и был с ним очень обходителен и приветлив.

Приехав однажды, господин сделал сторожу захватывающее предложение: “Не желаешь ли ты, братец, за полчаса заработать пять червонцев”. Сторож, разумеется, тут же согласился, тем более что работа от него требовалась очень простая. Надо было на следующий

день, когда придет его “благодетель”, бодро отрапортовать: “Ваше превосходительство, на стройке все в порядке”, а когда поднимутся на леса, что бы ни говорилось, на все отвечать: “Слушаюсь” – и кланяться. Получив задаток, сторож обещался непременно сделать все, как велено.

Наутро господин действительно пожаловал “на леса”, да не один, а со спутником, который по виду вроде был купцом, причем явно иностранным. Сторож, выполняя давешний уговор, со всей почтительностью отрапортовался, а “его превосходительство” принялся по-хозяйски распоряжаться:

– Управляющий, скажи, чтоб в три дня было все убрано и вывезено, а рабочим передай, что получают водки, коль не будут лениться.

Сторож как заведенный твердил в ответ: “Слушаюсь ваше превосходительство”, “Не извольте беспокоиться”, “Сделаем все в лучшем виде”. Через час гости уехали, а спустя несколько часов радостный благодетель прикатил на экипаже, отдал сторожу вторую часть обещанной платы да еще сверху десятку накинул и тут уже умчал прочь...

Спустя три дня к Исаакию поутру стали съезжаться ломовые телеги – набрался целый обоз. Приехал и заморский купец. На ломаном русском он осведомился у сторожа: почему это рабочие до сих пор не начали ломать леса.

– С чего бы им сейчас ломать? – возмутился сторож. – Леса снимут, когда ремонт закончат, лет эдак через пять...

– Но главный смотритель, что приезжал сюда со мной три дня назад, распорядился ломать, – не унимался купец.

– Человек тот посторонний, – отвечал сторож. – Он хоть щедрый, но к ремонту никакого отношения не имеет.

Как оказалось, неизвестный господин, прикинувшись главным смотрителем ремонта, нашел растяпу-иностранца, которому продал за 15 тысяч рублей все леса с Исаакия. Взяв авансом половину суммы, пройдоха второй половины дожидаться не стал и поскорее скрылся из Петербурга.

Тюрьма “пять звезд”

В советские времена нам усердно рассказывали о страшной жизни в царских застенках, в сотнях книг описаны ужасы тюрем царизма. Но, как выясняется, сто лет назад петербургские жители

были совсем иного мнения, например, об арестных домах. Более того, те, кого с легкой руки Федора Михайловича называли униженными и оскорбленными, шли на всевозможные ухищрения, лишь бы попасть... в тюрьму.

Особенно “сладкой” была жизнь в арестном доме на Казачьем плацу, где “отдыхали” мелкие дебоширы, хулиганы и прочие нарушители общественного спокойствия. Жизнь у этих узников была почти райская. Журналист одной из петербургских газет, попавший в тюрьму на Казачьем, с удивлением описывал уютные и просторные залы, которые явно по недоразумению пока еще называли камерами. Широкие коридоры, отличная вентиляция и электрическое освещение... Единственное, на что, пожалуй, жаловались заключенные, – курить приходилось тайком. Впрочем, и этот запрет вскоре сняли. В общем, сказка, разве что водки по камерам не разносили.

Понятное дело, всякие нищие и оборванцы стремились совершить какой-нибудь легкий проступок и попасть в этот тюремный рай. Желание это обострялось еще тем, что, коротая время за решеткой, можно было бесплатно получить любую врачебную помощь. Местные доктора готовы были лечить от любой хвори. К примеру, попал как-то в арестный дом глухонемой дебошир, и тюремные лекари вернули ему и слух и голос. Одновременно с ним другому узнику выводили бородавки на лице, а третий арестант, лысый, был обеспечен мазью для отращивания волос. Видя наплыв “клиентов”, к арестному дому даже пристроили один этаж. Но и он вскоре был заполнен, так что на дверях заведения впору было вывешивать табличку “Извините, мест нет”.

Откуда же такое благоденствие? Все очень просто: штрафы, которые взимались в Петербурге с нарушителей порядка, городские власти были обязаны направлять исключительно на благоустройство арестного дома. Вы будете смеяться, но так они и поступали, отдавали все до копейки. Вот начальство и тратило: завели современное электрическое освещение, отстроили чудную баню, обеспечили арестантов бельем, какое не снилось и пациентам городских больниц, организовали здоровый и сытный стол... Но деньги все шли и шли. Куда их тратить, уже никто не знал. В итоге накопилось больше 300 тысяч рублей – капитал по тем временам значительный. Думали, думали, да и отстроили второй такой же дом – так сказать, по просьбам “посетителей”.

А среди петербургских официантов и прочей прислуги пошла шутка — в ответ на жалобы клиентов по поводу плохого обслуживания они говорили: “Что же вы хотели, милейший, у нас тут не арестный дом, живем поскромнее...”

Тюремные каникулы

Сто лет назад в одном петербургском страховом обществе произошел не имеющий аналогов случай. Человек, который работал в этой конторе счетоводом на протяжении двадцати лет, за все время службы ни единого раза не побывал в отпуске. Ситуация осложнялась тем, что хозяином и непосредственным начальником этого служащего являлся немец по фамилии Кнейпе, как и положено — аккуратный в ревности к наживе и педантичный во всем. Всего два три дня в году он не отпирал своей конторы. И его сотрудникам достаточно было хотя бы один раз не явиться на службу, чтобы быть исключенным. Поэтому работу счетовод манкировал только один раз по случаю смерти прабабки и то только на половину дня. Моментов, когда служащим нечего было делать, просто не существовало, нужное занятие находилось всегда, например сосчитать стальные перья в коробочке.

Как-то в невыносимо жаркий летний день, когда уже стало невозможным ни сидеть на высоком табурете за рабочим столом, ни стоять рядом с ним, когда цифры гроссбуха плавно поплыли перед глазами, из справедливо наболевшей груди счетовода вырвался полный отчаяния вздох: “Отдохнуть бы!” И надо же такому случиться, что именно в этот момент мимо его стола проходил начальник Август-Фредерик и грозно заметил: “Вам нужно зтыдиться в сорок лет думать о Змоленском кладбище! Создатель сотворил нас для каждодневного труда, а не для мыслей об отдыхе”. “Послушайте, а если случится смертельно заболеть или попасть в тюрьму, что тогда?” — вспылил счетовод. “О, в этом случае вы, конечно, можете не приходить на работу”, — серьезно ответил немец. Вечером, выходя из конторы, счетовод бормотал, что на Сахалине раз в году “душегубов всяких” и то отпускают сходить в церковь покаяться. А на следующий день он на работу не явился. Посыльный, которого отправили справиться, что случилось с отсутствующим, вернулся в недоумении, поскольку счетовода дома не оказалось по причине “нахождения под

стражей”. А жена счетовода сообщила, что сам он несказанно доволен этим фактом, шлет всем горячие приветы и обещает увидеться через пару недель.

Оказалось, что, покинув трудовую вахту и дойдя до ближайшего сквера, утомленный жизнью и работой счетовод присел на скамейку и понял, что его сильно раздражают бестолковое щебетание птичек, глупо и свободно растущая трава и не дают покоя бесконтрольно плывущие по небу облака. “Нужно взять себя в руки, иначе добром это не кончится”, – подумал счетовод, имея в виду, безусловно, свое душевное состояние. Но тут он заметил прилично одетого господина, который сидел напротив и, казалось, нарочно болтал ногами, беззаботно жуя черешню, и явно бездельничал. Это было уже слишком для истерзанной работой души, счетовод подскочил к нему и просто со всего размаху дал в ухо. Разразился скандал, завязалась драка, подбежал городской, счетовода повязали... И наступил долгожданный отдых. Две недели, проведенные в Казачьем остроге, пошли счетоводу явно на пользу. На службу он вернулся порозовевший и в приподнятом настроении.

Уголовные дамы страшней приговора

Сотню лет назад в Петербурге было море всевозможных развлечений: театры, вечера, приемы и балы – только успевай всюду побывать. Однако большой группе прекрасных обительниц столицы все это не приносило удовольствия. Единственной их радостью были громкие уголовные процессы, которые они исправно посещали. Их так все и звали – “уголовные дамы”. Подобно заядлым театралкам, они толпились у расписания судебных процессов и делали пометки, решая, куда пойти.

Каждое утро они первыми появлялись в суде. Тут их все знали в лицо. Служитель, принимая пальто и галоши, спрашивал:

- На покушение жены пришли, мадам Раменская?
- А разве отложено? – испуганно спрашивала дамочка.
- Нет-нет, все будет, как и обещано.

Спешно поднимаясь на второй этаж, мадам встречалась со своими “коллегами по увлечению”, и первый взволнованный вопрос был все тот же: “Отложено?” Узнав, что все в порядке и заседание вскоре начнется, дама задавала новый вопрос: “Кто защищает?”

– Присяжный поверенный Федотов, – отвечали сведущие.

– Ну опять он затянет: “Обернемся к семнадцатому веку, посмотрим, чем была женщина”, – опять эти цитаты из Шекспира, как это все надоело, – со знанием дела резюмировала мадам Раменская.

А потом начиналась увлекательная охота на адвокатов, судебных приставов и обвинителей. Стайки “уголовных дам” пытались поймать всех этих господ и вызнать подробности предстоящего процесса. Запуганные неумным любопытством женщин, те спешно ретировались в кабинеты и не казали оттуда носа до самого начала.

Но больше всего не везло тому подсудимому, который до процесса обретался на свободе. Не дай Бог ему было появиться чуть раньше назначенного часа. “Дамы” тут же летели к нему и начинали громким шепотом обсуждать будущую жертву:

– Недурен. Глаза с поволокой, значит, склонен поддаваться чужому влиянию. Походка у него больно нервная – точно, виновен: в душе сознает свою вину. Я вам уверенно говорю, походка любого выдаст.

Растерянный подсудимый начинал еще больше нервничать, пытался спрятаться от любопытных женщин, но те не отставали, комментируя каждое его движение:

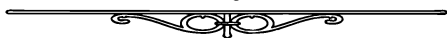
– Посмотрите, как он передергивает плечами – явно обдумывает свое последнее слово. Отвернулся к окну, глаза прячет, ну точный признак вины.

Наконец начинался процесс, на котором “уголовные дамы” были самыми благодарными слушательницами. У каждой из них были свои любимые адвокаты и прокуроры, которые удостаивались за свои речи бурными аплодисментами. Особым шиком среди “уголовных дам” был качественный обморок в особо напряженные моменты процесса, это мастерство вырабатывалось долгое время и использовалось при каждом удобном случае.

Увлечение судебными процессами доходило до фанатизма. Приходя в суд часов в одиннадцать утра, женщины могли просидеть там до 3–4 часов ночи. Любой мужчина давно бы свалился от духоты, недосыпа и голода, а они ничего – съедят пару сосисок в буфете и снова “на дело”. Семья, дом – все забывалось. Прибежит, например, за какой-нибудь “уголовной дамой” слуга, посланный мужем:

– Барыня, я за вами, барин послал, у Костиньки жар.

– Так, а я что, доктор? – возмущается отвлеченная от процесса дама.

– Нет, но барин просил, чтобы вы домой к сыну шли.

– Скажи ему, идиоту, что я уйти никак не могу. Тоже выдумал, сейчас речь прокурора будет, а он – домой.

Бороться с “уголовными дамами” было совершенно бесполезно. Даже если процесс считался закрытым и вход на него был по билетам, они шли на все, лишь бы эти билеты раздобыть: сторожили ответственных за билеты у дверей дома, чуть ли не ночью проникали к ним в апартаменты... И в итоге попадали на вожделенное заседание, где, следя за хитросплетениями дела, вскрикивали, хлопали в ладоши и хлопались в обморок, превращая рутинное заседание в увлекательное шоу.

В ПОГОНЕ ЗА ЗВОНКОЙ МОНЕТОЙ

С умом и без денег тепло

Сотню лет назад с наступлением летних дней петербуржцы стремились покинуть “гранитный мешок” Петербурга и перебирались на дачи. Квартиры, которые они снимали в доходных домах, многие из них за собой не оставляли – платить и за дачу, и за городские апартаменты было накладно. Естественно, как только приближалась осень, петербуржцы начинали искать себе квартиру. И вот осенью 1898 года многие горожане столкнулись с большой проблемой – за лето квартиры так взлетели в цене, что вернуться в город не удалось. Пришлось остаться на дачах. Загородные дома обогревались печами, которые нужно было чем-то топить. Но беда не ходит одна: спекулянты-дровяники вздули цены на свой товар, и сжигать в печи такое количество денег для многих было просто невыносимо. Один из таких бедолаг-дачников, измученный тяжкими раздумьями о холодной зиме и дровах, которых купить нет никакой возможности, нашел тем не менее отличный выход из положения.

Дом, в котором жил летом Федор Коромыслов, стоял совсем рядом с железной дорогой. Неудобно, конечно, шумно и дымно, зато и цена была невелика, для его и без того тощего кармана более чем подходящая. Как-то в очередной раз задумавшись о наступающей зиме, глядел он из окна на проходящий мимо паровоз. И тут дачника осенила роскошная идея. Быстро собравшись, он отправился в ближайшее депо. Там он созвал всех кочегаров и торжественно объявил о том, что специально для них организует конкурс: на своем заборе, который идет вдоль железнодорожного полотна, он ставит пустую бутылку, а кочегары, проезжая на полном ходу мимо его дачи, должны куском угля в бутылку попасть и ее разбить. Тому, кто сможет поразить цель, Коромыслов обещал выдать три рубля. Приз был более чем знатный, да и развлечение обещало быть презабавным, кочегары азартно взялись за дело, и началось...

Ежедневно с утра до вечера, в течение полутора месяцев забор подвергался ожесточенной угольной бомбардировке. Но поезда шли быстро, метких стрелков среди кочегаров было маловато, к тому же бутылка оказалось на редкость крепкой: от попадавших в нее кусков злодейка только падала, а биться никак не желала. Между тем хитрец-дачник каждый день брал мешок и ходил вдоль забора, собирая разбросанный уголь. Набрав даже больше, чем было нужно, чтобы легко пережить самую лютую зиму, Коромыслов вновь отправился в депо и с горечью и сожалением заявил, что соревнование окончено. “Увы, – сказал он, – среди вас не нашлось победителя, но не стоит печалиться, следующей осенью будет новое соревнование, и может, тогда кому-нибудь повезет”. И ушел, так и не заплатив ни копейки за то, что кочегары обеспечили ему тепло и уют на всю зиму.

Горе-изобретатели

Около ста лет назад в Кронштадте проживал некий мещанин Артемий Оголишин. Будучи поваром по профессии, он сумел довести свое мастерство до весьма приличного уровня и завоевать популярность в родном городе. Со временем ему, как человеку творческому, стало тесно на острове, и он тогда принял решение отправиться на “большую землю”, а именно в Петербург.

Понимая, что “голыми руками столицу не возьмешь”, ее требуется чем-то удивить, Оголишин изобрел машину для выпекания блинов. Созданный им агрегат представлял собой закрытый ящик с небольшой печкой. Когда печь накалялась, следовало наполнить маслом специальную коробку, затем влить заранее приготовленную опару в аппарат и постоянно вертеть находящееся сбоку колесо-маховик. Спустя некоторое время блины какого угодно размера начинали ползти из аппарата. Такой способ блинопечения отличался большой экономичностью и в десять раз ускорял сам процесс приготовления. Стоя многие годы у плиты, изготовив вручную не одну тысячу блинов, повар-изобретатель на собственном опыте знал, насколько это утомительное и однообразное занятие, и поэтому был полностью уверен в успехе своего нововведения. К тому же, дело шло к Масленице. Однако в Питере, куда бы он ни обращался, во всех гостиницах, ресторанах и трактирах, ссылаясь

на вековые традиции приготовления блинов, его изобретение встречали отказом. “Русского человека блином не обманешь”, – отвечали ему повсюду.

Напрасно Оголишин убеждал, что “машинный блин гораздо лучше грязной ручной стряпни”, – все было тщетно. Отчаявшемуся “блинному изобретателю” оставалось только по русской же традиции “запить горькую”, поскольку, помимо прочих неприятностей, он потратил на создание аппарата и текущие расходы почти все свои сбережения.

И неизвестно, чем бы для него все закончилось, если бы в город не приехал один иностранец, который раз в несколько лет навещался в Россию, где “за гроши” приобретал всевозможные изобретения у неудачливых создателей. Свои поиски иностранец вел по основным пристанищам неудачников, то есть по пивным и кабакам. Там-то он и обнаружил Оголишина, который, правда не без горечи, продал ему свое детище, недоумевая, зачем “благодетелю” понадобился “блинный аппарат”, поскольку непонятно, где еще, кроме России, потребляют блины в таком количестве.

Но иностранец, похоже, был готов скупать все подряд, и спустя пару дней Оголишин привел к нему одного своего знакомого, “товарища по несчастью”, который умудрился придумать снаряд, усиливший звуки пушечных выстрелов. Изначально это изобретение предназначалось для пушки Петропавловской крепости, дабы полуденный выстрел был слышен не только в самом городе, но и в Шувалове, Сестрорецке, Тосне, Красном Селе, а может быть, даже и в Кронштадте. Но городские власти не приняли новаторства, справедливо опасаясь за стекла домов в центре города и барабанные перепонки их обитателей. Ушлый иностранец прикупил и этот проект, объяснив, что любое изобретение при правильном подходе всегда принесет пользу и доход.

Цирюльник-хирург

Около ста лет назад в одной из столичных парикмахерских произошел довольно забавный для окружающих, но не для самого пострадавшего случай.

Во время бритья молодому купцу Баженову, готовившемуся ехать на собственное венчание, нечаянно отмахнули бритвой кусочек носа. Ранение было ничтожное и не вызвало даже большой боли, но после

“операции” жених стал выглядеть настолько курьезно, что незамедлительно превратился в мишень для всевозможных шуток со стороны знакомых. Кончиком носа потери не ограничились. Самое ужасное, что “вероломная” невеста подняла на смех “курносого” жениха и решительно отказалась выйти за него замуж. Вместе с невестой, разумеется, исчезло и ее приданое в 10 тысяч рублей. На следующий день Баженов прибежал к владельцу парикмахерской требовать компенсации за причиненное “неизгладимое” увечье, из-за которого он лишился возможности выгодно жениться. Но там ему ответили, что он сам виноват, поскольку находился под хмельком и вертелся во время бритья во все стороны. Ничего не добившись от своих “палачей”, экс-жених подал в суд на их заведение, предъявив иск на 9500 рублей, а в качестве вещественных доказательств приложил две свои фотографии, на которых был изображен до и после “экзекуции”, присовокупив для убедительности многострадальный кусочек носа. Этот редкий для юридической практики случай был разрешен в пользу пострадавшего. Но по суду ему полагалась лишь половина требуемой суммы, так как, исходя из свидетельских показаний, Баженов все же находился в некотором подпитии, чем затруднял работу мастера. Хозяин парикмахерской выплатил коммерсанту деньги, а долг записал на счет того самого парикмахера, имевшего неосторожность “влипнуть в историю”. Последний, впрочем, нашел оригинальный способ расплатиться. Он отправился в Красное Село, где постоянно проводились военные учения, и пристроился там каждое утро брить офицеров и воспитанников. Те прозвали цирюльника “рекордистом”, поскольку ему удавалось затрачивать на одного человека не больше трех минут. Все были довольны работой “фигаро”, поэтому зарабатывал он не меньше 12–15 рублей в день, что дало ему возможность довольно быстро развязаться с долгом. Но после этого он не захотел возвращаться в столицу, поскольку его устраивали более дисциплинированные и щедрые клиенты в форме.

Бродячий дантист

Тем, кто сейчас умирает от страха в кресле стоматолога, стоит узнать, что на самом деле они счастливики – тут вам и укол, и наркоз, и стерильные инструменты... Петербуржцам в начале прошлого века борьба с зубной болью доставляла куда как больше “удовольствий”.

Сто лет назад обитатели домов-колодцев на Васильевском были крайне озадачены появлением одного субъекта, который ходил по дворам и за грошовое вознаграждение предлагал услуги дантиста. С виду человек был похож на точильщика ножей или лудильщика. Он точно так же носил сумочку с инструментами, но вот только вместо всем привычного “кому паять, чинить, кастрюльки лудить” призывно кричал под окнами “кому зубы лечить, рвать, новые вставлять”.

Поначалу василеостровцы удивлялись, и никто не хотел рисковать здоровьем. Но только зубная боль – такая штука, что на определенном этапе, “дойдя до кондиции”, человек готов пойти на любые жертвы, лишь бы поскорей от нее избавиться. Именно таким образом клиентура у бродячего дантиста росла вместе с известностью. Брал он недорого, лечил прямо на дому у клиента, к тому же отличался неординарностью подходов и находчивостью в процессе лечения.

Как-то пришел бродячий дантист в один двор. Там его пригласили осмотреть посыльного, который жил во многонаселенной квартире. Посреди комнаты угрюмо, с поджатыми ногами на табурете сидел человек с перевязанной полотенцем челюстью.

– Э, любезнейший, да у вас тут такое дупло, что сову можно поселить, – заявил “доктор” после осмотра, – но можно и пломбу поставить. Есть пломбы восковые, а есть резиновые. Резиновые покрепче будут.

После недолгих торгов сошлись на 20 копейках за резиновую пломбу. Тогда дантист раскрыл чемоданчик со всевозможными баночками, скляночками и инструментами и извлек оттуда старую резиновую калошу. Отрезал от нее кусочек и начал плавить в жестяной банке над свечкой. Затем вставил между челюстями больного винную пробку – чтобы, чего доброго, рот не закрыл – и стал заделывать дырку в зубе расплавленной резиной. Мужчина тарасил от боли глаза, но терпел. Вокруг уже собрались любопытные соседи, радостно отпуская различные комментарии типа “смотри, чтобы он глотку тебе резиной не залил” или “на шинах будете теперь ши-то хлебать”. По окончании работы дантист велел пациенту сесть к открытой форточке, не закрывая рта, чтобы резиновая пломба быстрее остыла.

В это время в комнате появилась пожилая дама в ситцевом платье и рваном фартуке. Она также страдала зубом. Но тут уже предстояла операция по удалению такового. По многозначительному определению “доктора”, “зуб-шельмец сидит слишком крепко, и потому тащить его нужно клещами номер 16”. Для устойчивости

процесса удаления дантист велел “тетеньке” сесть на стул, а ногами обвить ножки стола. Сам же зубных дел мастер уперся в другой край стола и принялся тащить зуб. От боли и неожиданности больная дернулась так, что слетела со стула, ударилась головой о подоконник, при этом потянула за собой и стол и дантиста. Хозяин комнаты, который с открытым ртом продолжал сушить пломбу под форточкой, возмущенно мычал, дескать, “мерзавцы, чуть подоконник не сломали”. Между тем упорный дантист не отступал.

– Тетенька, сядьте на пол – с пола падать некуда, – сказал он пациентке.

Из чемоданчика были извлечены клещи номер 17, и дантист, взяв их в правую руку, ухватился за больной зуб. В другой руке у “врача” неожиданно оказалась опасная бритва. Приставив ее к горлу несчастной, “доктор” что есть мочи закричал:

– Угу-гу, сейчас зарезу!

Та испугалась, резко рванулась в сторону, и зуб был легко удален. Под бурные аплодисменты “дантист” собрал инструмент и, получив гонорар, удалился. Этот случай лишь прибавил ему авторитета и популярности. Однако всеобщая эйфория длилась недолго. Вскоре выяснилось, что, увлекшись, дантист выдрал вместо больного абсолютно здоровый зуб.

В этот двор он больше не заходил, а спустя некоторое время и вовсе вынужден был перебраться на Охту, куда слава о нем еще не докатилась.

От санитара до официанта один шаг

Сто лет назад в Петербурге на Вознесенском проспекте находился один уникальный в своем роде ресторан. Он славился отсутствием драк, скандалов или дебошей, которые обычно устраивала разгуливающая публика.

Дело в том, что весь обслуживающий персонал этого ресторана, от повара до гардеробщика, при приеме на работу проходил обязательный экзамен “на вынос пьяного”. Хозяин заведения Порфирий Филимонович лично устраивал проверку желающим у него “послужить”, которую проходили далеко не все. Но если уж выпадало счастье получить у него работу, то платил хозяин щедро и относился с уважением. Испытание заключалось в том, что обладавший

недужной силой и весьма внушительной фигурой Порфирий Филимонович не без удовольствия начинал ходить колесом по всей ресторации, сшибать мебель и для пущей убедительности выкрикивать, что он в свое время и на медведя ходил. Задачей экзаменуемого было не испугаться и попытаться утихомирить разбуянившегося работодателя. Немногим молодцам удавалось унести ноги без особых увечий, а уж тем более справиться с “дебоширом”.

Однажды в поисках места официанта попал на такую экзаменку один юноша “щуплого студенческого вида”. На него и время-то Филимоныч поначалу тратить не хотел, но тот настоял. Посмотрел внимательно новобранец, как хозяин “безобразничает”, снял очки и на глазах у присутствующих за считанные секунды стянул с себя сюртук, продернул сквозь рукава шарф, выскочил навстречу Филимонычу и коротким мастерским ударом съездил ему по уху. А пока тот стоял, оглушенный и опешивший от неожиданности, стремительно натянул сюртук ему задом наперед и ловко примотал шарфом руки к туловищу. Затем, поразмыслив мгновение, “студент” также быстро свернул из двух салфеток кляп и, не церемонясь, затолкал его в рот несчастному экзаменатору. После таких потрясений Порфирию Филимоновичу пару дней пришлось провести в постели, так как на поверку у него каким-то образом оказались сломаны два ребра. На “Аркашку-студента” обижаться не стал и работать к себе взял, а прежде выяснил, откуда тот “такой шустрый выискался”. Оказалось, что несколько лет до этого Аркадий Рыбин проработал санитаром в доме для умалишенных и вынужден был там справляться с более серьезными противниками, нежели Порфирий Филимонович.

Помойный прииск

Сотню лет назад тех, кому “выпадало счастье” приезжать в Петербург по Финляндской железной дороге, северная столица встречала весьма неприятным образом. Невероятное зловоние распространялось на подъездах к городу, а источала его крупнейшая мусорная свалка под названием Куликово поле.

Отходы сюда свозили со всего города, и с годами свалка только разрасталась. Помимо помоев, строительного и прочего мусора, каждую зиму тысячи лошадей привозили на Куликово поле собранный

на улицах снег, и к концу зимы на свалке вырастали настоящие снежные “монбланы” до 11 метров высотой. Разумеется, как только весной начинало пригревать солнце, снежные горы неизбежно таяли. Потоки талой воды размывали помои, и зловонные ручьи неслись в окрестные проулки. Долгое время не представляли, как решить эту проблему, пока не нашелся один коммерсант, который пообещал спасти округу от смрадных потоков. Взамен он попросил сдать ему Куликово поле в аренду. Городские власти, подумав, согласились.

С окончанием холодов предприимчивый Федор Савельич взялся за дело и... прежде всего приказал накрыть все снежные кучи навозом. Способ оказался на удивление действенным, снег лишь немного подтаивал, а кучи оставались в целости практически весь год, до новых заморозков. Правда, запах над помойкой теперь стоял еще более “насыщенный”, но тут уже выбирать не приходилось. Между тем предприниматель, решив снежную проблему, взялся активно осваивать доставшийся ему мусорный прииск. Он нанял около сотни работников, которые собирали на поле “всевозможнейшую дрянь”: тряпки, кости, железо, стеклянный бой. Все это сортировалось, приводилось в товарный вид и отправлялось на продажу. Дела шли в гору, а хозяин свалки придумывал все новые способы превращения мусора в звонкую монету.

Видя, что делец имеет немалый навар с “куликовых сокровищ”, Городская дума решила, что с удачливого предпринимателя следует затребовать изрядную контрибуцию за использование “городского добра”. Федор Савельевич на удивление быстро согласился и деньги уплатил в срок.

Как выяснилось позже, он как раз нашел новый способ извлечения доходов со свалки. Лежавшие годами на Куликовом поле помои естественным образом перепревали, и из них получались залежи огромных пластов отличного перегноя. Вот на это “богатство” и нашелся покупатель – некий англичанин, который возами покупал “чернозем” и частью отправлял его со свалки к себе на огороды и в сад, а частью перепродавал. Понятно, что затребованная городскими властями контрибуция была для Федора Савельича попросту смехотворна. Куликово поле давало невероятную прибыль, и из средней руки коммерсанта он стремительно превращался в первостатейного богача. Правда, попадая в общество, он всячески старался скрыть “помойную суть” своего состояния.

Климат — на скамью подсудимых

В конце прошлого века в Петербурге была целая компания промышленников, кормившихся за счет... невского льда. Товар этот, по нынешним временам необычный, тогда имел большой спрос. Каждую зиму предприниматели заключали с городской управой контракт, согласно которому им давалось право “эксплуатировать” лед на некоторых участках Невы и ее притоков.

Как только наступали морозы и лед приобретал известные толщину и крепость, наемные рабочие выходили на Неву и начинали вырубать полыньи. Изъятый лед в силу своей отнюдь не кристальной чистоты считался товаром дешевым, и его сбывали в рестораны, погреба, дома с ледниками – туда, где от него требовались лишь его морозильные качества.

В образовавшихся полыньях между тем начинали создавать так называемый выростковый лед. Для этого полыньи расчищали и терпеливо ждали, когда нарастет новый лед, чистый как слеза. Его уже куда по более высокой цене продавали аптекам и больницам. Всю зиму не покладая рук работали ледорубы на Неве, а коммерсанты получали немалые барыши. С наступлением весны предприятие сворачивалось до следующего сезона...

Вот и зимой 1898 года “ледяные коммерсанты” уже наняли бригады ледорубов, заключили контракт с управой и стали ждать дня, когда можно будет начать работы. Однако зима в том году выдалась на редкость слякотной, и едва ли не весь декабрь прошел в томительном ожидании. Наконец лед стал, полыньи были прорублены, первые партии “нечистого” льда нашли своих покупателей. Морозец крепчал, и промышленники с радостью наблюдали, как прирастает их “чистое” богатство. Но петербургская погода и сто лет назад была дамой крайне капризной. Совершенно неожиданно она испортилась, подул сильный ветер, и в довершение всех бед посреди зимы вдруг началось наводнение.

Промышлявшие льдом умельцы схватились за голову, когда увидели последствия природных катаклизмов. Мало того, что едва начавший созреть чистый лед стихия беспощадно разметала в пыль. Это еще можно было бы пережить – новый морозец схватит, и все снова вырастет. Так ведь наводнение и ветер еще передвинули их участки за оговоренные в контракте границы аренды – туда, где работать ледяным предпринимателям дозволено не было. В отчаянии,

что их деньги в буквальном смысле уплыли из рук, промышленники бросились в управу и потребовали вернуть им деньги, которые они уплатили за аренду. Но получили отказ. Когда же коммерсанты начали возмущаться произволом и несправедливостью, какой-то из важных чинов посоветовал им подать в суд. Приободренные промышленники уже бросились было выполнять совет, но призадумались: а на кого жаловаться? Их советчик на такой вопрос сделал весьма удивленный вид и ответил:

– Как на кого? Разумеется, на петербургскую погоду, она во всем виновата – с нее и спрос.

Чудо техники по-нашенски

Как-то раз в начале XX века один петербургский владелец бань обнаружил, что посещаемость его заведения, а вместе с ней и доходы от предприятия заметно упали. Спустя некоторое время выяснилось, что где-то у Нарвских ворот в банях конкуренты установили аппарат, автоматически выдающий публике веники. После ночи тяжких раздумий о том, как бы заткнуть нарвских банщиков за пояс, он придумал соорудить машину, которая продавала бы посетителям мыло, да еще и двух сортов: за 3 копейки – кусок обыкновенного мыла, а за 5 копеек – яичного. “Сей самый аппарат должен собирать множество народа, и мои бани заторгуют на славу!” – радовался Степан Матвеевич. К тому же, изобретение, по его расчетам, не оставляло хозяина внакладе. Сам агрегат было решено сделать из старого одежного шкафа с проделанными в задней стенке отверстиями для опускания монет и выбрасывания мыла. Поскольку “внутренней механизмы” изобретатель не придумал, то пришлось обойтись хитростью, а именно посадить внутрь своего человека, парильщика Егора. За обещание, что никто не будет знать, что в автомате кто-то сидит, хозяин предложил парильщику еще и “легкий доходец” от этого дела:

– Нет-нет – да и не давай куска мыла, словно бы что в механизме застряло, глядишь, вторую монету опустят. Но только не переусердствуй, а то обозлишь публику, она и аппарат сокрушит, и тебе ребра поломает.

На следующий день аппарат поставили под воротами около общей кассы с надписями на отверстиях и пояснениями.

– Вот так новости, – заговорили местные обыватели, – у Нарвских ворот веники автоматически выдают, а тут мыло. Скоро машинной мыть и прить додумаются.

Первым покупателем мыла у агрегата был мастеровой, который, опустив монетку в шелку для трех копеек, “неожиданно” получил от Егора кусок простого мыла.

– Ловко, – восхитился парень, стараясь заглянуть в отверстие. Но тут его оттолкнул от автомата приятель и бросил пятак. “Надо нажать чего-нибудь, пока дело на мази”, – решил парильщик и мыла давать не стал.

– Застряло, – констатировали окружающие. – А ты попробуй вдарь слегка по стенке.

Безрезультатно поколотив шкаф, парень сунул палец в отверстие, откуда должно было появиться мыло. Егор не растерялся, поплевал на мыльный кусок и провел по пальцу. Все решили, что мыло просто застряло на выходе.

– Гвоздем бы, – посоветовали сочувствовавшие. Гвоздя под рукой не оказалось, но нашли небольшую веревочку, которой, сделав петлю, страдалец попытался подцепить причитающийся товар. Егор, чтобы “затуманить” историю, на всякий случай втянул веревочку в автомат. Со словами “Тьфу, нечистая!” парень отпрянул и куда-то убежал. Охотников автоматически купить мыло не убавилось, и каждый норовил как-нибудь обмануть аппарат. Одна мадам, бросив копейку и, естественно, ничего не получив, заколотила по агрегату: “Копейку хоша отдай!” – “Брысь!” – сказал автомат. Народ, конечно, глаза вытаращил и ушам своим не верил. Но продолжал толпиться. Какой-то мальчишка сунул три копейки в отверстие для пятикопеечных монет и, к своему удивлению, получил плитку простого мыла. “Здорово, приказчика овощной лавки быстрее надуешь!” – восхитились вокруг.

Неожиданно вернулся парень “с веревочкой”, раздобыв где-то длинную и узкую стамеску, и начал тыкать ею в отверстие. Шкаф мал, от стамески никуда не спрячешься, пришлось “механизме” выдать клиенту законный кусок мыла. “Здорово! – задышала толпа. – Давай еще!” “Затыканный” Егор, думая нейтрализовать дальнейшее ковыряние инструментом, выбросил и второй кусок мыла. Но публику уже было не остановить. “Еще!” – требовали любители помыть-ся. “В брюхо, идолы!” – завопило содержимое автомата и ухватилось за стамеску. “Вот так механизма! Тычь его, тычь!” – раздалось

в ответ. Завязалась борьба. Шкаф-автомат, издавая ругательства, танцевал на месте, а счастливая галдящая публика раскачивала его еще сильнее. К счастью для Егора, из кассы на шум выскочил артельщик, которому с большим трудом удалось всех отогнать и извлечь наконец из шкафа истерзанного парильщика.

– Замучили, не могу больше. Жилет стамеской ободрали, руки изрезали, головой о стены настучался, – чуть ли не прорыдал он и наотрез отказался далее исполнять почетную роль “механизма”.

Аппарат, конечно, убрали, а при входе повесили большую надпись: “За порчей механизма автомата больше нет”. Но еще на протяжении нескольких месяцев в эти бани люди приходили не только попариться, но и справиться о здоровье агрегата, в надежде, что тот все-таки решится заступить на трудовую вахту.

Алмазы из грязи

Мечта разбогатеть одним махом, вероятно, всегда жила в русском характере. Идея эта толкала людей на самые невероятные изобретения. Сто лет назад в петербургских газетах появилось объявление: “Сделаю алмаз стоимостью в десять миллионов рублей, обращаться к Тимофею Эфиопову”. Дотошный журналист “Петербургского листка”, прочитав это сообщение у себя в газете, решил узнать, что же это за человек такой, который бриллианты мастерит.

Господин Эфиопов, как выяснилось, жил на Охте. В конце грязной улочки, выходявшей в поле, стоял его полуразвалившийся домик. Походивший более всего на гоголевского Плюшкина хозяин встретил гостя, провел в заваленную всевозможными колбами и пробирками лабораторию, где и посвятил журналиста в свое великое изобретение.

– Алмаз, любезнейший мой, – начал рассказ Эфиопов, – есть не что иное, как кристалл угля. Потому если взять уголь, растолочь его, а затем расплавить, то должен получиться чистойшей воды алмаз каких угодно размеров. Единственное препятствие тому – не придумали люди еще настолько сильного источника энергии, чтобы уголь плавить, а я его нашел.

С этими словами изобретатель вывел гостя во двор, где стояла бочка, а в нее был воткнут длинный металлический стержень.

– Молния поможет мне разбогатеть, – радостно поделился умелец. – Ударит по громоотводу, и ток пойдет вниз в землю, но по дороге встретит засыпанный в бочку уголь. Получится то же самое, что делает молния с песком, плавя его и превращая в стекло. Так что теперь осталось ждать хорошей грозы и молиться, чтобы молния попала туда, куда надо.

Зимой, понятное дело, в Петербурге гроз не бывает, и журналист забыл о своей встрече. Вспомнил только по весне, когда услышал за окном первый гром. Приехал через неделю на Охту но, увы, в доме Эфиопова царило запустение, а самого хозяина и след простыл. Позже соседи рассказали, что умелец так обрадовался, когда увидел разыгравшуюся наконец-то над Петербургом грозу, что выскочил из дома. Тут-то вместо громоотвода молния в него и ударила. Хоронили беднягу за казенный счет, разбогатеть он так и не успел.

Агентская лихорадка

Сто лет назад с неким купцом из Гостиного двора Ветлугиным произошла история, над которой еще долго потешались гостинодворцы, пересказывая ее как анекдотичный случай. В Питере был разгар лета, но вовсе не разгар торговли. Часть потенциальных покупателей отдыхала на дачах, часть трудилась в конторах, и ветлугинский магазин тканей безнадежно пустовал. Хозяин, облокотившись на прилавок, тихо вздыхал: “Эх, скрылся покупатель”.

Но тут неожиданно отворилась дверь, и Ветлугин, желая сделать “хоть какой-нибудь почин”, полетел навстречу посетителю. Вошедший представился агентом типографии Абрама Клугеркоппа и со скоростью хорошей пишущей машинки затараторил, что имеет честь предложить визитные карточки от сорока копеек за сотню, счета от двух рублей за тысячу, адресные карточки за полтора рубля и прочее и прочее. Раздосадованный отсутствием клиентов и настырностью агента, хозяин магазина крикнул посыльного Митьку, чтобы тот выпроводил “этого” за дверь. Сам же посетовал: “Эх, сколько таких господ шляется. Оно понятно – все есть хотят, но приходи ты, когда дела идут”.

Ход его размышлений прервал новый посетитель, который, не здороваясь, с порога спросил:

– Драп у вас хороший?

– Лучших фабрик! Вам на пальто? – оживился купец.

– А сукно у вас прочное? Ну а дамские материи тоже имеются? – Получив утвердительный ответ, он вдруг продолжил: – Видите ли, в наш век главным двигателем дела является реклама.

– А вы, собственно, кто? – подозрительно прищурился Ветлугин.

– Я агент по сбору объявлений для “Путеводителя по ночному Петербургу”...

– Все, адье. Митька, выводи! – рявкнул хозяин магазина.

Слегка помятый агент уже на лету продолжал выкрикивать:

– Тираж двадцать тысяч экземпляров! Из них каждому объявителю даром пять тысяч.

После началось какое-то паломничество. Заходил странный армянин и спросил всего “десять” рублей за услуги, суть которых была не совсем ясна, за что был выведен Митькой “под загорелые ручки”. Буквально следом пришел горбоносый и худой человек, который, положив на прилавок портфель и сняв с носа очки, прищурился и зловеще спросил:

– А дорога ли вам ваша жизнь?

– Это угроза? – ответил, распрямив плечи, хозяин.

– Хотите после смерти обеспечить свое семейство? – продолжал гнуть свое пришелец.

– Мерси, оно мной обеспечено.

– Хотите жить на старости лет в довольствии? А сломав себе ногу или шею, получать вознаграждение?

– Митька, двери!!! – заорал купец.

– Можно и Митьку застраховать, и стеклянные двери тоже, – ничуть не смутился агент.

– Уйдите лучше подобру, честное слово, я за себя не ручаюсь, – распаялся Ветлугин.

– Тем более надо застраховаться, судите сами... – но договорить агент не успел, пришлось испариться, а то больно красноречиво хозяин принялся засучивать рукава.

Апофеоз наступил, когда многострадальный Ветлугин, тяжело сопя и вздыхая от пережитого, направился к выходу позавтракать в трактире. И в самых дверях столкнулся с посетителем, который на осторожный вопрос: “Вы кто?” – начал было отвечать: “Я – а...” Но закончить не успел, поскольку вместе со всеми покупками

вылетел на мостовую. Разъяренный купчина, потирая руки, перешагнул через него со словами: “Эти агенты кого хочешь до греха доведут” – и спокойно отправился завтракать.

За трапезой его нашли стражи порядка и препроводили в участок для составления протокола. Там, к своему ужасу, Ветлугин узнал, что господин, которого он так безрассудно выкинул из магазина, оказался немецким подданным, прибывшим в Петербург по дипломатической линии. Не взяв никого в компаньоны, он решил пройтись по магазинам. По-русски иностранец говорил очень плохо и на вопрос купца на деле ответил по-немецки “ja”, то есть “да”...

Во избежание международного скандала купцу пришлось долго и мучительно извиняться, клясться в любви к Германии и выплатить изрядную сумму штрафа. Униженный, он вернулся в магазин. Но вскоре обнаружил, что ни один агент его более не тревожит. Как оказалось, по Гостиному двору пошел слухок, что купец просто зверь и агентов бьет смертным боем. Дальше – больше, и на дверях некоторых лавок, чьим хозяевам тоже надоели подобные визитеры, появились таблички: “Мы работаем по-ветлугински”, что означало: “Агентам под страхом членовредительства вход воспрещен!”

Чехарда на буксирах

Как-то раз, сто лет назад, в самый разгар навигации на Неве, с капитаном Лаврентьевым и его командой произошел случай, из-за которого над ними еще долго потешались коллеги на реке. В тот день буксирный пароход “Гейша”, которым командовал Лаврентьев, привел из-под Шлиссельбурга барку с хлебом и, возвращаясь к своей постоянной бирже у Охты, вдруг сел на мель. Помочь “Гейше” было, как назло, некому, а самостоятельно слезть с “банки” не представлялось возможным. На судне поднялась возня и шум, а над водной гладью разносилась соответствующая случаю лексика. Желающих оказать содействие от этого не прибавилось, и судовой команде пришлось крепко призадуматься, что в таком положении можно предпринять. Ничего, кроме как всем переправиться на берег и оттуда на канате вручную попробовать снять буксир, в голову не приходило. Если не считать гениальной идеи рулевого нанять тройку яликов и впрячь ее в “Гейшу”. Но, за отсутствием таковых, от этой мысли пришлось отказаться. На счастье, вдалеке

появился другой буксирный пароход “Меркурий”, с которого, слышав тревожные гудки “Гейши”, в рупор раздался “сочувственный” совет: “Как угодили, так и сымайтесь!” А на просьбу “будьте людьми, подсобите” сухо, но громко констатировали: “Четвертной билет!” С полчаса капитаны пароходов издали препирались на предмет истинной стоимости подобной услуги. Но “Меркурий” был непреклонен и не уступил ни гроша.

– Чтоб вас задавило! – выдохнул рупор “Гейши”. – Сымайте!

Когда “Меркурий” подплыл, страдальцы перекинули ему на палубу шапку с вложенным четвертным, а взамен получили спасительный канат. Апофеозом этой истории было то, что, сняв судно Лаврентьева с мели, “Меркурий”, к явному удовольствию “Гейши”, присел на ее место. И на этот раз цена за спасение возросла до “ста рубликов-с”. Спустя несколько часов, довольный неожиданно полученной прибылью, Лаврентьев вел свое судно по Финскому заливу. И надо же такому случиться, “Гейша” опять налетела на “банку”. На этот раз пришлось подавать более интенсивные сигналы бедствия. Два спасательных парохода прибыли на удивление быстро, но, приблизившись, помощь подавать не спешили, а их капитаны затеяли долгий спор. В Петербурге тогда существовало два общества по оказанию помощи судам, потерпевшим крушение. Трудились они в условиях жесткой конкуренции, вырывая друг у друга “клиентов”.

Сначала спор шел о том, кто же первым прибыл на место происшествия, а затем обратились к Лаврентьеву, кому и за какую сумму он позволит себя спасти. В Маркизовой луже расценки по снятию с мели оказались гораздо выше, чем на Неве. У “Гейши” не было таких средств, и пришлось бы им туго, если бы из-за начавшегося ветра вода немного не поднялась. Многострадальному буксиру удалось выбраться из ловушки самостоятельно и благополучно удрать от навязчивой “эскадры” спасателей, пытавшейся получить компенсацию хотя бы за ложный вызов.

ГОРОЖАНЕ НАШИ МЕНЬШИЕ

Столица крысиной империи

Сто лет назад проживал в Петербурге один весьма известный и уважаемый человек, Зиновий Петрович Олешкевич, крысолов по профессии. Клиенты его боготворили, поскольку ему с виртуозной быстротой и ловкостью удавалось избавлять их от малоприятного соседства. На крысиную охоту Зиновий Петрович ходил не один, а в дружной компании со специально выдрессированной собачкой и большим сибирским котом. За многие годы эта команда настолько сработалась, что совместными усилиями им даже удалось сколотить Олешкевичу небольшой капиталец. Ведя самым тщательным образом учет уничтоженных грызунов, крысолов подытожил, что за время своей “убойной” деятельности он истребил 50 тысяч вредителей и сдал скорнякам около 40 тысяч их шкурок. И так бы и продолжал Зиновий Петрович улучшать санитарную обстановку в городе, а заодно и благосостояние своего кармана, если бы не случай, заставивший его навсегда забросить это занятие.

Как-то раз городские власти обратились к нему с просьбой “навести порядок” в большой сточной трубе, проходившей по середине Невского проспекта. Свое начало труба брала возле здания Городской думы и тянулась вплоть до Фонтанки. Рабочие, которые занимались чисткой этой трубы, с некоторых пор категорически отказывались туда спускаться. По их словам, все подземелье кишело крысами колоссальных размеров, величиной с откормленного кота каждая. И “серая нечисть” не только не убегала от людей, а вела себя крайне агрессивно, нападая и кусая за ноги нарушителей своего спокойствия. Знаменитый крысолов с интересом взялся разобраться с этим явлением, тем более, что его верные четвероногие напарники при виде входа в трубу подозрительно ощетинились и дали понять, что в предстоящей операции участвовать не намерены.

В одиночестве Зиновий Петрович спустился в подземелье и, пройдя пару метров, столкнулся с чем-то невероятным. Несколько десятков огромных грызунов выстроились в каре, блокировав весь

проход. Будучи одетым в специальные защитные сапоги и вооружившись длинным ножом, крысолов смело перешел в наступление. Крысиные бойцы стояли насмерть и не собирались разбежаться. По их поведению можно было понять, что они организованно защищают что-то, находящееся в самой глубине трубы. Наконец Зиновий Петрович прорвался через кордон и остановился в полном замешательстве. Перед ним, в плотном окружении серых слуг, неподвижно сидела гигантская белоснежная крыса. Пораженный этой “величественной картиной”, крысолов не стал ничего предпринимать, чтобы убить красавицу, и дал ей и ее свите спокойно удалиться, понимая, что оказался в центре крысиной империи и повстречался с самой настоящей крысиной королевой.

После этого случая крысы из кирпичной трубы исчезли; видимо, “ее величество” решило сменить резиденцию. Ну а Зиновий Петрович после увиденного не мог более заниматься уничтожением крысиного народа. Правда, “бизнес семьи” все же передал зятю, расценив, что в любом случае глупо терять 700 рублей годового дохода.

Бодался теленок со львом

Как-то раз, сто лет назад, впервые на гастроли в Петербург вместе со своим зверинцем приехал один дрессировщик. Он рассчитывал на долгие и успешные гастроли, однако после первого же выступления пришлось ему спешно ретироваться из столицы.

Среди прочих зверей был у него лев – главная звезда. Хищник был ученый, но уже в годах, потому многие трюки выполнял с трудом. Дрессировщик долго размышлял, чем бы завлечь искушенную столичную публику, и наконец придумал использовать саму хищную природу животного. По всему городу были расклеены афиши, которые обещали сенсационное зрелище: “Впервые публично знаменитый лев по имени Король полакомится живой плотью”. Дрессировщик сам съездил на один из петербургских рынков и присмотрел будущий “обед” своего питомца – упитанного теленка, точнее телочку. Льву для верности на несколько дней был урезан рацион.

Наконец началось представление, зал, разумеется, был забит до отказа любителями острых ощущений. Дрессировщик вышел на арену, проделал со львом несколько трюков, а после раздалась барабанная дробь. Зрители затаили дыхание, и на арену к свирепому хищнику была запущена несчастная жертва. Лев и теленок сначала замерли, глядя друг на

друга, а после начали медленно сближаться. И тут “обед” набычившись ускорил шаг и принялся решительно наступать на льва. Царь зверей, издав жалобное мяуканье, поджал хвост и отбежал в дальнюю часть клетки, забившись в угол. У телочки между тем глаза налились кровью. Одурманенная своей победой, она подбежала и начала безжалостно наскокивать на окончательно испуганного льва, ударяя его своими маленькими, но весьма крепкими рожками. Публика визжала от восторга, радостно скандируя в поддержку разошедшейся телочки. Лев был уже изрядно помят, когда ошарашенный дрессировщик понял, что пора спасать питомца. Однако вошедшего в раж маленького агрессора было не оттащить, пока наконец не догадались отвлечь его буханкой свежего хлеба, смоченного в молоке. Теленок потянулся за лакомством, а бедного опозоренного леву под радостное улюлюканье публики увели со сцены.

Дела хищника были действительно плохи – за долгие года жизни при дрессировщице на нем и так живого места не было от жестоких методов дрессировки. На его счастье, в зале сидел один богатый любитель животных, содержавший в окрестностях Петербурга маленький зверинец. Сразу после представления он предложил дрессировщику продать льва, на что тот радостно согласился. Так что остаток дней царь зверей прожил в хороших условиях и без цирковых тревог. Самому же дрессировщику пришлось спешно покинуть столицу, поскольку на него ополчились все активисты защиты зверей, обвинившие его в издевательствах над животным, правда непонятно каким.

Цирковые страсти

Однажды, сто лет назад, в питерском цирке на Фонтанке во время вечернего представления произошел инцидент, который еще долго и с удовольствием смаковала столичная публика. На сцене благополучно разыгрывалась пантомима, как вдруг из-за кулис на середину арены выскочил взъерошенный человек в одном трико и наполовину стертом гриме. Несмотря на его эпатажный вид, зрители с восторгом узнали в нем знаменитого дрессировщика Анатолия Дурова. Решительно махнув оркестру рукой, чтобы тот не мешал игрой, Дуров обратился к публике с речью о том, что директор цирка, господин Чинизелли, бессовестно его эксплуатирует, не платит денег, и он, маститый артист, вынужден просить у публики заступничества. Последнее, действительно, было не лишним, так как несколько дюжих цирковых служащих попытались

уташить возмутителя спокойствия со сцены, но тот, ловко увернувшись, успел скрыться в барьерной ложе. В знак одобрения и сочувствия к Дурову зрители долго свистели и рукоплескали. Восстановить порядок и продолжить выступление удалось с большим трудом. Выходка эта дорого обошлась дрессировщику: разразился грандиозный скандал, его привлекли к суду по 39-й статье Уложения о наказаниях “за приостановку публичного зрелища”. Уже у мирового судьи Дуров, который сам лично строил свою защиту, объяснил причину случившегося.

Оказывается, по контракту, заключенному между Дуровым и Чинизелли, дрессировщик обязан был работать только в цирке на Фонтанке. Но перед Пасхой ему поступило предложение выступить со своими питомцами на вечере у господина Нобеля. Это было весьма кстати, поскольку звери находились на самообеспечении – сколько зарабатывают, столько и съедят. Средств не всегда хватало. Но прежде чем принять предложение, Дуров все же обратился к Чинизелли за разрешением выступить у Нобеля и, получив директорское согласие, на следующий день пришел в цирк за своими “шерстяными” артистами. К тому времени Чинизелли уже успел почему-то передумать и взял свои слова обратно. Дуров же был вынужден забрать зверей вопреки запрету и дать обещанное представление. За это Чинизелли приказал вычеркнуть дрессировщика из списка программы и отказался уплатить причитававшиеся тому деньги. Когда страсти немного улеглись, Дуров и Чинизелли попытались помириться. Они порвали старый контракт, договорившись о работе по вольному найму, что давало артисту некоторую свободу. Долг директор пообещал отдать, а еще посулил на дуровский юбилейный вечер преподнести от имени дирекции хороший подарок. На юбилейном вечере был полный аншлаг, “работал он за шестерых и сделал полный сбор”. В качестве подарка администрация преподнесла ему два ящика серебра. А после выступления в гримерную дрессировщика неожиданно зашла горничная Чинизелли и передала требование хозяина: вернуть подаренное. Это было слишком унижительно, к тому же деньги, которые задолжал цирк Дурову, так и не вернули. И он в чем был отправился искать за кулисами директора. Последний, видимо ожидая подобной реакции, на всякий случай запаса палкой и держал неподалеку молодцов, которые и заставили Дурова спастись бегством в зрительном зале.

Для великого дрессировщика история закончилась печально, судья принял во внимание аргументы, представленные линией обвинения, по которой Анатолий Дуров якобы умышленно, в рекламных

целях, затеял этот публичный скандал, недостойный представителя “интеллигентного класса”. Поэтому простого денежного штрафа, с точки зрения обвинителя, было недостаточно, и он требовал обязательного ареста ответчика. И нужно отдать ему должное — вытребовал. Дворянину Анатолию Дурову присудили четыре дня ареста. Только больше всех от этого пострадали его любимые животные, которыми во время отсутствия хозяина мало кто занимался. А когда Дурова выводили из зала суда, то он утрированно артистично выкрикивал то ли своим питомцам, то ли еще кому-то: “Ах, бедные мои свиньи, не видеть вас и быть в разлуке с вами мне тяжело и мучительно”.

Слону хватило двух ведер

Около ста лет назад один весьма состоятельный и высокопоставленный горожанин решил, что Петербургу не хватает слона. Истратив немалые средства, сей господин, имя которого, увы, так и осталось неизвестным, подарил роскошное животное саду при Народном доме. Слону был построен специальный домик, его оформили на полный казенный пансион — предполагалось, что кормить животное будут отборными продуктами. Горожане слонов посмотреть всегда любили и толпами валили полюбоваться на гигантского зверя. Но вскоре с ужасным экспонатом стало твориться что-то неладное. Дело в том, что прокорм животного поручили людям, далеким от любви ко всему живому, но страшно охочим за казенный счет пополнить свой кошелек. Поэтому деньги государственные, на которые полагалось набивать слоновью пасть всякими вкусностями, получатели бессовестно забирали себе. Несчастному животному ни копейки не оставалось. Слон, попав на такую жестокую диету, начал худеть и реветь от голодной тоски. Его “кормильцы”, служители сада, к стонам бедняги были глухи, а зрители только радовались и после рассказывали знакомым о замечательном слоне, который трубит, не переставая, совсем как у себя в саванне.

Слона между тем уже ничто не интересовало, кроме еды. Мучительный голод просто довел гиганта до иступления, он был готов есть все, что угодно, но вокруг были одни опилки да прочие несъедобные вещи. И надо же так было случиться, что как-то утром к слоновьему вольеру пришел местный маляр. Он решил покрасить стоявшие вокруг жилища гиганта скамейки. Но прежде чем начать свою малярскую работу, решил он сходить подкрепиться, а краску оставил у вольера. Увидев, как

в ведрах плещется что-то аппетитно-зеленое, а из них торчат не менее привлекательные кисти, слон оживился. Несчастное животное решило, что попытка голодом наконец-то окончена и ему принесли поесть.

Едва маляр скрылся из виду, слон дотянулся до ведер и перенес их к себе. Аккуратно вынул кисти и залпом осушил одно ведро, а потом и другое. Краска, надо сказать, была отменная: зеленая, ядовитая, замешанная на мышьяке. Слон и понять не успел, что же такое он проглотил, как тут же скончался. Но история с “народным элэфантом” на этом не закончилась...

Служители сада, увидав бездыханное тело, конечно, расстроились, но вовсе не из-за безвременной кончины животного. Слон он слон и есть – тварь бессловесная хоть и большая, а людям дальше жить. Грусть вызывала перспектива остаться без слоновьего пансиона, к которому его зрители уже успели привыкнуть. История умалчивает о том, как им удалось мертвого гиганта спрятать, но доподлинно известно, что еще года два бывшие слоновладельцы регулярно получали деньги на пропитание умершего. Что же до освободившегося вольера, то его переделали – вот уж загадочная русская душа! – в музей... севастопольской славы и отнесли на окраину сада, чтобы никто о слоне и не вспоминал.

Голубей – гурманам, лягушек – докторам

Во все времена несладко жилось при людях всяким зверям и птицам. Чуть только почувствует человек запах денег, и вся любовь к тварям божьим улетучивается в один момент. Сотню лет назад, например, нависла серьезная угроза гибели петербургских голубей – весь город занялся отловом сизарей.

Как всегда, виноватой оказалась заграница, – тамошние гурманы полюбили блюда из голубятины. Петербуржцы дружно откликнулись на появившийся спрос. Отловленных голубей отвозили большими транспортами, причем товар этот был недешевый – сизари стоили столько же, сколько и рябчики с перепелами.

При этом предприимчивые питерские ловцы голубей пускали в дело бедных птиц буквально до последнего перышка. После отправки мяса за границу оставались крылья, ноги и головы, их продавали по 10–15 копеек за “комплект” переработчикам перьев, более мелкое перо шло на продажу набивщикам подушек и перин.

В общем, доходное было дело, и десятки “предпринимателей” не на шутку увлеклись голубиной охотой. Ранним утром на петербургские улицы одновременно с еще сонными птицами выбирались мрачного вида личности с сачками. Ловцы подкрадывались к стае и ловко взмахивали сачком. Отдельные виртуозы ловили по три штуки за раз. Добыча тут же переправлялась в объемный мешок под пальто, и охота продолжалась. Пройдя две-три улицы, голубиный охотник набирал до 40 птиц и потом отправлялся их продавать. Жители Петербурга возмущались невероятной жестокостью ловцов, которые запихивали в мешки живых птиц, обрекая последних на мучительную смерть. В общем, “Гринписа” не было на этих варваров.

Тогда же, сто лет назад, посетители Николаевского вокзала могли наблюдать чудную картину. На платформу выгружался уже немолодой человек с бесчисленным количеством клеток, бочонков и ящичков. Весь его багаж нестерпимо вопил, пищал, квакал, заглушая шум поездов. Удивительным гостем был некий господин Белясовский, а привозил он в город лягушек и морских свинок для опытов.

Товар Белясовского шел нарасхват. Его постоянными клиентами были все известные петербургские ученые и доктора, Военно-медицинская академия и Институт экспериментальной медицины.

За тридцать лет “предприниматель” поставил свое дело действительно на широкую ногу: на своем хуторе под Могилевом он понастроил домиков для свинок и вырыл десятки прудов для безудержно размножавшихся лягушек. Четыре раза в год наведывался Белясовский в столицу и каждый раз привозил порядка двух тысяч лягушек и до трехсот свинок. Первые продавались по 20 копеек, вторые по 75. Если учесть, что обслуживал лягушачий фермер не только Петербург, то ясно, что за три десятка лет он сумел скопить немалую сумму.

Мораль проста и незатейлива: человек был и есть царь природы, тиран и сумасброд.

Рога и копыта под градусом

Часто о поведении не в меру выпившего человека говорят, что он уподобляется животному. Но жители Петербурга столетней давности могли повсеместно наблюдать случаи, когда более справедливым было бы обратное сравнение.

Проживал тогда на Лиговке один извозопромышленник. Человек он был неплохой, но сильно пьющий. Он не только пил сам, но обычно за компанию угощал и имевшегося у него в хозяйстве козла. Тем самым выпивоха очень быстро приучил животное к пагубной страсти. Козел натуральным образом попал в алкогольную зависимость. Жена извозопромышленника использовала эту привычку в нужном для себя русле. Стоило только хозяину уйти в одну из лиговских пивных, хозяйка, дабы не рыскать самой по кабакам в поисках хмельного супруга, сразу выгоняла козла на улицу со словами: “Приведи Тарасыча”. Козлик прекрасно понимал, в чем дело, и отправлялся по портерным. Перебираясь в поисках хозяина от одной пивной в другую, козел стучал рогами в двери, пока в какой-нибудь из них не наткнулся на Тарасыча. Хозяин немедленно ублажал козла-алкоголика, вливая ему в рот парочку богемского. Потом они оба “на рогах” возвращались домой. Причем пьяные наклонности у козла проявлялись не меньше, чем у хозяина. Оба становились чрезвычайно буйными и успокаивались только дома при виде свирепой хозяйки.

Если этот случай можно назвать частным, то в это же время в масштабах Петербурга пьянство среди животных стало приобретать глобальные размеры, постепенно превращаясь в проблему. В любой из базарных дней на Конной площади можно было увидеть не одну хмельную лошадь. Барышники напаявали животных водкой: ловко просовывая в горло лошади посуду, они выливали содержимое — доходило до одной бутылки за прием. А в пьяном виде любая кляча на пробной езде неслась со скоростью кровного рысака, пока хмель из головы не выходил. То же самое проделывали по вечерам извозчики-лихачи, заработок которых напрямую зависел от скорости доставки пассажира до места назначения. К тому же, зимой в морозную ночь средство это, как говорили ямщики, “очень полезительное” от холода и простуды.

В результате к 1901 году в Питере уже был целый эскадрон лошадок с алкогольной зависимостью. Причем доходило до клинических случаев. Например, на Пушкинской у одного извозчика лошадь могла идти крупной и хорошей рысью исключительно подшофе.

В общем, зря современные автомобилисты жалуются, что их машины потребляют слишком много бензина. Пусть представят себе “живой транспорт”, который идет только на водке и в любой момент может остановиться и прилечь отдохнуть. Да и горожанам, пугающимся современных лихачей, советуем представить, что могли натворить после совместного возлияния лошадь и ее водитель.

Конь в липовой шкуре

В конце XIX века, несмотря на наступление прогресса, хорошая упряжка лошадей по-прежнему была символом достатка и благополучия. Один крупный столичный финансист, приобретя великолепную английскую серую в яблоках кобылку, стал активно искать ей пару. Но все его поиски были безуспешны до тех пор, пока не явился к нему человек, представившийся агентом, специалистом по лошадиному делу. Он “сугубо конфиденциально” сообщил, что у одного барышника появился очень стоящий экземпляр. Финансист так мечтал о втором коне, что самостоятельно отправился по указанному адресу где действительно увидел то, о чем мечтал. Лошадь подходила и по стати и по возрасту, но главное – была серой в яблоках – точная копия кобылицы, ожидавшей пары в конюшне богача. На радостях он, не торгуясь, отдал за красавицу немалые деньги – 600 рублей и собственноручно привел лошадь к себе. Несколько дней ликовал банкир и не мог нарадоваться на свое приобретение, пока однажды не вздумалось конюху помыть лошадку. Вместе с грязью с “красавицы” неожиданно сошли... яблоки, и она предстала в своем подлинном весьма скучном сером обличье. Пятна, как оказалось, были на лошади нарисованы, но так талантливо и натурально, что никто не заметил подвоха.

Разгневанный банкир привел кобылку обратно к пройдохе-барышнику и потребовал вернуть деньги. На это заявление продавец с удивлением сначала уставился на лошадь, а после на ее разъяренного владельца.

– Прошу прощения, любезный, но, может, вы мне объясните, по какой такой причине я должен отдавать шестьсот целковых за эту серую лошадь, которую я в жизни не видел. Я ведь вам продал отличную кобылицу в яблоках, а вы что мне пытаетесь всучить? – возмутился барышник.

Минут десять они переругивались: банкир грозил упечь барышника за решетку за “подделку конских примет”, а барышник вовсю голосил, что его, честного коммерсанта, посреди бела дня хотят до нитки раздеть. Поостыв и видя, что скандалничать бесполезно, финансист сказал:

– Вы меня надули, но я готов вам это простить, если вы укажете мне того маляра, этого поэта света и тени, который столь искусно разукрасил лошадь. Больше того, я даже заплачу еще четвертной, если он мне вновь ее разрисует.

Подумав, продавец хитро взглянул на банкира и ответил, что указать маляра он, разумеется, не может – секрет, а вот лошадку разрисовать – это пожалуйста. Пусть ее с утра приводят – яблоки будут лучше прежних. Так и сделали, вечером следующего дня лошадь уже красовалась в свеженарисованных яблоках, и ее поместили в банкирские конюшни. Но ненадолго, поутру финансист опять привел ее к барышнику и вновь потребовал вернуть ему деньги. Деваться теперь было некуда – пришлось раскошелиться. Ведь лошадь была той же самой масти, а согласно уговору, покупатель имел право вернуть ее в течение трех недель.

Дутая Маруся

Сто лет назад едва ли не самым верным способом заработать на жизнь для простого люда была профессия извозчика. В желающих воспользоваться экипажем недостатка не наблюдалось. Однако работа извозчика была хоть и выгодной, но нервной. Чаевые за “вредность” давали редко, частенько случалось обратное: клиент просто убежал, не заплатив. Но самым страшным для извозчика было, когда что-то случалось с его верной напарницей – лошадью.

Как-то у одного из петербургских извозчиков приключилась именно такая беда. Его старушку-кобылу попросту украли. Горевал он сильно, – хоть и старая была, но уже сроднились за столько лет. Но делать нечего, надо было искать замену. Найти хорошее животное тогда было непросто, а купить и того сложнее. Вариантов покупки было два. Можно было приобрести лошадь в рассрочку, сделать первый взнос, а потом зарабатывать на ней деньги на уплату оставшейся суммы. Только цена в этом случае выростала раза в три. Если же кто-то хотел купить лошадку подешевле, то предлагалось выплатить все деньги сразу. Но только здесь уже никакой гарантии качества не давали, и возврату и обмену товар не подлежал.

Денег у несчастного “безлошадника” было мало, значит, вариант рассрочки отпадал сам собой. Потому, подбадривая себя мыслью о том, что уж кто-кто, а он-то все козни торговцев лошадьми знает и сможет отличить достойную кобылку от старой клячи, извозчик отправился на поиски. Искал недолго, на удивление быстро ему удалось

за приемлемую цену приобрести немолодую, но, как казалось, очень резвую лошадку. Ему она вообще показалась красавицей. Бока упругие лоснятся, голова гордо поднята, а как только кнут увидит — глаза искры мечут, ноздри раздуваются, и без уговоров рвет с места. Но окончательно извозчик был покорен тем, что лошадка отзывалась на имя безвременно утраченной Маруськи. Но недолго гнал ямщик лошадей. Ровно через три дня на глазах у изумленного извозчика лихая кобыла начала превращаться в ту самую, казалось, безнадежно утраченную Марусю-старушку. Только взгляд у нее стал совсем грустный, гордо вздернутая голова поникла и нервно дергалась, а еще вчера холеные бока оказались просто распухшими.

Выяснилось, что несчастный извозчик стал жертвой целой шайки, орудовавшей в Петербурге. Одни коней воровали, а другие, прежде чем перепродать, когда нужно было, придавали животному товарный вид, причем самыми живодерскими способами. Несчастную Маруську, сначала накрыв сукном (чтобы не осталось рубцов), долго били плетью, затем во избежание подтеков поливали теплой соленой водой. От этих экзекуций бока вздувались и становились упругими — их натирали маслом для обработки дерева, и шкура приобретала выгодный цвет и начинала лосниться. Чтобы лошадь гордо держала голову, шею ей натирали скипидаром — от боли лошадь вытягивалась по струнке. Понятно, что после такой обработки при одном виде кнута несчастное животное рвалось с места, силясь убежать от мучителей. Преображенную лошадку вывели на базар, и надо же было так случиться, что приобрел бедолагу ее же хозяин.

Маруська вскоре вернулась в первоначальное состояние, но от пережитого кошмара не оправилась и вскоре околела. Извозчик вновь остался без лошади, но и денег у него уже не было — пришлось сменить занятие. А шайку мучителей так и не поймали — да и, по правде сказать, уличить их было сложно: пока очередная фальшивая кобылка превращалась в исходную клячу, продавцы испарялись, как их и не было.

ЭХ, ДОРОГИ

Лихачи города Питера

Сотню лет назад к услугам петербуржцев, которые страсть как любили быструю езду, работали в столице известные всем лихачи – высшая каста среди извозчиков. Они с ветерком носили по городским улицам прожигателей жизни, соревнуясь между собой в удали да скорости. Стать лихачом мог далеко не каждый, для этого требовался немалый начальный капиталец. Ведь непременно нужна была самая современная по тем временам повозка “на резине”, запряженная первоклассными рысаками. И то и другое стоило немало. Но вложенные деньги с лихвой окупались – пассажиры, которых катали лихачи, денег не считали и платили щедро.

Один из самых известных в городе лихачей дежурил на углу Литейного и Невского. Звался он Никитой-бородачом и бороду и впрямь имел выдающуюся, ухоженную. Как рассказывали, если Никите заплатить не скупясь, то равных ему по скорости не сыскать. Он запросто мог промчать весь Каменноостровский проспект за две с небольшим минуты. Впрочем, его “гонки со свистом” имели и оборотную сторону. Скольких коней он загубил и сколько народу передал, никто не считал. В месяц он со своих седоков получал тысячи две, а то и все три, поэтому мог позволить себе и коней менять и повозку покупать новую. Да и вообще жил лихач привольно на зависть обычным извозчикам, отбивал у купцов их спутниц, перекупал цыган у гулявших каскиров. Но в конце концов Никиту все же посадили за неосторожную езду. Отсидев полгода, он вышел на волю и с лихачеством решил завязать. Женился на богатой купчихе и получил имение в Костромской губернии.

При большом везении на том же ночном Невском можно было встретить и упряжку Гришки-Рябчика. Прозвище свое он получил по причине многочисленных оспин, украшавших его лицо. Зарабатывал Гришка не только получая деньги с пасса-

жиров. Своих подвыпивших клиентов на их крик “к цыганам” он неизменно вез в ресторацию к цыганам Кривецкому и Ко-сецкому, которых так прозвали по причине того, что один и вправду был кривой, а другой изрядно косил. За такую услугу Гришка получал каждую неделю от рестораников хорошие комиссионные. Прогоняв по петербургским улицам несколько лет, Рябчик стал извозопромышленником и командовал компанией из 25 извозчиков.

Ну и, наконец, третьим, а на самом деле первым по своей известности в Петербурге был прославленный Павлуха Адресная Книга. Каждый день в десять вечера он появлялся на Большой Морской. Кого попало он к себе не сажал, а возил исключительно клубных игроков, кассиров, биржевиков. Купчиков же Павлуха почему-то на дух не переносил. Свое “книжное” прозвище он получил за то, что знал адреса всех веселящихся дам города и специализировался на доставке таковых к скучающим компаниям.

Эра лихачей закончилась осенью 1898 года, когда у извозчиков ввели повременную оплату – таксу. Однако это уже другая история.

Извозчики часов не наблюдают

Более ста лет назад в петербургских часовых лавках появился новый товар – специальные часы для извозчиков. Дело в том, что городские власти решили наконец приструнить питерских лихачей, всячески старавшихся содрать с седока как можно большую мзду. Теперь была введена строгая такса за проезд: двугривенный за пятнадцать минут езды, и не больше. Тех, кто не соблюдал порядок, сурово наказывали – взымали большие штрафы.

Нововведение это вызвало всеобщее недовольство и обернулось неприятностями как для “водителей кобыл”, так и для пассажиров.

Один извозопромышленник, желая поспеть за новыми веяниями, закупил целую партию часов и раздал их своим извозчикам. Каково же было удивление Архипа Даниловича, когда вечером ему стали приносить выручку, во много раз меньше обычной. Причем все извозчики клятвенно уверяли, что работали честно, строго по хронометрам.

Оказалось, что один из них, посадив к себе седока в одиннадцать утра, несколько часов возил “господинчика с тростью” по городу. Когда же пришло время к расплате и извозчик посмотрел на часы, то на них еще и полудня не было. Обрадованный пассажир “осчастливил” водителя “по таксе” сорока копейками. Не понимая, как такое могло произойти, извозчик зашел в ближайший трактир, где встретил знакомых и поделился с ними своей бедой. Те ему и объяснили, что для того чтобы часы работали, их заводить надо. Там же, в трактире, часы и завели, но, вероятно, перестарались, перетянув пружину. С этого момента часы стали барахлить и останавливаться. В итоге за весь день бедолага заработал рубля два, чем невероятно огорчил хозяина. Правда, другой его извозчик принес и того меньше. Разумных объяснений Данилыч от него так и не добился. Все выяснилось случайно, когда на вопрос, сколько сейчас времени, извозчик недоуменно пожал плечами. Оказалось, что пользоваться часами он не умел, а получая деньги с седоков, отдавал им хронометр и спрашивал, “сколько там натикало”. Конечно, пассажиры безбожно занижали сумму, переводили стрелки назад, в общем, всячески обманывали несчастного, которому ничего не оставалось, кроме как верить им на слово.

Растроенный извозпромышленник был вынужден на следующее утро битый час объяснять своим работникам, что такое часы и как ими пользоваться. А отправив их на работу, сам пошел к своему товарищу и коллеге Григорию Парамоновичу спросить, как с этой часовой напастью бороться и денег не терять. Тот ему и посоветовал: для того чтобы извозчики “на часах” больше денег зарабатывали, им надо просто медленнее ездить. Допустим, если “водитель кобылы” может домчать до какого-то места за десять минут и получить двадцать копеек, то теперь пусть не торопится и потратит на дорогу минут семнадцать, за которые уже законно можно брать двойной тариф. Так и пошло. Экипажи Данилыча, как, впрочем, и все остальные, перемещались по городу с черепашьими скоростями, к огромному неудовольствию пассажиров. Продолжалось это до тех пор, пока власти, увидев, что затея с часами провалилась, не распорядились установить на повозках таксометры, похожие на современные счетчики в такси. Правда, как и сейчас, счетчики эти подозрительно быстро ломались, и платили седоки, как и прежде, по договоренности с извозчиком.

Извозчик-полиглот

Среди петербургских извозчиков сто лет назад всегда было немало колоритных персонажей, но все же по большей части были это мрачного вида мужички, отнюдь не блиставшие культурой речи. Однако случались и исключения. Около ста лет назад по весне один петербургский журналист познакомился с более чем интересным кучером...

Едва корреспондент “Петербургского листка” уселся в повозку и лошади тронулись, как извозчик стал кричать мешавшим ему ехать прохожим на чистейшем французском: “Prends garde” (“Поберегись!”). На вопрос ошарашенного пассажира, неужели он знает французский, кучер гордо ответил, что он не только галльскую речь понимает, но и по-немецки говорить способен, да и “по-аглички вполне пообщаться может – был бы собеседник понимающий”. Совершенно заинтригованный пассажир потребовал немедля рассказать, откуда такие глубокие познания у простого кучера. Как выяснилось, языкам извозчика № 5771, представившегося Магазиным, выучила не кто-нибудь, а Мария Мариусовна Петипа, дочь великого балетмейстера и известная в ту пору актриса. Стоит заметить, что историю свою “водитель кобылы” рассказывал опять-таки на французском, щедро пересыпая речь немецкими и польскими словами, умащая все это латынью.

Как рассказал извозчик, матушка его была крестьянкой из Новгородской губернии и служила мамкой у Мариуса Петипа, кормила маленькую Марию. Сын частенько навдывался из деревни к матери в Петербург. Когда дочка балетмейстера подросла, мамку при ней оставили, а будущий извозчик продолжал приезжать в дом Петипа, став со временем преданным товарищем Марии. Поэтому, когда пришло время учиться и в доме появилась гувернантка, она уже обучала языкам обоих, и молодой человек получил весьма сносное образование. Позже Марию Мариусовну отдали учиться дальше, а Магазиный сам стал штудировать учебники, устроившись в Петербурге извозчиком. Маша стала актрисой, а ее приятель по детским играм так и остался на козлах. Правда, в свободное время он иногда занимался писательством и даже публиковался в журналах. Свое невысокое общественное положение он с важностью объяснял идейными

соображениями: “только с кучерского места жизнь народная, коренная и видна”, судьбой своей он весьма доволен, только вот поговорить на языке не с кем, “коллеги” – народ по большей части темный.

Растрогавшись, журналист щедро одарил уникального кучера, и тот поехал дальше, напевая себе под нос что-то легкомысленное, французское.

Вечная дорожная тоска

Присказка о дураках и дорогах – вероятно, самая популярная в России, да такой, наверное, и останется. Бороться с первым, судя по всему, невозможно в принципе, а безнадежность сражений с дорожной напастью поняли в Петербурге еще сто лет назад.

Чего только не пытались сделать городские власти, для того чтобы улучшить городские дороги и облегчить передвижение по ним. За границу призывали на помощь, да все без толку... К примеру, приехал сто лет назад в Петербург один американский инженер и представил на суд общественности проект... травяной мостовой. Там, в Штатах, светлые головы учудили выращивать специальную траву, потом ее сушить и по-особому обрабатывать. Из этого материала получалась очень стойкая и аккуратная плитка. Вот ею-то американцы и предлагали вымостить петербургские улицы. Дескать, мостовая продержится дольше, потому как прочнее будет, чем торцевая. И даже где-то попытались это внедрить, да оказалось, что никакая американская супертравка питерской погоды вынести не может. К тому же, мостовые в городе тогда мостили за счет домовладельцев, и когда те узнали, сколько это травяное удовольствие стоит, они ответили резким отказом. Никакие ссылки на то, что “сей проект с радостью реализуют по всей Европе”, не прошли.

Другие, не менее предприимчивые граждане из Европы предлагали на суд общественности безгрязевую резину на колеса. Говорили, мол, от этой резины грязь по сторонам не летит. Власти обрадовались – с грязью на улицах все равно не управиться, так пусть новая резина хоть пешеходов от нее защитит. Но прежде чем изобретение иностранное использовать, решили все же

провести эксперимент. Собрали жюри, да все дату как-то не могли назначить. Иностранцы ее постоянно переносили – то у них одно не готово, то другое недоделано. Но вот одним солнечным днем настал час проверки. Рядом с Гостиним двором специально “загрязнили” часть улицы, а по краям протянули листы белой бумаги, чтобы определить “чистоту работы колес”. Авторы резины опять начали возиться с колесами, что-то поправлять да подвинчивать. В результате проверка началась на полтора часа позже. Снаряженные новыми колесами повозки промчались по улице, и действительно, бумага осталась девственно белой. Иностранцы уже начали радоваться успешно пройденному экзамену и предвкушать солидные барыши, которые они смогут получить, переоснащая шинами всех городских извозчиков. Но тут нашлись среди экзаменаторов светлые головы, которые заметили, что грязь-то за полтора часа успела подсохнуть. Срочно вызвали водовоза, разбавили все водицей и постановили эксперимент повторить. Изобретатели сразу как-то сникли и понуро отправились на старт. Повозки вновь помчались...

На сей раз бумага была далеко не белой. Но самым неприятным для иностранцев стало то, что и жюри было приблизительно того же цвета. Экспертов непредусмотрительно усадили у самого края дороги, так что все чиновники вмиг покрылись ровным слоем грязи. В общем, конфуз вышел у городского начальства с резиной, и вновь пришлось думать о том, что же делать с этими проклятыми дорогами.

Сто лет уже думают, а толку...

Как чуть не убили автомобили

Глядя на бесконечную реку машин на городских улицах, порой трудно поверить, что вся эта четырехколесная армия заполнила дороги не так давно. Между тем еще в 1899 году в городе было зарегистрировано только 26 автомобилей, и для многих они казались явлением явно дьявольского происхождения. Осенью того года жаркие споры по поводу железных коней разгорелись в Городской думе. Судьба автомобилей висела буквально на волоске.

Кому и зачем нужны автомобили? По решению Думы, нужны они для перевозки тяжестей и личного удовольствия. Последнее, правда, многие депутаты признали спорным. Дескать, от езды на машине никакого удовольствия нет и быть не может — только одни несчастья, десятки раздавленных горожан, вонь, грязь, грохот и общее психическое расстройство. Дабы хоть как-то спасти народ от автомобильных страшилищ, Дума разработала целый свод правил езды на автомобилях.

Максимальную скорость установили — 12 верст в час. Это при том, что хороший извозчик мог разогнаться до 120 верст. К тому же, тут вышла заминка — таких медленных машин в мире никто уже не делал. Но депутаты во все времена на выдумку хитры, они предложили установить на машинах приспособления, которые сейчас называются ограничителями скорости. Для русских, любящих быструю езду, идея весьма необычная.

Не всякому можно было стать автомобилистом. Дума запретила садиться за руль близоруким и гражданам, страдающим ревматизмом. И уж конечно, от общения с “вредными” колесницами отстранили молодежь. До 17 лет нельзя было ездить на машине даже в качестве пассажира, а водить авто разрешалось только с 20 лет.

Идея спасения горожан от автомобилей так воодушевила законодателей, что они потребовали, чтобы машина ездил без шума и треска и не выпускала ни дыма, ни пара. На язвительное замечание одного из прагматичных коллег, что тогда все автомобили должны быть электрическими, депутаты дружно ответили, что, конечно, нет, но ездить следует тихонько-тихонько. А лучше вообще не ездить.

Ну и наконец, машины, катавшиеся по городским улицам, должны были обязательно быть с резиновыми колесами и... не брызгать грязью. Учитывая, что последняя в городе не переводилась, машин в городе не должно было остаться вовсе.

Дабы окончательно испортить жизнь автомобилистам, думцы решили ввести налог на автомобили. Правда, тут они уперлись в глубоко философскую проблему — что есть автомобиль. Дело в том, что в городе налогом облагались лошади, но не экипажи. Автомобиль же, по мнению гласных, был и лошадью и экипажем одновременно. Тогда как же высчитывать налог? С автомобиля в целом или с каждой лошадиной силы, запрятанной у него под капотом?

К счастью, в думе нашлись здравые головы, призвавшие не мешать прогрессу и дать развиваться новому транспорту, а потом уже облагать налогами. На том и порешили — подождать, пока машины “разведутся”, тогда и деньги с их хозяев собирать...

Что же касается правил, то ведь у нас во все времена для того они и создавались, чтобы их нарушать.

“Заячья” трагедия

Сто лет назад “зайцы” на железной дороге были так же неистребимы, как и сейчас. Сколько бы ни ходило контролеров, как бы ни ужесточались проверки, а число безбилетников только росло. Причем профессию “зайца” многие выбирали отнюдь не из-за бедности.

Петербургский коммерсант Капустин, часто бывавший в разъездах по торговым своим делам, долгое время вел себя вполне благонадежно — то есть покупал билеты. Отчего не купить — деньги, слава Богу, имелись, и скупостью не страдал. Но однажды он твердо решил ступить на скользкую “заячью” тропу, а причину такого переворота он объяснил “изуверством” контролеров.

— Надоели они, мочи нет, — сетовал Капустин. — Ведь только приляжешь, заснешь, как тут же тебя толкают с криками “ваш билет”. Откроешь глаза и видишь целую дюжину железнодорожных чинов с пытливыми лицами. Мало того, что билет со всех сторон осматривают и обнюхают, как диковинку какую, так и тебя таким взглядом осматривают, словно на преступника какого напали. Едва после их ухода в себя придешь, задремлешь, как новый крик и новая проверка — и так раз пять за ночь.

Недовольный коммерсант выяснил, что всех этих напастей легко можно избежать, если договориться с кондуктором. Задобрив последнего, он получал в распоряжение целое купе, где никто его не беспокоил.

— Без билета совсем другое дело, — пояснял друзьям коммерсант, — вся бригада за тобой ухаживает, точно добрая нянюшка за ребенком, едешь со всеми удобствами и никаких контролеров не знаешь.

Подобный способ переездов тогда практиковали многие, содержание у кондукторов было мизерное, потому они с радостью принимали безбилетных пассажиров. Для подстраховки обычно подкупа-

ли и контролеров. Если же это не удавалось, то в поезде у кондуктора были свои шпионы, которые сообщали о передвижениях проверяющих господ. В случае опасности пассажира прятали на промежуточной станции или даже покупали для него билет, который он и предъявлял при ревизии. Одна беда была – тайные контролеры. Сидит себе такой ничем не примечательный пассажир и вдруг поднимается и предъявляет кондуктору документы – контролер.

На таких-то контролерах “заячь” благополучие Капустина и закончилось. Как-то ночью вбежавший к нему кондуктор трагическим шепотом сообщил, что в вагоне объявился “тайный” ревизор. Дабы спастись, нужно “зайцу” срочно прикинуться истопником. Поверх дорогого костюма была надета грязная роба, и коммерсанта приставили к печке. На станцию назначения Капустин приехал весь в саже, пока чистился – опоздал на важную встречу. Однако все эти неприятности не пошли впрок, и в обратный путь коммерсант отправился тем же макаром, без билета.

Глухой ночью спящего “зайца” вновь разбудил кондуктор.

– Просыпайтесь, беда, контролер замаскированный проявился, – зашипел он Капустину прямо в ухо.

– Опять у печки куковать? Не буду! – возмутился раздосадованный коммерсант.

– Ну не хотите, так давайте на крышу, – предложил кондуктор.

– Так дождь ведь как из ведра, – запротестовал “заяц”.

– Ну хотя бы давайте в другой вагон провожу вас.

Согласившись, коммерсант поспешил на площадку между вагонами. Едва он там оказался, как ощутил толчок в спину и с воплями полетел вниз...

Спустя сутки испачканный, весь в ушибах, ссадинах и со сломанной рукой Капустин добрался домой. Хотел было заявление написать – ведь чуть не убил кондуктор-мерзавец, но пострадавшему объяснили, что шансов у него никаких. Во-первых, очень трудно доказать, что его именно толкнули, а не сам он вывалился из поезда, а во-вторых, кого ловить, если в ночной темноте он даже лица того, кто его толкал, не рассмотрел. Да и вообще коммерсант еще легко отделался. Кондукторы, которые зайцев возят, в случае опасности часто безбилетников из вагона выкидывают и далеко не все выживают. На некоторых направлениях и недели не проходит, чтобы не нашли на полотне бездыханное тело выпавшего. А толкнули его или сам упал – дознаться невозможно.

Проводник-ссадист

Как-то раз около ста лет назад один питерский адвокат сел на московский вечерний поезд и отправился по служебным делам в Клин. Там он на следующий день на городском судебном процессе собирался выступить с защитной речью в пользу какого-то местного купца. Оказавшись в вагоне, перед тем как лечь “на боковую”, он попросил контролера позаботиться о его пробуждении. И прекрасно зная свои “физиологические особенности”, специально предупредил, что если он вдруг не захочет добровольно просыпаться, то его необходимо без особых церемоний просто высадить на нужной станции.

Проснулся служитель Фемиды самостоятельно, чувствуя себя бодрым и удивительно выспавшимся. А когда понял, что “сладко просопел” свою станцию, а заодно и начало заседания, вначале похолодев от ужаса, а затем вспотев от гнева, потребовал к себе “подлеца”-контролера. Четверть часа “почтенный господин в пенсне” изрыгал такие изысканные бранные тирады и демонстрировал столь непристойные жесты в адрес виновато потупившегося контролера, что возмущенные пассажиры наконец вынуждены были вступить за “обиженную” сторону. Но доселе молчавший контролер задумчиво сказал, что это еще цветочки, поскольку он представляет себе, что о нем думает человек, которого он вот уже как два часа, несмотря на яростные вопли и сопротивление, умудрился вместо господина в пенсне высадить с поезда. Пострадавшему адвокату ничего не оставалось, как доехать до Москвы и телеграфировать оттуда в Клин о том, что задерживается “ввиду не зависящих от него обстоятельств” и первым же поездом прибудет на место. Ото всей этой “нелепой истории” он так разволновался, что, приняв добрую дозу успокоительного, “успокоился” ровно настолько, чтобы, случайно заснув, опять проехать нужную станцию. Отчаявшись попасть по назначению, он уже напрямую поехал в Петербург. Дома же его ждала “милейшая” телеграмма о том, что суд перенесен на неопределенное время.

Спустя пару лет, оказавшись на каком-то съезде юристов, ему опять пришлось вспомнить об этом случае. Один его коллега поведал, как только благодаря “неожиданной выходке” контролера, который вышвырнул его сонного с поезда, он не попал в Москву на судебные слушания по делу известного контрабандиста и остался жив. Оказалось, что в тот день в зал заседаний бросили бомбу, и несколько человек погибли, а он в это время сидел на клинском вокзале в ожидании следующего экспресса.

Чухонские недоразумения

Сто лет назад случилось питерскому чиновнику Бурцеву прикупить себе дачу в Териоках (ныне – Зеленогорск). Место хорошее, и до города поездом недалеко, тем более что по роду деятельности ему частенько требовалось отлучаться в Петербург, да и соседи, преимущественно финны, люди приятные, аккуратные. Как-то утром вышел Николай Калистратович к морю искупаться, а заодно полюбоваться ландшафтом. И видит – на его береговом участке лежит выброшенный ночной бурей мертвый тюлень. Сначала, не подумав о последствиях, он не обратил на него должного внимания, пока через день тюлень не начал разлагаться и распространять зловоние. Тогда новоявленный дачевладелец нашел какого-то чухонца и попросил увезти бывшего морского жителя куда-нибудь подальше. Но когда заговорили о цене, чухонец очень внимательно осмотрел животное, пощупал его, а после этого постановил: “Три рубля”. “Как три рубля?! – возопил “счастливый” обладатель тюленя. – Сбавь хоть немного, и я согласен!” Но абориген оказался упрямым и ответил: “Никак нельзя. Три рубля”. Еще немного поторговавшись, пришлось согласиться на эти условия. К тому же, Николай Калистратович спешил, ему еще нужно было съездить по служебным делам в столицу. “Ну убирай, хоть за три рубля, но только поскорее”, – поторопил он. Каково же было удивление “чиновника на отдыхе”, когда чухонец, выудив из-за голенища сапога кошелек, достал оттуда три целковых, вручил их хозяину тюленя и деловито принялся паковать приобретение. Как оказалось, чухонец подумал, что ему просто продавали мертвое животное.

Бурцев, все еще находясь под впечатлением от неожиданной сделки, поспешил на станцию, где собирался сесть на поезд до Петербурга, но, поглощенный мыслями об утреннем курьезе, по ошибке уселся в поезд, следующий на Иматру. Состав благополучно тронулся в противоположную от Питера сторону, а через несколько минут к Николаю Калистратовичу подошел финский контролер и, удивившись, что пассажир едет с петербургским билетом на Иматру, с почтительным недоумением спросил: “Вы в Петербург?” – “Ну да, вы же видите сами, что в Петербург!” – ответил незадачливый пассажир. “Виноват, пожалуйста”, – протянул назад билет контролер. За время пути три раза через каждые несколько

станций повторялся буквально тот же диалог, который уже не раздражал, а веселил Николая Калистратовича, правда до тех пор, пока он не сошел с поезда.

После этого случая Бурцев решил, что финны хотя народ серьезный и угрюмый, но, похоже, падкий на всякого рода недоразумения. И будучи сам человеком с юмором, предложил приятелю, соседу по даче, “в отместку” немного позабавиться над “чухонскими кондукторами”. Дело в том, что на поезда тогда существовали сезонные билеты с обязательной фотокарточкой владельца. И два великовозрастных шутника решили обменяться этими самыми билетами, после чего разместились в разных вагонах одного поезда. Естественно, что кондуктор, обнаружив у обоих пассажиров чужие билеты, отобрал их и сдал для выяснения дела на конечной станции. Несложно представить себе изумление начальства, когда за своими билетами явились схожие с фотокарточками лица и учинили справедливый скандал. Устроили очную ставку с испуганным кондуктором, который извинялся и очень переживал, что так получилось, поскольку эта история явно грозила ему потерей рабочего места. Так и случилось бы, но шутники, уже вдоволь натешившись, сказали правду, что сами перепутали билеты, разумеется, благо разумно умолчал об истинной причине такой рассеянности.

Кошмар на Удельной

Сотню лет назад в один из осенних дней петербуржцы под вечер с ужасом рассказывали друг другу о страшных происшествиях на станции Удельной. За один день там сошли с рельсов два поезда, под колесами третьего погиб человек и еще один поезд сгорел.

Неприятности начались с самого утра. Экспресс номер восемь на Гельсингфорс подъезжал к станции, где было не протолкнуться от людей, ожидавших местный поезд. Вдруг неизвестно каким образом навстречу пассажирскому составу выскочил товарняк, машинист его будто ослеп. Раздался треск и грохот. Каким-то чудом все остались живы, пострадали только поезда и пути. Но “недостаток жертв” восполнился спустя несколько часов, когда едва-едва успели убрать следы катастрофы. Из-под тормозив-

шего у станции поезда раздался истошный вопль – раздавлена оказалась некая молодая дама в трауре. Что случилось, никто так и не смог понять. Вроде бы, женщина переходила из вагона в вагон, но оказавшись между площадками, она неожиданно, миновав буфера, исчезла под колесами. Очевидцы говорили, что если бы несчастная, упав, не дергалась, то осталась бы жива, а так ее буквально разрезало пополам. Дотошные петербургские журналисты вскоре выяснили, что, возможно, это вовсе и не был несчастный случай. Погибшая оказалось дочерью одного купца. Не так давно она вышла замуж за некоего финна, причем вопреки воле своего батюшки. Разгневанный купец дочурку проклял, но оказался слаб сердцем и вскорости скончался. Вся родня ополчилась на несчастную, называя ее отцеубийцей. Посему женщина от безысходности и решила повторить “подвиг” Анны Карениной.

Пока на Удельной снова наводили порядок после трагедии, на перронах собралась изрядная толпа зевак, которые бурно обсуждали произошедшие события. Расходиться никто не собирался.

– Уверенно вам, говорю, надо ждать третьего акта, – вещал какой-то субъект в потертом сюртуке. – Бог троицу любит, даже когда нас, грешных, карает.

И точно, спустя пару часов пришло известие, что недалеко от станции горит поезд из Выборга. Огонь в багажном отделении заметили сами пассажиры. Состав остановили, все высыпали из поезда и попытались спасти свои вещи. Но оказалось, что тушить огонь нечем: до станции далеко, водоемов поблизости нет. На свою беду, один выборжец вез в этом поезде молоко на продажу в столицу. Прознавшие об этом пассажиры тут же и решили, что добро, залитое молоком, все лучше сгоревшего, а значит, надо тушить тем, что есть. Хозяин молока возражал: дескать, пожар – это еще не повод, чтобы молоко переводить и ему, несчастному, разорение чинить. За такие слова он был бит разгоряченными “пожарниками” и был вынужден сдаться. Впрочем, пользы от молочного тушения не вышло никакой – унять огонь так и не удалось. Посему когда на место происшествия прибежали зеваки с Удельной, они застали “восхитительное” зрелище полыхавшего состава на фоне темнеющего неба... В Петербурге же с того дня еще долго ходили слухи о том, что на Удельной нечистый завелся: поезда и людей губит без разбора.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от авторов.....	3
-----------------------------	---

Азарт и страсть

Живая очередь на дуэль.....	4
Карапуз-картежник.....	5
Игра с “секретом”.....	7
Невский скакун.....	8
Пари по-русски.....	9
Маэстро кутежа.....	11
Король пьяниц.....	12
Босоное лечение.....	13
Блинное безумие.....	15
Слабительные заплывы.....	16
Рецепт для коллекционера.....	17
Проклятая мумия.....	19

Под сенью муз

Мекка для гастрологов.....	21
Роковое па.....	23
Не все рыжие одинаково полезны.....	24
Кегли против драмы.....	25
Буфетные гонорары.....	26
Стихи для покойника.....	28
Невский Бендер.....	29
Нимфа-диверсантка.....	31
Из грязи в шедевры.....	32
Охотники за телами.....	33
Фиеста нордическая.....	34

Брачные маневры

Любовь размером с пяточок.....	36
Жертвы эпистолярного жанра.....	37
Лишь бы быть с любимой рядом.....	38
Скамейка до венца доведет.....	39
Свадебный атлет.....	41
Брачные маневры.....	42

Купцы дерутся — слугам радость.....	44
Как жадный тесть на приданом погорел.....	45
Жених на час.....	46
Похищение россиянки.....	48
Гувернантки легкого поведения.....	49

Питерские чудеса

Мститель с того света.....	51
Призрак оказался булочной.....	52
Старушка-фаталистка.....	54
Дачное привидение.....	55
Казанский благодетель.....	56
Шутка покойника.....	57

От сумы да тюрьмы

Пока живут на свете дураки.....	59
Хлестаков-профессор.....	60
Почтовый пират.....	62
“Спящая красавица”.....	64
Доброта как улика.....	65
Как мошенник стал звездой.....	66
Друг нищих сгорел на “догнеппинге”.....	67
Прийти, поесть... и не платить.....	69
Продавец воздуха.....	70
Тюрьма “пять звезд”.....	71
Тюремные каникулы.....	73
Уголовные дамы страшней приговора.....	74

В погоне за звонкой монетой

С умом и без денег тепло.....	77
Горе-изобретатели.....	78
Цирюльник-хирург.....	79
Бродячий дантист.....	80
От санитаря до официанта один шаг.....	82
Помойный прииск.....	83
Климат — на скамью подсудимых.....	85
Чудо техники по-нашенски.....	86
Алмазы из грязи.....	88
Агентская лихорадка.....	89
Чехарда на буксирах.....	91

Горожане наши меньшие

Столица крысиной империи.....	93
Бодался теленок со львом.....	94
Цирковые страсти.....	95
Слону хватило двух ведер.....	97
Голубей – гурманам, лягушек – докторам.....	98
Рога и копыта под градусом.....	99
Конь в липовой шкуре.....	101
Дутая Маруся.....	102

Эх, дороги

Лихачи города Питера.....	104
Извозчики часов не наблюдают.....	105
Извозчик-полиглот.....	107
Вечная дорожная тоска.....	108
Как чуть не убили автомобили.....	109
“Заячья” трагедия.....	111
Проводник-ссадист.....	113
Чухонские недоразумения.....	114
Кошмар на Удельной.....	115

Дягилева Юлия Юрьевна, Сысоев Денис Вадимович
Неизвестные байки старого Петербурга

Редактор *Б. П. Миловидов*
Корректор *Л. Н. Комарова*
Компьютерная верстка *П. В. Рыжов*

ИД № 04786 от 18.05.2001
Подписано в печать 3.02.2003.
Бумага офсетная. Формат 60 x 84/16.
Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 6.
Тираж 2000 экз.

ООО "Крига"
199053, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., д. 4
Тел. (812) 323-2824, тел./факс: (812) 323-2964
info@kriga.spb.ru
www.kriga.spb.ru

Отпечатано в типографии
Издательства СПб ИИ РАН "Нестор-История"
197110, Санкт-Петербург, ул.Петрозаводская, 7
Тел. (812) 2356815 nestor@mail.wplus.net

